

№28/2019

ISSN 3375-2389

Vol.2

The journal publishes materials on the most significant issues of our time.

Articles sent for publication can be written in any language, as independent experts in different scientific and linguistic areas are involved.

The international scientific journal “Danish Scientific Journal” is focused on the international audience. Authors living in different countries have an opportunity to exchange knowledge and experience.

The main objective of the journal is the connection between science and society.

Scientists in different areas of activity have an opportunity to publish their materials.

Publishing a scientific article in the journal is your chance to contribute invaluable to the development of science.

Editor in chief – Lene Larsen, Københavns Universitet

Secretary – Sofie Atting

- Charlotte Caspansen – Syddansk Erhvervsakademi, Denmark
- Rasmus Jørgensen – University of Southern Denmark, Denmark
- Claus Jensen – Københavns Universitet, Denmark
- Benjamin Hove – Uddannelsescenter Holstebro, Denmark
- William Witten – Iowa State University, USA
- Samuel Taylor – Florida State University, USA
- Anie Ludwig – Universität Mannheim, Germany
- Javier Neziraj – Universidade da Coruña, Spain
- Andreas Bøhler – Harstad University College, Norway
- Line Haslum – Sodertorns University College, Sweden
- Daehoy Park – Chung Ang University, South Korea
- Mohit Gupta – University of Calcutta, India
- Vojtech Hanus – Polytechnic College in Jihlava, Czech Republic
- Agnieszka Wyszynska – Szczecin University, Poland

Also in the work of the editorial board are involved independent experts

1000 copies

Danish Scientific Journal (DSJ)

Istedgade 104 1650 København V Denmark

email: publishing@danish-journal.com

site: <http://www.danish-journal.com>

CONTENT

HISTORICAL SCIENCES

Vasilchenko O.

INDIGENOUS FAR EAST AT THE END OF THE XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: FAMILY AND FAMILY3

PEDAGOGICAL SCIENCES

Abu-Latiff M.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL BASES OF A DIFFERENTIATED APPROACH TO THE PROCESS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE IN SCHOOLS6

Hyrka I.

THEORETICAL FOUNDATIONS FOR THE INTERPRETATION OF THE CONCEPTS «POSITIONING», «BRANDING», «STRATEGY», «POSITIONING STRATEGY»8

Fomenko V.

THE USE OF THE PRINCIPLE OF MODEL CHARACTER OF PHYSICAL KNOWLEDGE IN THE GENERAL PHYSICS COURSE FOR NONPHYSICAL SPECIALTIES12

Kharkivska Aryna

METHODOLOGICAL APPROACHES TO DEVELOPMENT THE FUTURE EDUCATOR'S COMMUNICATIVE CULTURE OF PRESCHOOL EDUCATION IN THE CONDITIONS OF MAGISTRACY15

Kokareva A., Khomenko-Semenova L.

ANALYSIS OF PROFESSIONAL MOTIVENESS AND PEDAGOGICAL SKILLS OF TEACHERS17

PHILOLOGICAL SCIENCES

Lomova E., Kadyrova G.

THE IMAGE OF A SUBJECTIVE NARRATOR IN ROMANTIC NOVELS BE OREST SOMOV22

Lomova E., Kadyrova G.

THE CONCEPT OF ART NARRATION IN THE LITERARY WORKS BY O.SOMOV26

Lomova E., Kadyrova G.

EPISTOLARY NARRATIVE FORM IN LITERARY CREATIVITY OF O.SOMOV AND M.POGODIN30

Lomova E., Kadyrova G.

SUBJECTIVE NARRATOR IN THE ROMANTIC LITERARY WORKS BY M.POGODIN AND N.PAVLOV34

Lomova E., Kadyrova G.

PSYCHOLOGICAL STRUCTURE OF THE ART LITERARY WORKS OF N.PAVLOV POINT OF VIEW READER'S PERCEPTION37

Savchenko Z.

INTERPRETATION OF THE ARTIST'S IMAGE IN THE WORLD LITERATURE OF THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY41

Tarieva L.

MORPHOSYNTAXIC REPRESENTATION OF MODULAR-DICTUM (HYPOTAXIC) RELATIONSHIPS BETWEEN PERSONAL PARADIGMS43

POLITICAL SCIENCES

Denysova A.

THE IDEA OF THE SOCIAL STATE IN THE UKRAINIAN PARTY DISCOURSE (RESULTS OF PARLIAMENT SITES PARLIAMENT PARTIES)48

Petriaiev O.

RELIGIOUS FUNDAMENTALISM AS THE SOURCE OF THE LEGITIMIZATION OF QUASIMONARCHIC AUTHORITARY STATE FORMS OF GOVERNMENT53

SOCIAL SCIENCES

Sorokin R., Petin A.

PHYSICAL CULTURE AND SPORT AS ONE OF THE WAYS OF SOCIAL ADAPTATION OF PEOPLE WITH DISABILITIES57

Sorokin R., Petin A.

DISABILITY: THE END OR JUST THE BEGINNING OF A LONG JOURNEY?59

HISTORICAL SCIENCES

INDIGENOUS FAR EAST AT THE END OF THE XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: FAMILY AND FAMILY

Vasilchenko O.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Amur Humanitarian Pedagogical University,

Komsomolsk-on-Amur

КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

Васильченко О.А.

Доктор исторических наук, доцент

Амурский гуманитарно-педагогический университет,

г. Комсомольск-на-Амуре

Abstract

The article characterizes the family of the indigenous population, its structure and internal family relations. The author analyzes the reasons for the preservation of various forms of polygamy - levirate, litter, and polygamy among the indigenous people during the historical period under consideration, gives examples of the age and sex distribution of labor among family members and describes the effect of customary law

Аннотация

В статье характеризуется семья аборигенного населения, ее структура и внутрисемейные отношения. Автор анализирует причины сохранения в рассматриваемый исторический период у коренных жителей различных форм полигамии – левирата, сорората и многоженства, приводит примеры половозрастного распределения труда среди членов семьи и описывает действие норм обычного права.

Keywords: story; Far East; indigenous people; life; a family.

Ключевые слова: история; Дальний Восток; коренное население; быт; семья.

Коренное население Дальнего Востока обладало своей спецификой в семейно-брачных отношениях. С течением времени они претерпели изменения под влиянием различных факторов. Для современных органов власти, работающих с аборигенным населением региона, представляет интерес обращение к историческому опыту развития семьи в дореволюционный период.

Задолго до появления российских переселенцев территория восточной окраины была заселена коренными народами – эвенками, эвенами, гольдами, орочами, гиляками, коряками, чукчами, эскимосами, ительменами и другими представителями аборигенного населения. Между ними существовали сложные этнокультурные контакты, возникшие в процессе многовекового существования и породившие схожие формы семейно-брачных отношений.

Основой экономической и общественной жизни аборигенов являлась патриархально-семейная община.

Большая патриархальная семья состояла из родителей и их женатых сыновей или нескольких братьев с семьями. Совместно с ними проживали престарелые родичи или сироты – дети погибших родичей.

Главой семьи считался отец, после его смерти – старший сын. Если он умирал, то во главе семьи становился следующий за ним брат. Среди женщин

господствующее положение обычно занимала мать или жена старшего брата.

Наряду с большими существовали и малые семьи. Например, в 1897 году у гольдов Амура малые семьи составляли 57,2 % от всего количества семей [5, с. 84].

Среди коренных народов Приамурья получили широкое распространение различные формы полигамии – левират, сорорат и многоженство [9]

Гибель мужчины на охоте или по другим причинам была частым явлением. Вдова, оставшаяся с детьми, нуждалась в защите и помощи. Левират предполагал, что младший брат погибшего или младший двоюродный брат, иногда племянник покойного должен был взять вдову к себе в жены [3, с. 109].

Сорорат защищал интересы вдовца и позволял ему получить жену и мать для детей без выплаты калыма. Вдовец должен был жениться на незамужней младшей сестре, младшей двоюродной сестре или племяннице умершей жены. Обычаи запрещали браки вдовцов и вдов со старшими родственниками покойных жены или мужа.

В среде коренного населения Дальнего Востока многоженство возникало по разным причинам: иногда старая жена сама просила привести в дом молодую жену для помощи в ведении хозяйства; часто мужчина брал вторую жену в случае бездетности первой. Многоженство для аборигенов было мерилом богатства [8].

При всей схожести семейных обычаяев и традиций, они несли в себе этническую специфику. Например, среди эвенков, алеутов и чукчей сохранились групповые формы брака, согласно которым мужчина мог жить со всеми женами своих старших братьев и со всеми сестрами своей жены. При этом старший брат не имел права на жен младших братьев. Половая жизнь допускалась строго для представителей одного поколения и была запрещена между представителями разных поколений.

С развитием оленеводства, обособлением хозяйств, групповой брак постепенно переродился в товарищество по жене. Мужчины - эвены, эвенки и чуки закрепляли дружеские отношения посредством передачи своих жен на некоторое время в жены другим мужчинам.

У многих народов Дальнего Востока групповой брак сопутствовал парному браку.

Коренных жителей трудно обвинить в безнравственности. Они жили по другим законам, отличным от принятых среди переселенцев из Европейской России. Так, Н.О. Каллинников, изучавший быт и нравы коренных народов северо-востока Российской Империи, писал о чукчах: "Проституции в европейском смысле слова между чукчами нет, нет и ревности. Они смотрят на удовлетворение полового чувства как на простое удовлетворение человеческих естественных потребностей" [4, с. 84].

Важнейшим принципом в семейно-брачных отношениях аборигенов являлось стремление к экзогамии, т.е. к ограничению супружеского союза по степени родства. Соблюдение экзогамных норм имело положительный характер, так как препятствовало заключению браков среди близайших родственников, вследствие чего род не подвергался опасности вырождения через определенное количество поколений.

Нивхи стремились брать жен не из того рода, куда отдавали своих женщин, а из другого. В результате каждый род оказывался связанным родственными узами как минимум с двумя родами. Нивхи предпочитали жениться на женщинах из рода матери. У эвенков брак также носил экзогамный характер. Он разрешался между лицами, носившими одно родовое имя, не ближе 7-10 поколений.

Существовали различные способы, которыми аборигены приобретали жен. Например, эвенки их захватывали в ходе военных действий [2, с. 156]. Женами становились женщины побежденных врагов, а также женщины, выданные для примирения.

Получил распространение обменный брак между двумя семьями. Обменивались девушками, поскольку с экономической точки зрения такой обмен был выгоден обеим сторонам, так как не платился калым. Приготавливались только мелкие подарки.

У всех народов дальневосточного региона России заключались ранние браки. Родители договаривались и по словору женили малолетних или еще не родившихся детей. Сговоры родителей являлись показателем их заботливости о будущем семейной

жизни детей. При достижении брачного возраста договор претворялся в жизнь.

При заключении браков на первом месте всегда стояли причины хозяйственного порядка. Личные чувства жениха или невесты отходили на второй план.

Ввиду высокой смертности женщин от болезней и при родах, а также многоженства у аборигенов не хватало невест. Вопрос о будущей невестке родители решали при достижении сыном 4-5 лет.

По этой причине гиляки и гольды выдавали замуж малолетних девочек 8-12 лет, чуки - 5-7 лет. Девочки поселялись в семьях мужей, начинали брачную жизнь по достижению половой зрелости. Иногда дети, нареченные мужем и женой, оставались в своих семьях до наступления половой зрелости. Возраста жениха и невесты они достигали примерно в 14-16 лет.

Ранний брак заключался для того, чтобы женщина за свою жизнь могла родить больше детей. Не последнюю роль играли приобретение для семьи новых родственников и получение калыма.

Плата за невесту компенсировала труд уходящей женщины. Например, гольд среднего достатка платил за жену около 250 рублей, отдавал 2 больших чугунных котла и 10 кусков материи [6, с. 149]. Малоимущие туземцы выплатить калым не могли, поэтому они не имели возможности получить жену.

Большинству народов Приамурского края был известен брак путем отработки невесты [7, с. 142]. Мужчина, желавший жениться, некоторое время работал в доме родителей невесты. Ему поручалось выполнение самых тяжелых работ. Он должен был доказать свою умелость в делах охотничьих и хозяйственных. В случае неудачи на этом поприще его ждал отказ со стороны родителей невесты. У эвенков срок отработки колебался от 1,5 до 3-х лет, у коряков - до 5 лет. Если жених удовлетворял всем требованиям, то получал от главы семьи согласие на брак, который был действительным только после окончания отработки.

Взаимоотношения супругов регламентировались обычным правом.

В самом унизительном положении находились женщины у гольдов, считавшиеся существами низшими по своей природе. Женщины не могли участвовать в общественных делах. Они не садились за еду вместе с мужчинами.

По-иному сложились отношения между мужчинами и женщинами у коряков. Жена имела право голоса в решении семейных вопросов. Избиение жены было редким явлением. Даже замужние женщины находились под защитой своих родственников. Большим почетом пользовалась многодетная мать. После смерти мужа она могла стать главой семьи [1, с. 107].

В семьях чукчей женщина также играла важную роль при принятии решений. Если хозяин отсутствовал, доминирующую роль в семье играла его жена. Замужняя женщина могла вернуться к родственникам, т.е. существовал развод как способ расторжения брака.

У коряков разводы совершались как по инициативе мужа, так и жены. Поводом могли послужить безнравственное поведение жены, плохое обращение со стороны мужа или его родственников, развал женой домашнего хозяйства.

В семье гольдов мать невесты жила первые две недели в доме жениха вместе с дочерью. Если обращение со стороны родни мужа было плохим, то тогда барк расторгался.

В больших патриархальных семьях существовало разделение хозяйственной деятельности на мужские и женские работы.

Трудовая занятость мужчин зависела от вида основной деятельности (рыболовство, охота или оленеводство). К мужским занятиям относились заготовка дров и обменные операции.

Женский труд в семье аборигенов был не менее важен, чем мужской. Женщина занималась приготовлением пищи, уходом за детьми, выделкой шкур, изготовлением хозяйственной утвари и одежды. У кочевых народов женщины наравне с мужчинами ухаживали за оленями и водили караваны. Они содержали очаг и жилище.

К чисто женским занятиям относилось собирательство дикоросов, орехов, ягод и морских моллюсков.

Аборигены широко использовали детский труд. С раннего возраста дети начинали выполнять посильную для них работу. Под руководством старших членов семьи они постепенно приобретали необходимые хозяйствственные навыки. Начиная с 5-6 лет, мальчиков знакомили с рыбным промыслом, с наиболее удачными способами охоты на зверей. Они учились находить места для выпаса оленей, приобретали навыки обращения с собачьей или оленьей упряжкой. В хозяйственной деятельности дети помогали в кормлении собак, заготовке топлива и воды.

В 12-13 лет мальчики могли полностью заменить взрослых при проведении отдельных видов хозяйственных работ.

В таких же традициях воспитывались девочки. С 5-6 лет они учились шить одежду, готовить пищу, ухаживать за младшими детьми. В 14-15 лет они могли выполнить все работы, свойственные трудовой деятельности взрослой женщины.

Кроме обучения трудовым навыкам, семья уделяла большое внимание воспитанию детей в духе уважения к старикам, которые пользовались особым почетом. Это уважение прививалось самой атмосферой внутрисемейных взаимоотношений. Дети с раннего возраста получали уроки традиционных норм поведения как в семье, так и в обществе.

Таким образом, характеризуя внутрисемейные отношения дальневосточного аборигенного населения, следует отметить, что они были обусловлены историческим местом мужчины и женщины в жизни семьи. Женщины была лишена самостоятельности при создании семьи и независимости в

семейно-брачных отношениях. Она не имела право на хозяйство и имущество. Всем этим распоряжался мужчина.

Вместе с тем полным хозяином женщины мужчина не стал, так как у аборигенов был неразвит институт частной собственности. Между мужчиной и женщиной устанавливалось определенное сотрудничество, поскольку в одиночку мужчина не мог вести хозяйство. Роль женщины в его содержании была очень велика.

Заключение брака у аборигенов напоминало сделку мужчины и женщины для совместного ведения хозяйства. Обычаи подчиняли жену не мужу, а его семье или кровно-родственной общине.

В конце XIX века хозяйство семьи аборигенов являлось полунатуральным. В результате колонизации региона в хозяйственной деятельности аборигенов произошли заметные изменения. Появление товарно-денежных отношений способствовало дальнейшему разложению патриархально-родового строя. Семья перестала играть роль основной производственной ячейки, что привело к изменению внутрисемейных отношений, ослабило зависимость женщин от мужчин.

Ведущей тенденцией в семейно-брачных отношениях коренных народов стало увеличение численности малых семей, что способствовало уменьшению влияния на членов семьи существовавших стереотипов гендерных взаимоотношений, которые прививались в больших патриархальных семьях.

Вовлечение полунатурального хозяйства аборигенов в товарно-денежные отношения привело к разрушению первобытной замкнутости и изолированности коренных народов, сближению их культуры с культурой славянских народов. Русификация коренного населения стала постепенно изменять внутрисемейные отношения, способствуя их дальнейшему развитию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Антропова В.В. Культура и быт коряков. Л., 1971.
2. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л., 1969.
3. Венюков М.И. Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970.
4. Каллиников Н.О. Наш крайний Северо-Восток. СПб., 1912.
5. Ким А.С., Кныш А.В. Лях П.П., Менделев Н.Г., Прасолова М.П., Смирнов Б.В. Малочисленные этносы Приамурья. Хабаровск, 1993.
6. Лопатин И.А. Гольды. Амурские, Уссурийские и Сунгарийские. Владивосток, 1922.
7. Маргаритов В. Камчатка и ее обитатели // Записки Приамурского отдела ИРГО. Хабаровск, 1899. Т. V. Вып. I.
8. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 21. Л. 9об.
9. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 430. Л. 5.

PEDAGOGICAL SCIENCES

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL BASES OF A DIFFERENTIATED APPROACH TO THE PROCESS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE IN SCHOOLS

Abu-Latif M.
*undergraduate 2 years of study,
 directions "Linguistics"
 Don State Technical
 University (Rostov-on-Don)*

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ПОДХОДА К ПРОЦЕССУ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ШКОЛАХ

Абу-Латиф М.
*магистрант 2 года обучения,
 направления «Лингвистика»
 Донской государственный технический
 университет (Ростов-на-Дону)*

Abstract

This article discusses the definition of the term differentiation of the educational process, the classification of educational projects, and the role of the project method in preparing the child for life expectancy, developing the “habit of teamwork and mutual assistance”.

Аннотация

В данной статье рассматривается определение термина дифференциация образовательного процесса, классификация образовательных проектов, и роль метод проектов в подготовки ребенка к продолжительности жизни, развития «привычки к коллективной работе и взаимопомощи».

Keywords: differentiation, separation of students, differentiated approach, individual, typological.

Ключевые слова: дифференциация, Разделение обучающихся, дифференцированный подход, индивидуальные, типологические.

Основная цель темы проектного метода обучения иностранным языкам – это углубление и расширение знаний учащихся, а также дифференциация образовательного процесса. Слово дифференциация было заимствованного из иностранного словаря и означает, как расслоение, разделение, расчленение единого целого на несколько частей, ступеней или форм. Идентичное определение имеется и в английском словаре, но именно термин дифференциация является наиболее полным, поскольку под этим термином подразумевается это разделение при том, что в этот момент будет происходить процесс изучения какого-либо объекта.

Дифференциация в процессе обучения предполагает, что будет также использоваться разделение обучающихся на группы, на основании некоторых особенностей, которое будет осуществляться для следующего группирования, таким образом можно предположить, что в дифференциации имеет место интеграция, которая выражается в процессе объединения обучающихся. При всём при этом следует также учесть, что разделение учащихся, а также последующее их объединение может быть явным, т.е. каждая группа будет четко определена и отделены друг от друга, но и не явным, т.е. когда границы будут стерты или размыты, что позволит участникам групп свободно перемещаться [5].

Разделение обучающихся на группы – это один из самых существенных признаков дифференциации, но как оказалось на практике, не единственный. Другим не менее значимым моментом является также различие в построении процесса обучения в некоторых группах. При дифференциации обязательным условием является то, что процесс обучения обязательно должен меняться. Это положение подтверждается фактами практики в педагогике, когда были созданы классы разных уровней подготовки детей без каких-либо изменений в образовательном процессе, что в свою очередь не привело ни к какому результату, поскольку у учеников отсутствовала мотивация к усвоению новых знаний. И для того, чтобы, наконец, дать четкое понятие определению «дифференциация», требуется решить один важнейший вопрос – о признаках, которые будут положены в основу разделения учеников на группы. Это особенности каждого учащегося, на основании которых и будет происходить группировка в условиях дифференциации.

Дифференциация обучения – это учет индивидуальных и типологических особенностей личности в форме группирования учащихся и различного построения процесса обучения в образовавшихся группах.

Понятие «дифференцированный подход» определяется как подход к процессу обучения, где

предполагается дифференциация в различных формах и видах. Когда говорят «дифференцированный подход к учащимся», предполагается предъявление неординарных требований к разным группам учеников в овладении ими содержанием образования.

После организации в школе дифференцированного обучения, может возникнуть проблема: какие формы выбрать. Для начала, нужно знать, какой у нас имеется выбор, то есть должны представить себе совокупность форм дифференциированного обучения [6].

Отбирая индивидуальные и типологические особенности учащихся, которые могут служить основанием дифференциации, можно руководствоваться следующим:

- значимость типологических и индивидуальных особенностей для процесса обучения;
- выявление и учет особенностей в образовательной школе;
- распространения среди учащихся.

На основании этого исключаются следующие особенности: особенности функционирования внутренних органов, конституциональные особенности личности, состояние здоровья, задатки способностей (из-за отсутствия специальной аппаратуры и специалистов, способных выявить данные особенности), не оказывающие явного влияния на процесс обучения, особенности нервной системы, половые различия, возраст учеников (из-за современной организации классно-урочной системы), темперамента, дефекты физического развития.

В результате дифференциации выявились интересы, психофизиологические особенности личности, профессиональные ориентации, религиозная принадлежность личности, способности, этнокультурные особенности, обученность.

Кратко охарактеризуем основные формы на уровне класса. Начнем с дифференциации по психологическим особенностям личности. Это учет особенностей познавательных процессов учащихся: памяти, мышления, внимания, который может проявляться в специальных заданиях на развитие сосредоточенности, заданий на развитие логической памяти и т.д. При этом, руководствуясь принципом адаптационно-развивающего характера дифференциации, предлагается не идти след в след за индивидуально-типологическими особенностями личности, а учитывать их и развивать развитые недостаточно.

Дифференциации по обученности предусматривает задания, устраниющие пробелы в знаниях. На уровне школы к дифференциации по обученности можно отнести классы, сформированные по успеваемости, однако такую форму дифференциированного обучения считают неэффективной, так как обученность является гибкой [7].

Данный вид дифференциации сопутствует другим педагогическим технологиям: модульной, полного усвоения знаний. В последней после изучения темы и сдачи итогового норматива ученики разделяются на две группы: усвоившие и не усвоившие материал. Дальнейшая работа с этими группами, само собой, будет строиться иначе. Ученики,

усвоившие материал, получат возможность углубить и расширить свои знания. С учениками другой группы организуется работа по коррекции изученного.

В дифференциации по специальным способностям выделяются подвиды: по музыкальным, коммуникативным способностям, познавательным, художественным и т.п., например, изобразить что-либо на листе бумаги к уроку, исполнить музыкальное произведение для создания определенного эмоционального настроя и т.п.

В дифференциации по познавательным способностям разделяют академические (общие) способности к любой деятельности в любой сфере познания и специальные способности (к изучению языков). К этому виду дифференциации может быть и отнесена уровневая дифференциация. Наиболее широкое распространение в практике получила дифференциация по склонностям и интересам учеников. Данный вид дифференциации проявляется в выполнении творческих заданий, а также заданий другого рода в соответствии с интересами. Основанием данного вида, наряду с интересами учеников, являются их непосредственные способности к определенным областям. Такие способности чаще всего совпадают с интересами и склонностями детей.

Исходя из вышесказанного, необходимо сделать следующий вывод: проектное обучение всегда ориентировано на самостоятельную активно-познавательную практическую деятельность учащихся при решении личностно-значимой проблемы, в процессе которой происходит открытие основных закономерностей научной теории и их глубокое усвоение [8].

В советской педагогической литературе 1920-х - начале 1930-х гг. выделяются достоинства метода проектов, особенно ценных для советской трудовой школы. По мнению Б.П. Есипова, Б.В. Игнатьева, М.В. Крупениной, В.Н. Шульгин и др. метод проектов наиболее успешно готовит ребенка к продолжительности жизни, развивает «привычку к коллективной работе и взаимопомощи».

Основываясь на характеристиках основных типов школьных проектов, необходимо классифицировать образовательные проекты следующим образом:

1. Домашние проекты - «простые предметные проекты типа ручного труда: создание магазинов, фабрик, деревообработка, переплет и печать, а также многие домашние задачи, такие как штопка, починка». В эту же группу входят планы для школы и домашнего садоводства, садоводство, плодоводство, животноводство и т. д. Эти проекты имеют в то же время большую образовательную ценность и очевидную практическую полезность.

2. Промышленные и коммерческие проекты: строительство мостов, железных дорог, туннелей, прокладка кабелей, лесное хозяйство, благоустройство портов, дренажные системы, ирригационные системы, речное судоходство и т.д. - представляют собой «превосходную и хорошо организованную ассоциацию различных научных дисциплин. Это

то, что дети хотят понять и выучить. Опыт использования этой системы в школе показал, что эти темы полностью отвечают интересам детей.

3. Проекты в области прикладных наук, основанные на научных принципах: телескопы, электрические машины, гидростаты и т.д. В этих проектах, «конкретных и практических во всех отношениях», дети лучше всего оценят важность современной науки и ее влияние на жизнь.

4. Проекты по истории и биографии. Многие факты, описанные в истории и в биографиях, представляют собой «обширные личные и национальные проекты в полном смысле этого слова», например: путешествие Колумба, поход Александра Македонского в Азию.

5. Классические литературные произведения, рассматриваемые как проекты, «являются лучшими примерами умственной деятельности, знаний, правильно организованных и художественно объединенных». Идею разработки метода проектов в отечественной педагогической литературе первых полугода десятилетий советской власти можно почерпнуть из научно-методических материалов серии «На пути к методу проектов». опубликовано в начале 1930-х гг. под редакцией Б.В. Игнатьева и соавт. [1,2, 3, 4].

THEORETICAL FOUNDATIONS FOR THE INTERPRETATION OF THE CONCEPTS «POSITIONING», «BRANDING», «STRATEGY», «POSITIONING STRATEGY»

Нирка І.

*PhD of Pedagogical Sciences,
lecturer at the Department of Informatics
Municipal Establishment «Kharkiv Humanitarian-
Pedagogical Academy»
of Kharkiv Regional Council
Kharkiv, Ukraine*

ТЕОРЕТИЧНІ ЗАСАДИ ДО ТРАКТУВАННЯ ПОНЯТЬ «ПОЗИЦІОНУВАННЯ», «БРЕНДИНГ» «СТРАТЕГІЯ», «СТРАТЕГІЯ ПОЗИЦІОНУВАННЯ»

Гирка І.

*кандидат педагогічних наук,
викладач кафедри інформатики
Комунального закладу «Харківська
гуманітарно-педагогічна академія» Харківської обласної ради,
Харків, Україна*

Abstract

Based on the analysis of scientific and pedagogical, specialized literature and reference sources, the article presents the interpretation of the concepts of «positioning», «branding», «strategy», «positioning strategy» provided by domestic and foreign researchers. Based on the definitions proposed by the scientists, the author of the scientific work refined the essence of these concepts in accordance with the topic of the research.

The researcher concludes that the correct interpretation and understanding of the essence of the concepts of «positioning», «branding», «strategy», «positioning strategy» will contribute to the effective development of the University's activities in general and the development of an effective strategy for its positioning and in particular.

Анотація

У статті на основі аналізу науково-педагогічної, спеціальної літератури та довідкових джерел представлено трактування понять «позиціонування», «бррендінг» «стратегія», «стратегія позиціонування» надані вітчизняними та зарубіжними дослідниками. Автор наукової доробки ґрунтуючись на визначеннях запропонованих науковцями уточнив сутність даних понять, відповідно до теми дослідження.

Дослідниця приходить до висновку, що правильне трактування та розуміння сутності понять «позиціонування», «бррендінг» «стратегія», «стратегія позиціонування» сприятиме ефективному розвитку діяльності університету загалом та розробці результативної стратегії його позиціонування зокрема.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Баранов А.Г. Языковое сознание в условиях двуязычия, многоязычия. Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание / А.Г. Баранов, Т.С. Щербина. - М.: 2010.
2. Беспалько В.П. Теория учебника: дидактический аспект / В.П. Беспалько. - М.: Педагогика, 2013. - 160 с.
3. Библер В.С. Культура. Диалог культур: опыт определения / В.С. Библер // Вопросы философии. - 2013. - № 6. - С. 31-43. 147
4. Бим И. Л. Концепция обучения второму иностранному языку (немецкому на базе английского): Учеб. пособие. – Обнинск: Титул, 2010. – 48 с.
5. Бим И.Л. Обучение иностранному языку. Поиск новых путей // иностранный язык в школе. – 2013. – №1. – с. 12–26.
6. Латыш Н. И. Образование на рубеже веков. - 2-е изд., доп. - Мин., 2010. -215 с.
7. Мильруд, Р.П. Методология и развитие методики обучения иностранным языкам / Р.П. Мильруд // ИЯШ.- 2012. - № 5. - С. 13-18.
8. Томахин Г. Д. «Реалии в языке и культуре» / Г.Д. Томахин - ИЯШ, - №5.

Keywords: positioning, branding, strategy, positioning strategy, image, competition.

Ключові слова: позиціонування, брэндинг, стратегія, стратегія позиціонування, імідж, конкуренція.

Нелегко переоцінити дію майбутнього користувача освітніх послуг. Основні чинники, які мають вплив на діяльність та позиціонування, є умови освітніх вподобань та потреб освітньої галузі. Адже, саме задоволення запитів та вимог споживача освіти є головними елементами позиціонування ЗВО. Головними споживачами інформації про перспективність університету є абітурієнти та студенти, які прагнуть отримати професію у престижному ЗВО; науковці, щоб отримати напрями досліджень та масштабність університету, для нових відкриттів в освіті; викладачі, які спостерігають за освітнім процесом студентів та підвищують свій професійний рівень; батьки, які потребують інформації з метою профорієнтації дітей у виборі ЗВО; адміністрація університету для впевненості щодо якості освітнього процесу та ефективності діяльності університету загалом; представники ЗМІ, які потребують актуальної інформації, важливої для суспільства; роботодавці, які прагнуть отримати висококваліфікованих робітників у себе на підприємстві з високим рівнем знань. Тому позиціонування університетів дуже важливе питання, яке займає важоме місце у кожного.

У сучасному світі у сфері вищої освіти важко утримати свої рейтингові позиції на високому рівні. Тому потрібно постійно модернізувати заклади вищої освіти, щоб підтримувати свій імідж та мати можливість співпрацювати не лише з вітчизняними роботодавцями, а й із зарубіжними. Це допомагає привернути увагу споживачів освітніх послуг. Одним із сучасних маркетингових ходів є створення привабливого позиціонування ЗВО в освітній галузі, що дає змогу залучати талановитих, обдарованих та креативних абітурієнтів.

Освіта є сферою продуктивних інвестицій та одним із найвпливовіших важелів довготривалої дії, якими користуються уряди різних країн для розвитку національної економіки. Світовий освітній ринок є висококонкурентним, оскільки освіта все частіше стає засобом просування країни на глобалізованому ринку праці та міжнародному ринку новітніх технологій. Тому, конкурентна боротьба за лідерство у світовій системі освіти в сучасному суспільстві є одним з найефективніших інструментів упливу на міжнародні події [23].

Метою статті є проаналізувати поняття «позиціонування», «брэндинг», «стратегія» та «стратегія позиціонування» та з'ясувати їх сутність.

Вперше у науці згадали термін «позиціонування» англійські дослідники В. Гарденер і С. Леві в 1955 році, у своєму дослідженні «Продукт і бренд» [2].

Проблемі позиціонування присвячені роботи таких авторів як Д. Аакер, Р. Батр, Т. Грищенко, Т. Іванова, О. Зозульов, Ф. Котлер, Дж. Майерс, Е. Райс, Ю. Рубін, Д. Траут, А. Харківська. Але не достатньо приділялася увага позиціонуванню в освітньому просторі.

Для порівняльного аналізу стратегій позиціонування провідних університетів країн Європи в МІП необхідним є визначення та уточнення наступних понять: «позиціонування», «брэндинг», «стратегія», «стратегія позиціонування».

Розглянемо як дефініцію Ф. Котляра поняття «позиціонування» – процес створення компанією послуг чи товару іміджу, заснованого на сприйнятті споживачами конкурентних товарів чи послуг [17].

На думку О. Зозульова, під позиціонуванням слід розуміти забезпечення товару такого місця на ринку та у свідомості споживача, яке не підлягає сумніву, чітко відрізняється від інших [14, С. 49–52].

Р. Батр, Дж. Майерс, Д. Аакер визначають позиціонування, як набір асоціацій, які споживач пов'язує з товаром [6].

Заслуговує на увагу і визначення сутності позиціонування Д. Траута та Е. Райса «створення для товару певної позиції серед конкурючих товарів, своєрідної ніші, яка знайшла б відображення в ієрархії цінностей, сформованій у свідомості потенційного споживача» [20].

У своїй роботі Т. Грищенко та Т. Іванова позиціонування трактують, як процес пошуку такої ринкової позиції для компанії, продукту або послуги, яка буде вигідно відрізняти їх від положення конкурентів [10].

Ю. Рубін формулює позиціонування, як вибір, придбання (формування) конкурентної позиції, а також відстоювання прийнятних позицій або придбання нових в процесі здійснення конкурентних дій [21].

О. Дорошенко та Н. Куденко позиціонування трактували як процес управління сприйняттям товару споживачем [12, С. 20-22].

У своїй роботі О. Холостова та О. Прохорова виокремили, що позиціонування – це розробка і створення іміджу товару таким чином, щоб він зайняв у свідомості покупця гідне місце, відмінне від становища товарів-конкурентів [24].

В іноземному словнику Collins English Dictionary дане визначення розглядають як позиція бренду продукту на думку споживачів порівняно з брендами конкурентів [1].

Проаналізувавши вище наведені науковцями цитовані ключові ознаки поняття «позиціонування», визначено, що одними з головних розумінь даного поняття є процес забезпечення відповідного місця на ринку споживчих (освітніх) послуг та у свідомості споживачів, а також визначення або пошук ринкової пропозиції по відношенню до конкурентів (провідних університетів).

Позиціонування повинно не тільки впливати на свідомість споживача освітніх послуг, а й створювати в думках, той образ товару, який найбільш імпонує йому.

Отже, можна сказати, що під позиціонуванням слід розуміти процес створення відповідного об-

разу (іміджу, бренду) в свідомості споживача послуг, що зорієнтований на максимальне задоволення потреб споживача; відрізняє його від аналогів конкурентів та має об'єкт-суб'єктну природу.

Наступне поняття, яке будемо розглядати є «брендинг».

Брендинг це:

- маркетингова діяльність щодо створення довготермінової переваги товару певного виробника над іншими товарами. Реалізується через вплив на споживача певним товарним знаком, фірмовим упакуванням, рекламним зверненням та іншими атрибутиами, що вирізняють цей товар серед інших і формують його привабливий образ [13];
- довготерміновий процес формування іміджу підприємства та створення у свідомості споживача позитивного образу компанії чи товару, послуги, що досягається завдяки застосуванню комплексу ефективних сучасних маркетингових комунікацій [19, С. 566–573];
- системний, обґрунтований, виважений процес, що передбачає планування та впровадження маркетингового комплексу заходів зі створення торговорельної марки, розроблення плану переворення торгорельної марки на бренд, зокрема шляхом розроблення відповідного імені, корпоративного стилю й дизайну, рекламних кампаній, проведення акцій зі стимулювання збуту, цілеспрямованого PR, з метою формування бажаних асоціативних вражень у споживачів [25];
- особливий вид комунікації у сучасному глобальному комунікативному просторі, адже він дає змогу популяризувати бренд і, як результат, підвищити споживчий інтерес і розширити цільову аудиторію без будь-яких географічних обмежень [7].

Варто також проаналізувати зміст такого поняття, як «стратегія».

Н. Фред наголошує, що стратегія – це термін, що стосується складної мережі думок, ідей, розумінь, досвіду, цілей, спогадів, сприйняття та очікувань, що забезпечує загальне керівництво конкретними діями для досягнення певних цілей. Стратегія – це той самий курс, який ми показуємо, це подорож, яку ми уявляємо, і водночас це курс, на який ми керуємо, це подорож, яку ми насправді робимо. Навіть коли ми починаємо подорож із відкриттям, не маючи конкретного призначення, рейс має мету, результат і кінець, який слід мати на увазі [4].

М. Свистович наголошує, що стратегія це модель поведінки, спрямованої на досягнення поставлених цілей, набір правил для пошуку і використання можливостей [22].

Н. Дикань та І. Борисенко вважають стратегію моделлю узагальнення дій, необхідних для досягнення поставлених цілей шляхом координування і розподілу ресурсів, тобто розробка стратегії полягає в розробленні планів досягнення цілей [11].

На думку, В. Колпакова та Г. Дмитренка, стратегію слід розглядати, як оптимальний засіб досягнення цілей підприємства [16].

У Великому тлумачному словнику української мови поняття «стратегія» трактується як визначення основних довгочасних цілей підприємства, а також напрямів діяльності, вибір засобів для досягнення цих цілей широка програма визначення і досягнення цілей організації; реакція організації в часі на вплив оточення. Іншими словами – це поєднання цінностей і принципів, які визначають, для чого організація робить те, що робить [8].

У Коллінзькому англійському словнику дане поняття представлено, як загальний план або сукупність планів, що мають на меті досягти чогось особливо протягом тривалого періоду; мистецтво планувати найкращий спосіб отримати перевагу або досягти успіху, особливо у війні.

Проаналізувавши роботи вище вказаних науковців, можемо сказати, що основною ознакою поняття «стратегії» є план досягнення цілей.

Опрацювавши зміст понять «позиціонування» та «стратегія» варто розглянути наступне поняття «стратегія позиціонування».

Стратегія позиціонування це:

- формування позитивного образу товару в уявленнях споживачів [15];
- навмисний план брендингу або процес, який працює на символічних рівнях споживчої свідомості, де значення та асоціації – навіть окремі слова – дійсно мають вплив [3];
- планово-управлінські рішення задоволити запити споживача завдяки розробці популярної товарної марки, привабливої упаковки, визначення прийнятної ціни, а також використання ефективних методів просування на ринок і механізмів формування громадської думки. Стратегія позиціонування включає комплексну оцінку конкурентного середовища, конкурентних переваг, конкурентного позиціонування [18, С. 69–70.];
- план, який деталізує дії компанії з розвитку бажаного сприйняття на ринку, аби їх бренд був позитивно оцінений [5].
- пошук однієї або кількох характеристик, які можуть бути використані, щоб відокремити свій продукт або торгорельну марку від продукції конкурентів [9, С. 15–20].

На основі розглянутих наукових праць, можемо узагальнити, що стратегія позиціонування це план дій, який необхідно реалізувати щоб відокремити власну брендову продукцію від продукції конкурентів та створити її позитивний імідж у свідомості споживача послуг.

На основі розглянутих вище науковцями понять, можна дійти висновку що дані значення використовуються у різних сферах життя, але трактування всіх схожі між собою, лише трішки змінюються за напрямом використання даних понять. Таким чином, за допомогою аналізу наукових термінів виявлено базові поняття дослідження «позиціонування», «брендинг», «стратегія», «стратегія позиціонування» та з'ясована їх сутність.

Отже, якщо університет позиціонує бажаний образ, то стратегія передбачає розроблення плану реалізації процесу позиціонування. Формуванню

бренду закладу, позитивного іміджу для абитурієнтів, студентів, роботодавців, керівництва, викладачів та науковців сприяє стратегія позиціонування університету.

Як бачимо, з проведеного аналізу, для ефективного розвитку університету та подальшої результативної роботи не лише в одному регіоні, а й серед інших країн світу, в умовах сучасного суспільства необхідно і достатньо є стратегія позиціонування.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/us/dictionary/english/positioning> (дата звернення: 24.08.2019).
2. Gardener B., Levy S. The Product and The Brand. Harvard Busianess Review, 1955, Vol.33
3. MarketPositioningStrategyGuide. URL: <https://www.smartling.com/market-positioning-strategy/> (дата звернення: 24.08.2019).
4. Nickols Fred Strategy Definitions&Meanings. URL: https://www.nickols.us/strategy_definitions.pdf (дата звернення: 31.08.2019)
5. The fallacy of global positioning strategy. URL: <http://duffy.agency/insight/fallacy-of-global-%E2%80%A8positioning-strategy/> (дата звернення: 24.08.2019)
6. Батр Р., Майерс Дж., Аакер Д. Рекламный менеджмент / пер. с англ. 5-е изд. Москва; Санкт-Петербург; Київ: Іздательский дом "Вильямс", 1999. 784 с.
7. Білок І. Л. Брендинг міст в англомовному комунікативному просторі: вербальна і візуальна складові: дис. ... канд. фіол. наук: 10.02.04 / Житомирський державний університет імені Івана Франка. Житомир, 2016. 238 с.
8. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. Київ; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2004. 1440 с.
9. Григоренко О. Стратегії позиціонування на ринку ділових друкованих видань. *Маркетинг в Україні*. 2010. № 4. С. 15–20
10. Гриценко Т.В., Іванова Т.В. Сутність та види позиціонування. Маріуполь, 2017. URL:<https://is.gd/peEfUB> (дата звернення 16.06.2019)
11. Дикань Н. В., Борисенко І.І. Менеджмент: навч. посіб. Київ: Знання, 2008. 389 с.
12. Дорошенко О.Ю., Куденко Н.В. Оглядовий аналіз розуміння сутності ринкового позиціонування. *Актуальні проблеми економіки та управління*: зб. наук. праць мол. вчених. 2007. Вип. 1. С. 20-22.
13. Загородній А. Г., Вознюк Г. Л. Фінансово-економічний словник. Третє видання, доповнене та переробленео. Львів: Видавництво Львівської політехніки, 2011. 844 с.
14. Зозульов О.В. Типи позиціонування товарів і марок на споживчому ринку. Маркетинг в Україні. 2008. №6. С. 49–52.
15. Козак Л. В. Місце та роль стратегій позиціювання в системі стратегічних пріоритетів підприємства. URL: https://eprints.oa.edu.ua/1195/1/kozak2_18022012.pdf (дата звернення: 24.08.2019).
16. Колпаков В., Дмитренко Г. Стратегічний кадровий менеджмент: навч.-метод. посіб. Київ: МАУП, 2002. 274 с.
17. Котлер Ф. Основы маркетинга: пер. с англ. Москва: Бизнес-книга, ИМА-Кросс. Плюс, 2009. 243с.
18. Пашинська А. О., Стадніченко В. В. Особливості стратегій позиціонування для телеканалів. *B2B Маркетинг: збірник наукових праць XII Всеукраїнської науково-практичної конференції*. Київ, 2018. С. 69–70.
19. Пащенко О. П. Брендинг туристичного підприємства: стратегічний аспект. *Економіка і суспільство*. 2017. Випуск 9. С. 566–573.
20. Райс Э., Траут Дж. Позиционирование: битва за узнаваемость: пер. с англ. / перевод Ю.Н. Каптуревского. Санкт-Петербург: Питер, 2004. 256 с.
21. Рубін Б. Конкуренція: впорядкована взаємодія в професійному бізнесі. Москва: Маркет ДС, 2006. 28 с.
22. Свистович М. Б. Сутність та основні поняття стратегічного планування. URL: <http://academy.gov.ua/ej/ej18/PDF/06.pdf> (дата звернення: 24.08.2019).
23. Харківська А. Управління інноваційним розвитком вуз в умовах формування загальноєвропейського простору вищої освіти. *Теорія та методика управління освітою: електрон. наук. фах. видання*. Вип. 13. 2013. URL: <https://cutt.ly/CwxhbWy> (дата звернення: 16.06.2019).
24. Холостова О. та О. Прохорова Опорний конспект лекцій з курсу “Основи маркетингу” для студентів dennoi та заочної форм навчання усіх факультетів університету /Укладачі: к.е.н., доц.. Голда Н. М., к.е.н., доц. Краuze О. І. Тернопіль 2018, 96с.
25. Шульгіна Л. М., Лео М. В. Брендинг: теорія та практика (на прикладі об'єктів комерційної нерухомості): монографія / Нац. техн. ун-т України «КПІ», Київ. нац. торг.-екон. ун-т, Європейський ун-т. Київ-Тернопіль: Астон, 2011. 266 с.

THE USE OF THE PRINCIPLE OF MODEL CHARACTER OF PHYSICAL KNOWLEDGE IN THE GENERAL PHYSICS COURSE FOR NONPHYSICAL SPECIALTIES

Fomenko V.

*Ph.D. of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Physics and Mathematics
Flight Academy of the National Aviation University
Kropyvnytskyj, Ukraine*

Abstract

The work is devoted to the use of the model character of physical knowledge and its reflection in the general physics course for non-physical specialties of universities and academies. Some of the causes of the physical education crisis for these specialties are discussed, including the lack of understanding by students of the relationship between physical laws and the surrounding reality and, in particular, professionally significant reality. To improve the situation, it is suggested to use the educational ideal physical models in the course of general physics, in particular, models of professionally significant systems, processes and phenomena.

Keywords: general physics course, non-physical specialties, educational ideal physical models, professional orientation of physical education.

Modern physical education plays a leading role in the formation of generally scientific and professional competences not only for a wide range of physical and technical specialties, but also for creating physical axiomatics and general physical basis for providing professional education of specialists in certain non-humanities activities, such as scientific (chemical, biological, medical, etc.), engineering, technical, and more.

Meanwhile, it should be noted, that the course of general physics is largely losing popularity and interest in its studying by students of these non-physical specialties now. The loss of educational positions in physical education in Ukraine is reflected in the gradual reduction of training hours to study the general physics course, the abolition of compulsory External Independent Scoring (EIS) in physics for these specialties etc.

The leading external cause of the current crisis of physical education for non-physical specialties, in our opinion, is the modern global systemic crisis of technogenic priorities and technogenic type of thinking. Natural sciences and, in particular, physics in the context of their applied value have always been rightly recognized as the foundation for the development of the technogenic base of modern civilization. Therefore, a crisis of technogenic priorities, which is evident even for the average person, led to a notable loss of the authority of physical science, a decrease in its social prestige, and, even, to negative moments in relation to it. In educational aspect, this leads to a change in educational priorities towards increasing of interest in humanities education - economic, legal, historical, philological, etc. The exception is education in specialties related to IT-technologies.

Another external cause of the physical education crisis for non-physical specialties is the educational pragmatism of modern youth, which is to neglect basic (above all, physical) education and to improve only the applied knowledge that is strictly necessary for the practical activity in a rather narrow area.

Some of the internal causes of the physical education crisis for non-physical specialties include:

- the lack of a clear presentation of the essence and

general principles of the physical way of reality describing, in particular, the formation of a clear understanding of the epistemological connection of physical concepts and laws with the real world around;

- the absence of articulate consistent accents on the future specialty of the specialist. As rightly observed in [1, p. 187], "... the main depending on the teaching methods (rather than on objective factors for the university) reason (of low interest of most students in learning physics - VF) is that in the studying of physics, taught traditionally, students do not see the practical meaning to themselves."

A possible way to transform physical education for non-physical specialties aimed to reducing the effect of these factors is to create *a physical-model context* for teaching the specific physical material, which provides for systematic accentuation and use of *the principle of model character of physical knowledge* in the course of general physics.

In practice, this principle means that the material of the course should be presented in the form of a certain structured sequence of *ideal* (that is, *mental*) *educational physical models of systems, processes, phenomena, and interactions*.

There are examples of such models in the general physics course for non-physical specialties: the Van der Waals gas model (system), the model of uniform rectilinear motion (process), the Faraday model for the phenomenon of electromagnetic induction, the Newton model for gravitational interaction, and many others.

The models of physical systems play a leading role in construction of the hierarchy of educational physical models of the course. The corresponding models of processes and phenomena that occur in these systems or with these systems are considered on the base of the models of these systems. For example, on the basis of a Newtonian particle (material point) model the model processes of uniform, uniformly accelerated, and other motions of that particle are considered. The Mendeleev-Clapeyron gas model (as a partial case of a more general model of a thermodynamic system) is used to physically description of models of various thermody-

namic processes - isothermal, isobaric, isochoric, adiabatic and others. The forced oscillator model is the basis for considering the resonance phenomenon of forced oscillations etc.

To the advantages of teaching the general course of physics as an organized system of educational mental physical models, in particular, for non-physical specialties, we include the following aspects.

1. Educational physical modeling in the general physics course *corresponds to the model character of physics itself as a science*. Any physical assertion corresponds to certain model constructions and, accordingly, has appropriate limits of applicability and conditions of justice. For example, even the fundamental conservation laws that apply to any physical model construction are only applicable within the boundaries of the model of isolated physical system. The model status of physical knowledge is its characteristic and inalienable feature, and its consistent reflection in the educational course is not only desirable but also necessary in the aspect of adequate reflection of the essence of physical science.

2. Educational physical models reveal the epistemological essence of the connection between the physical laws studying in the course and the real world. As noted above, the lack of understanding of this relationship is one of the reasons of decline students' interest (especially in non-physical specialties) in studying physics as a discipline. In this sense, physical models play the epistemological role of an "intermediate link" between the real world and human conscious. The general physics course should emphasize consistently and systematically the fact that physical laws describe reality not directly but through its transfer through a set of relevant physical models. In the educational aspect, the consistent accentuation of this statement leads to the formation of an individual's understanding of the epistemological essence of physical knowledge in relation to the real world and, thus, plays a leading role in physical education.

3. Substantial diversity of the course of physics as a discipline allows you to set and solve problems that relate not only to the physical basic education itself, but also to the question of ensuring its focus on the future specialty and professional activity of the specialist. In practice in the course of general physics for non-physical specialties, this direction is mainly based on the *educational physical modeling of professionally important systems, processes and phenomena*. This should ensure:

- identifying and emphasizing the links between physical education and future professional activities of a specialist;

- ontological unity of the general physical and professionally oriented course material, by which the professional material naturally integrates into the physical model content and forms a whole with the general physical and philosophical material of the course;

- epistemological integrity of the course, since the educational presentation of both general physical and professionally oriented material is based on the same epistemological approaches by using appropriate educational physical models;

- educational and methodological unity of the course, since teaching of professionally-accented material under these conditions does not require the use of separate methodological approaches different from those used in teaching general material;

- creation of conditions for understanding the immediate practical (and, including, professional) importance of physical science and physical education;

- creation of physical axiomatics for the subsequent study of general engineering and professional disciplines;

- creating motivation to study all the course material, not just its professionally-accented pieces.

Thus, the professional orientation of the physics course should create a certain "motivational background" [2, p. 190] concerning the study of physics, which is an important condition of modern physical education for non-physical specialties.

From the above it follows the *principle of combining the general physical and professional content of the course*, that is, the professional material should be included in the physics course as a definite, non-separate component of it. This may be achieved by creating the professional-applied context based on physical modeling of the professionally significant part of reality, i.e., modeling of professionally significant natural and artificial systems, processes and phenomena. This modeling has to be based on basic and partial educational physical models of the course. That is what provides pronounced professional orientation for a general physics course for non-physical specialties.

Physical modeling of the professionally significant part of reality in the educational course is carried out:

- in the form of a *quantitative model explanation* on the basis of educational basic and partial educational physical models of professional-meaning systems, as well as, models of the corresponding processes and phenomena occurring in these systems;

- by professionally accentuated *model informative description* at qualitative level on the basis of relevant model representations.

Professional (aviation) orientation of the material of the general physics course in Flight Academy of the National Aviation University (FANAU) based on the *model explanation* provides:

- *quantitative consideration* of the physical laws of natural and artificial professionally significant systems, as well as the processes and phenomena that occur in them as partial model problems, formulated on the basis of basic and partial models and their corresponding concepts and laws;

- professional orientation of the practical lessons on physics - the choice of calculation tasks for practical classes, tasks for control and laboratory work, etc., such that has a direct connection with the professional education and professional activity of a specialist on the relevant specialty;

- unification of the conceptual glossary, terminology, designations with corresponding analogues used in the courses of professional disciplines.

Practice of teaching of a course shows that the given provisions can be realized as a whole on the basis

of the system of basic and partial ideal educational physical models of systems and corresponding models of processes and phenomena, considering in the modules "Mechanics" [3], "Molecular Physics and Thermodynamics" [8], "Electricity and Magnetism" [9] and others. For example, on the basis of a basic model of a classical particle, the parameters of the airplane's runway needed for taking-off or landing, slue time, etc. may be calculated. The basic model of the particle system is used to calculate the location of the mass center of the aircraft, depending on the location of the cargo. The Mendeleev-Clapeyron gas model is the basis for determining the dependence of the airplane takeoff speed from air pressure and air temperature. A partial model of an electric field created near a charged metal surface allows us to quantify the electrical charge that can accumulate on the surface of an aircraft during a flight, a partial model of an isothermal atmosphere makes it possible to detect a quantitative relationship between air pressures at different altitudes etc.

Specialty orientation of physical course material based on *the informative model description* is carried out in cases where this description:

- is expedient, substantiated and it considers relevant problems in the professional and applied aspect at a *qualitative level*;
- is based on basic or partial models considered in the course;
- contributes to the enrichment of ideas about the applicability of the relevant physical laws to the description of professionally significant systems, processes and phenomena;
- because of the complexity of the real system under consideration, the complexity of mathematical calculations, etc. cannot be quantified.

In the course of physics in FANAU, a professionally oriented model informative description is made for the following subjects:

- coordinate systems used in aviation (in particular, in the processes of air traffic control);
- physical mechanism of action of the free gyroscope as a means of orientation;
- role of the Coriolis force, caused by the rotation of the Earth around its own axis, on the formation of cyclones and anticyclones in the atmosphere;
- physical mechanism of measurement of air speed of flight;
- aerodynamic forces acting on an aircraft wing in flight;
- relationship between the model of isothermal atmosphere and the International Standard Atmosphere;
- physical mechanism of barometric measurement of flight altitude;
- role of adiabatic processes on the formation of clouds in atmospheric air;
- concept of the Brighton cycle for aircraft engines;
- reasons for the much lower value of the actual efficiency of the aircraft engine compared to the value of the ideal thermodynamic efficiency;

- physical mechanism of lightning protection of an aircraft and protection against the accumulation of significant electric charge on it;

- Earth's magnetic field and its features, which are essential for magnetic orientation problems;

- physical mechanism of damping of vertical oscillations of an airplane moving the runway after landing;

- physical mechanism of operation of the Doppler meter of the velocity and the demolition angle;

- physical mechanism of appearance of mirages (including radar mirages) in the atmosphere, etc.

Experience shows that consideration of these subjects in the course of physics significantly increases the interest in its study by students, as it clearly demonstrates the importance of physics not only as a component of basic education, but also as a component of professional training of the future specialist.

REFERENCES:

1. Khanin S.D. Methodological aspects of physics and problems of science education // Physics in the system of modern education (FSSO - 03): Proceedings of the Seventh International Conference. - St. Petersburg: Publishing House of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, 2003. - T. 1. - 199 p., P. 185-187.
2. Tkacheva T.M., Sazonova Z.S., Chechetkina N.V. The role of physics in the system of fundamental training of an engineer // Physics in the system of modern education (FSSO - 05): Materials of the eighth international conference. - SPb : Because of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, 2005 .-- 704 p., P. 189-192.
3. Fomenko V.V. Reflection of model character of physical knowledge in module "Classical mechanics" of general course of physics for non-physical specialties // Collection of scientific works of Kamyanets-Podilsky State University. - The series is pedagogical. - No. 12: Problems of didactics of physics and school textbook in light of the modern educational paradigm. - Kamianets-Podilskyi: Kamianets-Podilskyi State University, editorial and publishing department, 2006, p. 86-88.
4. Fomenko V.V. Educational Physical Modeling in the module "Fundamentals of Statistical Physics and Thermodynamics" in General Physics for Non-Physical Specialties // Scientific notes. - Issue 72. - Series: Pedagogical Sciences. - Kirovograd: RVV of the KSPU them. V. Vinnichenko. - 2007. - Part 1, p. 229-235.
5. Fomenko V.V. Ideal educational physical models of the module "Electricity and magnetism" of the course of general physics for non-physical specialties // Actual problems of teaching and learning of physics in higher education. - Proceedings of the Third International Scientific and Methodological Conference (Lviv, 8-9 October 2009). - Lviv: Liga Press, 2009, p. 250-257.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO DEVELOPMENT THE FUTURE EDUCATOR'S COMMUNICATIVE CULTURE OF PRESCHOOL EDUCATION IN THE CONDITIONS OF MAGISTRACY

Kharkivska Aryna,
*postgraduate student of Creative Pedagogy and Intellectual Property Chair of the Ukrainian Engineering
 Pedagogical Academy.
 Ukraine, Kharkiv.*

Abstract

The article substantiates the essence of the notion «future educator's communicative culture of the institution of preschool education», the expediency of using methodological approaches to the development of the future educators' communicative culture in the conditions of the magistracy: child-centered, systemic, andragogic, activity-oriented, lingual and didactic, and cultural approaches. It proved that consideration of these approaches would promote the development of future educators' communicative culture of pre-school educational institutions in the conditions of a master's degree.

Keywords: communicative culture, future educator of the institution of preschool education, child-centered approach, system approach, andragogic approach, activity approach, lingual and didactic approach, cultural approach.

The realities, stipulated by entry of Ukraine into the European educational space, make new demands not only to the educational system and learning activity, but also to a teacher. Currently in the field of higher vocational education more attention is paid to its humanization. First of all it is connected with the fact that humanization of education is proclaimed as one of the principles of the reform in Ukrainian education [9].

Multidimensionality the development process of the future educators' communicative culture of pre-school establishments in the conditions of a magistracy requires research based on a set of complementary approaches. In this regard, the implementation of a holistic analysis of the communicative culture development becomes possible in the case of using a set of methodological approaches: child centered, systemic, andragogic, activity, linguistic and pedagogical, and cultural.

V. Kremin argues: «There is a need to bring education and upbringing of each child to its essence, specific abilities, and the future human trajectory of life as close as possible. This phenomenon, I call childhood centered in education» [6]. Agreeing with I. Lutsenko, we emphasize that the child-centered approach directs educators to establishing subject-subject relations with children of preschool age, interaction with them as equal participants in the educational process, which primarily manifests itself in the organization of communicative and speech activity of preschool children [7].

Consequently, the child-centered approach focuses on the educational process for the development of the future educators' communicative culture of pre-school education institutions. This envisage creating conditions for the development of students' cognitive interest in the world of pre-school childhood, motives for pedagogical interaction and mutual understanding with children. A value-based humane attitude towards the child as a subject of communication and pedagogical interaction, which has certain rights to be recognized by future educators; professionals capable of penetrating the world of feelings and experiences, ready to accept the views of children, showing

confidence, respect and tolerance.

The future educator's communicative culture of the institution of preschool education is a complex system, therefore the analysis of its essence, structure, components, functioning and development is possible only from the point of view of the system approach.

The system approach understood by us as the direction of the methodology of scientific knowledge, the basis of which is to study the object as a certain system of interrelated elements. Based on this approach, a communicative culture viewed in such a hierarchical order of elements: a general culture - a pedagogical culture - a professional culture - a vocational and pedagogical culture. The communicative culture is at the intersection of this four-level system and is a mandatory, invariant component of each level and the whole system.

Application of the systematic approach as a theoretical and methodological basis of the study implies some needs. Considering the process of development the future educators' communicative culture of pre-school establishments as a complex pedagogical system. Defining the features and structure of this process. Highlighting the structural components of the development the future educators' communicative culture of pre-school educational institutions. Theoretically substantiating and experimentally testing the model of development the future educators' communicative culture of pre-school establishments.

The consideration of the systematic approach allows us to analyze the process of development of the communicative culture of future educators in pre-school establishments, but does not provide for knowledge on the basis of which principles it is necessary to build an educational process, what content, forms, and methods to fill it. Therefore, the study of this problem must be supplemented by the personal context of its consideration, taking into account the andragogical approach.

The «Ukrainian Pedagogical Dictionary» defines the essence of andragogy: «This is the pedagogy of adults, one of the pedagogical sciences, which studies

the problems of education, self-education and adult education» [4, p. 25].

Andragogica creates the theoretical and methodological foundations that help adults acquire general professional knowledge, master the achievements of culture, and form (or revise) life-styles.

A mentor who works with adults and preschoolers needs not self-knowledge, but a solution to a vital problem in self-affirmation and self-realization. Knowledge acts only as a condition for its solution. In the process of acquiring new knowledge, emphasis is placed on the development of a communicative culture that includes communicative knowledge skills, organizational skills, the culture of verbal and non-verbal interaction, the ability to self-control and empathy.

Consequently, the significance of the andragogical approach is that it involves the need to determine the content, forms and methods of developing the communicative culture of future educators in a magistracy, which largely correspond to the training of an adult, which prompts a critical assessment of the level of their professional knowledge, abilities, skills, promoting development its communicative culture. The communicative culture of the future educator can be expressed in his everyday life and professional activity in the process of interaction with the objects of the educational process of the institution of preschool education. Therefore, the application of the activity approach allows us to comprehensively consider the development of communicative culture and carry out an analysis of this culture in the process of vocational and communicative activities.

O. Belyak argues that the essence of the activity approach is to create the necessary conditions for stimulating the positive potential of future educators, openness to new knowledge, experience, continuous development, and most importantly - to receive satisfaction from own self-improvement, work in the institution of preschool education, development of professional knowledge and skills, professionally meaningful personality abilities. Activity approach is the basis of any activity, including professional communication [1].

Professional-communicative activity in the field of preschool education is defined as a multi-level system with a plurality of characteristics, in particular: integrity, structural, hierarchy, awareness, objectivity, subjectivity; definition of needs, motives, goals, functions, means and actions, result.

The obligatory element of the communicative culture of the future educator of the institution of preschool education is the free possession of state and foreign languages. Future teacher in professional activities should clearly and succinctly present the material based on a large vocabulary, have the logic and syntax of the language, correctly use the necessary stylistic turns and phrases, distinguish the features of oral and written speech, find and implement adequate forms of presentation of the material, including imagery, expressiveness of speech, intonation, force of necessary sound. Linguistic science quite fully describes the origin, structure of language, the principles of its functioning in society. In this regard, in order to develop the com-

municative culture of the future educator of the institution of preschool education, it is necessary to turn to the linguodidactic approach.

In the dictionary «Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics» the term «linguistic education» is used to «refer to the field of applied linguistics, which deals with the identification of relationships and the relationship between language and education» [10, p. 174].

Ukrainian scholars in the field of preschool education A. Bogush and N. Havrysh somewhat narrow the essence of this concept. They define linguodidactics as a pedagogical branch of science that explores the laws of the development of personality speech; the specifics of pedagogical activity aimed at forming speech skills of the individual; means, forms, methods and techniques of teaching a native or foreign language [3]. According to L. Zlativ [5], linguistics is aimed at studying the laws of taking possession of any language, regardless of whether it is in the native language or foreign. Thus, the use of the linguodidactic approach as a theoretical and methodological basis of research on the development of the communicative culture of future educators in pre-school education establishes research to take into account the system-forming position of the language as a general personality property that determines the spiritual, intellectual, linguistic development of the future educator of the institution of pre-school education.

The communicative culture of the future educator of the institution of preschool education is a cultural phenomenon, therefore, we consider it expedient to refer to the methodology of the culturological approach for its research. I. Beh understands the cultural approach as «purposeful, constructed on a scientific basis the process of bringing the person to a culture, during which the transfer of centuries-old human experience (theoretical, value, practical) from generation to generation and development of it in accordance with modern realities»[2, with. 48].

According to O. Oliynyk, the cultural approach is a «set of theoretical and methodological provisions and organizational and pedagogical measures aimed at creating conditions for the acquisition and transmission of pedagogical values and technologies that provide creative self-realization of the personality of the teacher in professional activity» [8, p. 39].

The essence of the culturological approach is based on the awareness of the interaction of the categories «communication» and «culture», on the notion that the communicative culture is an integral part of the general and professional culture of the individual. From the standpoint of the cultural approach, the communicative culture of the future educator can be understood as universal value, which is a meaningful basis for the development of personality, and the development of communicative culture as a culturological process. The implementation of the cultural approach, on the one hand, contributes to the preservation and development of the general basic culture as a whole, and on the other - creates favorable opportunities for the future educators to develop the communicative culture. Applying the cul-

tural approach, we can identify the cultural precondition of the phenomena under study, the essential characteristics of the communicative culture of future educators, to identify the structure, to define the content, forms, methods and means of development of communicative culture.

Consequently, the cultural approach directs the educational process to the development of the communicative culture of future educators of pre-school education institutions, which provides for the creation of conditions for the formation and development of the communicative personality of future educators, capable of constructing subject-subject relationships, optimally utilizing means of communication according to age and individually -psychological features of the interlocutor, follow etiquette rules in communication, as well as capable of cultural self-development and successful professional self-realization in professional activity.

In the context of European integration, which enables active international cooperation in the field of pre-school education, the expansion of international, professional contacts with different categories of pre-school children, parents of children, colleagues, administration, partners of the preschool institution, management and self-government bodies, and the formation and development of communicative culture of a teacher.

REFERENCES:

1. Belyak O. M. Diyalnisiy pidhid do rozvitu komunikativnih yakostej movlennya. Naukovij visnik Pivdennoukrayinskogo nacionalnogo pedagogichnogo universitetu im. K. D. Ushinskogo. 2011. № 11–12. S. 76–81.
2. Beh I. D. Osobistisno-orientovana model vlivovannya yak naukovij konstrukt. Psihologo-pedagogichni problemi silskoyi shkoli: zbirnik naukovih prac. Kiyiv, 2002. Vipusk 3. S. 143–156.
3. Bogush A. M., Hayrysh N. V. Doshkilna lingvodidaktika: Teoriya i metodika navchannya ditej ridnoyi movi v doshkilnih navchalnih zakladah: pidruchnik. Vid. 2-ge, dopovnene/Za red. A. M. Bogush. Kiyiv: Vidavnichij Dim «Slovo», 2015. 704 s.
4. Goncharenko S. U. Ukrayinskij pedagogichnij slovnik. Kiyiv, 1997. 375 s.
5. Zlativ L. M. Komp'yuterna lingvodidaktika u vikladanni movoznavchih disciplin dlya studentiv-filologiv. Naukovi zapiski Nacionalnogo universitetu «Ostrozka akademiya». Seriya: Psihologiya i pedagogika. 2014. Vipusk 29. S. 116–120.
6. Kremen V. Pro «Ditinocentrism», abo Chomu osvita Ukrayini potrebuje strukturnih zmin. Den: shodenna vseukrayinska gazeta. 2009. № 210 (3130). 19 listopada. C. 1–6. URL: <https://day.kyiv.ua/uk/article/cuspilstvo/pro-ditinocentrizm> (data zvernennya: 23.04.2019).
7. Lucenko I. Spilkuyemosya na rivnih. Organizaciya komunikativno-movlennyevoyi diyalnosti doshkilnyat na zasadah ditinocentrizmu. Doshkilne vivovannya. 2015. № 1. S. 5–10.
8. Oliynyk O. V. Kulturologichnij pidhid yak naukova osnova rozvitku teoriyi ta praktiki pedagogichnoyi osviti. Naukovi praci. Pedagogichni nauki. 2006. Tom 50. Vipusk 37. S. 39–42.
9. Kharkivska A. A. Scientific approaches to the system of teachers' training. Modern tendencies in the pedagogical science of Ukraine and Israel: the way to integration. Ariel, Israel, Issue № 6, 2015, p.151-156
10. Richards Jack C., Schmidt R. Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics. 2002. 595 p.

ANALYSIS OF PROFESSIONAL MOTIVENESS AND PEDAGOGICAL SKILLS OF TEACHERS

Kokareva A.

*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology
of Professional Education of the National Aviation University*

Khomenko-Semenova L.

*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the Department of Pedagogy and Psychology
of Professional Education of the National Aviation University*

АНАЛІЗ ПРОФЕСІЙНОЇ ВМОТИВОВАНОСТІ ТА ПЕДАГОГІЧНОЇ МАЙСТЕРНОСТІ ВИКЛАДАЧІВ ЗВТО

Кокарєва А.

*кандидат педагогічних наук, доцент,
доцент кафедри педагогіки та психології професійної освіти
Національного авіаційного університету*

Хоменко-Семенова Л.

*кандидат педагогічних наук, доцент
кафедри педагогіки та психології професійної освіти
Національного авіаційного університету*

Abstract

The article analyzes the notion of pedagogical skill and motivation of teachers of the FTA to its development. The most important components of pedagogical skills of teachers are revealed, which include: personal component: activity, personality culture, hard work, self-discipline, self-development, etc.; social component: personality orientation, high moral, humanistic orientation, etc.; innovative component: pedagogical creativity, knowledge of information and communication technologies; component of professional activity: experience, educational technology, knowledge and skills.

Анотація

У статті проаналізовано поняття педагогічної майстерності та вмотивованості викладачів ЗВТО до її розвитку. Розкриваються найважливіші компоненти педагогічної майстерності викладачів, до яких належать: особистісна складова: діяльність, культура особистості, працьовитість, самодисципліна, саморозвиток тощо; соціальна складова: орієнтація особистості, висока моральна, гуманістична спрямованість тощо; інноваційний компонент: педагогічної творчості, знання інформаційно-комунікаційних технологій; складова професійної діяльності: досвід, освітня технологія, знання та вміння.

Keywords: institution of higher technical education; motivation; pedagogical skills; professional competence; structure of pedagogical skill.

Ключові слова: заклад вищої технічної освіти; мотивація; педагогічна майстерність; професійна компетентність; структура педагогічної майстерності.

Вступ. Проблема підготовки висококваліфікованих фахівців технічних спеціальностей постає дедалі гостріше в сучасному інформаційному середовищі. Вирішення цієї проблеми залежить багато в чому від педагогічної майстерності та вмотивованості викладача закладу вищої технічної освіти (ЗВТО). Кваліфікований викладач має ефективно виконувати свої функції як гарантію підготовки кваліфікованих робітників для держави. В останні роки відчувається виснаження серед викладачів та дефіцит якісних вчителів у предметах, що користуються високим попитом, та школах, що перебувають у неблагополучному становищі. Існує також стурбованість залученням до навчальних програм висококваліфікованих та мотивованих кандидатів та зниженням кваліфікаційних вимог при атестації та ліцензуванні нових викладачів. Усі ці аспекти впливають на якість професійної діяльності викладачів, яка проектується на покращення результативності навчання студентів.

Як показали дослідження, професіоналізм викладача та його вмотивованість до професійної діяльності є важливим чинником для визначення успішності навчання студентів, навіть після попереднього досвіду здобуття освіти та особливостей їх походження. Професіоналізм викладача зазвичай включає такі чинники, як атестація, тип кваліфікації, здобуті наукові ступені чи багаторічний досвід. Ще один, не менш важливий показник професіоналізму викладача – це його педагогічна майстерність.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. У фундаментальних дослідженнях вітчизняних науковців особливий інтерес приділяється основним компонентам педагогічної майстерності. Погляди на компоненти різні, оскільки поняття педагогічної майстерності багатогранне та складне.

Вагомий внесок у вивчення педагогічної майстерності викладачів та структуру цього явища внесли такі вчені як І. А. Зязюн, О. Х. Мирошник, І. Ф. Кривонос, Л. В. Крамущенко, В. А. Семіченко тощо.

Зокрема, І. Зязюн наголошує, що «педагогічна майстерність виявляється не тільки в успішному розв'язанні різноманітних педагогічних завдань, високому рівні організованого навчально-виховного процесу, а й у тих якостях особистості вчителя, що породжують цю діяльність і забезпечують її успішність. Ці якості треба шукати не лише в уміннях, а й у тому сплаві властивостей особис-

тості, її позиції, які й дають педагогові змогу діяти продуктивно і творчо» (І. А. Зязюн, 2004). Основою педагогічної діяльності І. А. Зязюна було золоте правило «Стався до інших так, як хочеш, аби ставилися до тебе».

Серед вітчизняних дослідників професійну мотивацію вивчали Л.М. Карамушка, В.А. Семіченко, Е. В. Винославська, В. М. Сич, О. А. Гульбас, Ж. П. Вірна, Т. В. Панчук, О. І. Бондарчук та інші. Професійну майстерність педагогів, стимули та мотиви їхньої освіти вивчали С.Г. Вершловський, Ф.М. Гоноболін, В.П. Симонов. Так, у дослідженнях В. А. Семіченко вказано, що на стадії практичного оволодіння йде пристосування індивіда до професії, корекція професійних мотивів і цілей, виникають та закріплюються мотиви оволодіння професійною майстерністю, з'являється задоволення працею, виникають мотиви самореалізації індивіда у діяльності. На стадії розвитку («акме» – вершина) професійної діяльності підвищується роль мотивів індивідуального вкладу в професію, професійної творчості. Відбувається відкриття нових особистісних смислів у професії. Переважають конструктивні мотиваційні тенденції, які орієнтують індивіда на творчість, збільшується кількість вирішених проблем не основі професійної інтуїції (В. А. Семіченко, 2004, с. 52).

Метою цієї статті є розкриття сутності концепції педагогічної майстерності та вмотивованості викладачів ЗВТО, розвиток яких дозволить підвищити якість викладання та підготовки майбутніх фахівців технічної сфери.

Викладення основного матеріалу дослідження. Сьогодні особливу роль у сфері освіти набуває проблема підготовки вчителя нового типу, вчителя-професіонала, здатного до творчості, до швидкого й якісного вирішення поставлених перед ним педагогічних завдань. Сучасні фахівці повинні бути підготовленими до вирішення нових професійних проблем, що вимагають нестандартних творчих рішень і бути здатними до творчого саморозвитку. У Концепції «Нова українська школа» передбачено, що для реалізації її положень має бути і «новий учитель».

Педагогічна майстерність – це складне поняття з багатьма різними складовими. Педагогічна майстерність розглядається як здатність організовувати та вдосконалювати всі види навчальних заходів, здатних ефективно розвивати особистість студентів, крім набору певних рис особистості та загальної професійної діяльності викладачів на високому рівні. Вчені, викладачі мають різні пог-

ляди щодо елементів, що формують педагогічну майстерність. Формування педагогічної майстерності – це безперервний процес, в якому повинні формуватися всі компоненти. Тож давайте розглянемо основні компоненти педагогічної майстерності. Оскільки педагогічна майстерність, на наш погляд, ґрунтуються на професійній компетентності, всі її елементи розглядаються як елементи, які потрібно розвивати для підготовки кваліфікованого викладача.

Професійна компетентність, на думку вчених, включає: теоретичну та практичну готовність викладача до здійснення навчальної діяльності (Сластюнін, 2005), окрім збірника теоретичних знань, практичних навичок, особистісних якостей, досвіду (Гриньова, 2005).

Взагалі, необхідно об'єднувати структурні елементи в групи. Викладачі мають ряд особистих якостей. До особистісного компонента можна віднести навчальні здібності, ментальні риси особистості, що сприяють успішній навчальній діяльності (Худенко, 2011), загальну культуру особистості, рівень працездатності, активності, педагогічну інтуїцію та інші. На кожен компонент існує багато поглядів, тому здібності до навчання поділяються на різні групи: дидактичні, організаційні, комунікативні, прогностичні та багато інших; загальна культура також є показником, який показує потенціал майбутніх учителів, наприклад, її інформаційна культура може якісно впливати на організацію навчального процесу.

Говорячи про інформаційну культуру, ми пам'ятамо не лише вміння користуватися комп'ютером, а й створювати онлайн-підручники, які спрощують обмін інформацією, організацію навчальних заходів тощо.

До особистої складової можна віднести такі якості, як толерантність, чесність, здатність до самовиховання, саморозвиток. Багато з цих якостей та навичок можна сформувати на першому році навчання та спонукати студентів до участі в різних заходах, роботі в групах. Викладачі повинні звертати увагу на розвиток власного виступу, вміти уникати стресових ситуацій та вміти вирішувати конфлікти, не завдаючи шкоди собі.

Ще одна важлива група елементів – знання ряду курсів, які різняться залежно від того, якого викладача ми готовимо. Окрім основних загальних та обов'язкових психологічно-педагогічних знань, це можуть бути технічні, технологічні чи будь-які інші, залежно від галузі майбутньої навчальної діяльності.

Навчальна діяльність – це соціальне явище, оскільки вчитель постійно контактує з учнями, колегами, що вимагає формування певних соціальних навичок, цінностей та ідеалів. Тут можна включити гуманістичну спрямованість майбутніх викладачів, високу моральну активність як члена суспільства (Пашенко, 2010; Пашенко, 2012). Успішного, вмілого викладача можна охарактеризувати як такого, який має оптимістичне ставлення до своєї діяльності, сформував власні цінності, ставлення, інтереси та ідеали. Іноді можна зустріти тих, хто вважає навчанням свого покликання; люди, які хочуть розвивати, удосконалювати та навчати майбутні покоління.

Викладання – це діяльність, яка, як і будь-яка інша діяльність, залежить від досвіду та розроблених та вдосконалених освітніх технологій, професійних знань та навичок. Педагогічні прийоми – це здатність викладачів використовувати власну психофізичну одиницю, щоб це вплинуло на навички студента, досягти успіху у навчальній діяльності (сюди ми можемо включити володіння мімікою та жестами, вміння спілкуватися, керувати та організовувати). Все це може поєднуватися, щоб сформувати унікальний стиль викладання, який є як індикатор їх іміджу, достовірності, продемонструвати свою викладацьку позицію, яка показує як особисті якості та професіоналізм.

Крім того, потрібно переконатися, що майбутній викладач володіє сучасними освітніми технологіями та методами навчання. Сюди входить набір цілей, методи навчання, що гарантує намічений ефект, більше того, це процес, в якому існують різні педагогічні засоби (наприклад, методичні, інструментальні тощо). Викладачі можуть вибирати педагогічну технологію або комбінувати їх, вибираючи підходящу (диференціація технологій рівня, індивідуалізація технологій навчання, програмоване навчання чи ігрові технології чи будь-яку іншу) або по черзі використовувати їх тощо.

Зрозуміло, що в даний час створюється нова педагогічна парадигма, заснована на активному використанні педагогічної творчості, інформаційно-комунікаційних технологій. Викладачі повинні отримувати належну інформацію, яка гарантувала б її правильне наукове та методичне використання комп'ютерів; створити необхідні бази даних, участь у різних міжнародних проектах чи конференціях.

Рисунок 1. Компоненти професійної майстерності викладача.

Поряд з професійною майстерністю мотивація є визначальним чинником ефективності професійної діяльності викладача вищої школи, а, як наслідок, і необхідна умова якості та рівня ефективності процесу навчання в цілому.

Виходячи з різних особливостей праці, під мотивацією в сфері вищої освіти розуміється процес свідомого вибору викладачем вищого навчального закладу цілей і моделей своєї поведінки, які формуються під впливом внутрішніх і зовнішніх чинників, що визначає особливості взаємозв'язку працівника з предметами і засобами певного праці, а також формує результат його діяльності. Варто зауважити, що створення стимулів до праці викладача вищої школи формується не тільки під впливом спільно внутрішніх (потреб, цінностей, установок) і зовнішніх факторів (стимулів), а й під впливом характерних особливостей взаємозалежності його з предметами, засобами, результатами своєї праці.

Для аналізу чинників мотивування професійної діяльності викладачів ми провели опитування серед викладачів Національного авіаційного університету, метою якого є оцінка ступеню прояву мотивів професійної діяльності працівників ЗВТО, а також оцінка рівня задоволеності їх своєю працею. В опитування взяло участь 56 респондентів. Для досягнення заданої мети були поставлені наступні завдання:

- виявлення стимулів і перешкод до професійної діяльності;
- створення структури і ієрархії мотивів професійної діяльності викладача вищої школи;
- оцінка рівня значущості і міри задоволеності працівників різними сторонами їх професійної діяльності;
- дослідження спільніх і відмінних рис, властивих викладачам, об'єднаних за соціальними ознаками: статтю, віком, науковим ступенем.

З урахуванням особливостей роботи в галузі вищої освіти у рамках дослідження було виокремлено три блоки запитань, що допомогло всебічно оцінювати рівень умотивованості і міру задоволеності викладачів свою професійною діяльністю.

Аналіз стимулів і перешкод виявив, що до чинників, які стимулюють належать:

- 1) проходження курсів підвищення кваліфікації – так – 47%; – скоріше так, ніж ні – 11%; – і так, і ні – 25%; – скоріше ні – 17%; – ні – 0%;
- 2) приклад колег – так – 32%; – скоріше так, ніж ні – 17%; і так, і ні – 24%; – скоріше ні – 27%; – ні – 0%;
- 3) вплив керівників – так – 3%; скоріше так, ніж ні – 38%; і так, і ні – 33%; – скоріше ні – 0%; ні – 26%;
- 4) комфортні умови праці – так – 79%; – скоріше так, ніж ні – 0%; – і так, і ні – 19%; – скоріше ні – 0%; – ні – 2%;
- 5) увага керівництва до вирішення проблем – так – 54%; скоріше так, ніж ні – 27%; – і так, і ні – 8%; – скоріше ні – 11%; – ні – 2%;
- 6) довіра колег – так – 42%; – скоріше так, ніж ні – 23%; – і так, і ні – 35%; – скоріше ні – 0%; ні – 0%;
- 7) самоосвіта – так – 54%; – скоріше так, ніж ні – 41%; – і так, і ні – 5%; – скоріше ні – 0%; – ні – 0%;
- 8) інтерес до роботи – так – 77%; – скоріше так, ніж ні – 23%; – і так, і ні – 0%; – скоріше ні – 0%; – ні – 0%;

9) повага студентів – так – 55%; – скоріше так, ніж ні – 27%; – і так, і ні – 12%; – скоріше ні – 11%; – ні – 4%;

10) можливість здобуття визнання в колективі – так – 34%; – скоріше так, ніж ні – 39%; – і так, і ні – 16%; – скоріше ні – 0%; – ні – 11%;

11) здобуті винагороди за пророблену роботу – так – 81%; – скоріше так, ніж ні – 19%; – і так, і ні – 0%; – скоріше ні – 0%; – ні – 0%.

До чинників, які перешкоджають належать:

1) невмотивованість – так – 67%; – скоріше так, ніж ні – 33%; – і так, і ні – 0%; – скоріше ні – 0%; – ні – 0%;

2) завантаженість методичною роботою – так – 43%; – скоріше так, ніж ні – 33%; – і так, і ні – 24%; – скоріше ні – 14%; – ні – 0%;

3) відсутність підтримки й допомоги керівництва – так – 37%; – скоріше так, ніж ні – 29%; – і так, і ні – 21%; – скоріше ні – 11%; – ні – 2%;

4) негативний клімат в колективі – так – 34%; – скоріше так, ніж ні – 23%; – і так, і ні – 22%; – скоріше ні – 14%; – ні – 7%;

5) негативний зворотній зв'язок зі студентами – так – 18%; – скоріше так, ніж ні – 27%; – і так, і ні – 32%; – скоріше ні – 14%; – ні – 9%;

6) стан здоров'я – так – 36%; – скоріше так, ніж ні – 27%; – і так, і ні – 15%; – скоріше ні – 16%; – ні – 6%;

7) заробітня платня – так – 84%; – скоріше так, ніж ні – 16%; і так, і ні – 0%; – скоріше ні – 0%; – ні – 0%.

Дослідження мотивації професійної діяльності викладача в сфері вищої освіти, зроблене за допомогою опитування, дозволяє зробити такі висновки:

Основною є потреба у високій заробітній платі і матеріальній винагороді, відчутті запитуваності виконуваної роботи і можливість завоювання визнання з боку інших людей.

Працівники з високою потребою в гроших, орієнтуючись в основному на матеріальну винагороду, часто ігнорують умови контракту або технологічні вимоги, що може привести до втрати управлінського контролю. Такі працівники вважають за краще працювати індивідуально, отримуючи гроші за власні зусилля, а колеги сприймаються ними як потенційні конкуренти.

На другому місці в структурі мотиваційного профілю працівників університету знаходитьться потреба у відчутті запитуваності виконуваної роботи. Дана потреба в рівній мірі актуальна для респондентів всіх трьох груп. Дослідження мотиваційного профілю свідчать, що серед різних чинників мотивації прагнення до цікавої і корисної праці має найбільшу важливість і надає широкі можливості регулювання рівня мотивації. Діяльність працівників з високою потребою в цікавій і корисній праці повинна бути організована таким чином, щоб вони могли сприймати свою роботу як «цикаву» і «корисну», інакше вплив інших мотиваційних чинників стає менш вираженим.

Нарешті, замикає трійку лідеруючих потреб потреба в завоюванні визнання з боку інших людей (колег, студентів).

Система мотивації професійної діяльності – це спільність взаємозалежних підсистем і елементів, головними з яких виступають керована і керуюча підсистеми, а отже, залучення до ЗВТО моделі управління мотивацією праці, що базується на застосуванні принципів концепції системи менеджменту якості (СМЯ), яка сьогодні

активно упроваджується в університетах України, і спрямованої на забезпечення необхідного рівня якості освіти, дозволить:

- 1) визначити особистий професійний внесок кожного викладача в освітній процес студентів;
- 2) застосування відомих форм і методів заохочення викладачів за їх досягнення і результати в різних сферах їх професійної діяльності;
- 3) деталізувати алгоритм розрахунку стимулюючих виплат, виявити взаємозв'язок між розміром отримуваної винагороди і дійсними витратами праці кожного педагога;
- 4) гарантувати узгодження цілей і завдань трудової діяльності професорсько-викладацького складу з найбільш важливими цілями і завданнями удосконалення ЗВТО;
- 5) залучення викладацького складу в процеси управління ЗВТО;
- 6) своєчасно модернізувати соціальні програми при появі проблем в сфері стимулювання праці викладачів в різних університетах України.

Висновки. З наведеного дослідження аналізу вмотивованості та педагогічної майстерності викладачів ЗВТО можна зробити висновки, що ставлення до професійної діяльності, мотиви її вибору й підвищення кваліфікації викладача є надзвичайно важливими чинниками, що зумовлюють розвиток професіоналізму викладача та його педагогічної майстерності. Зацікавити викладача до професійного розвитку – означає забезпечити неперевність його професійного самовдосконалення. Мотивація викладача істотно впливає на специфіку і зміст його професіоналізму, продуктивність усього процесу особистісно-професійного розвитку. Також мотивація викладача до розвитку педагогічної майстерності залежить безпосередньо від керівництва, яке має аналізувати внутрішні мотиви того чи іншого фахівця та створювати умови для їх стимулювання. Багатоманітність класифікації мотивів, зокрема професійної діяльності, свідчить про складність і багатогранність процесу розвитку мотивації. Сьогодні основою будь-якої діяльності є професійні знання. Викладач закладу вищої освіти повинен постійно працювати над удосконаленням своєї професійної майстерності, від чого значно залежать результати його роботи та якість підготовки майбутніх фахівців технічної сфери зокрема.

Однак, незважаючи на те, що саме інтерес до праці, фінансове мотивування, визнання професійної діяльності, можливість самореалізовуватися, професійно розвиватися – основні чинники, що мотивують викладача до праці в закладі освіти, Міністерство надає нові завдання, додаткові критерії, нереальні умови, які відволікають викладачів від їхньої безпосередньої професійної діяльності. Невідповідність вимог до матеріального забезпечення фахівців призводить до того, що викладачі втрачають інтерес до роботи в закладі освіти через значний час,

який витрачається на забезпечення відповідності формальностям, замість саморозвитку, підготовки до занять і улюбленої справи. Сьогодні ми бачимо, що з кожним роком втрачається інтерес молоді до вступу до аспірантури та магістратури через завищенні вимоги та їхню невідповідність матеріальному забезпечення молодих викладачів.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Гриньова В. Професійна компетентність викладачів вищого навчального закладу в результаті формування його педагогічної культури / В. Гриньова // Соціальні технології, 2005. - N.26. - С.85-91
2. Зязюн І. А. Філософські засади освіти: освітні і виховні парадигми, освітні технології, діалектика педагогічної дії. Педагогічна майстерність у закладах професійної освіти: [монографія] / за ред. Н. Г. Ничкало, І. А. Зязюн, М. П. Лещенко, М. М. Солдатенко та ін.; Ін-т педагогіки та психології проф. освіти АПН України. Київ, 2003. С. 246.
3. Организационная психология / под. ред. Г. Суходольского. Харьков : Гуманитарный центр, 2004. 256 с.
4. Пащенко Д. Шляхи надання професійної майстерності викладачів, які викладають в університеті // Проблеми сучасного викладача: Зб. наук. папері / редкол. кол.: Побірченко Н.С. (гл. ред.) та ін. - Умань: ПП жовтій ОО, 2012 - Вип. 6, ні. 6 год. 3 - С. 63–72.
5. Педагогічна майстерність: підручник / І. А. Зязюн, Л. В. Крамущенко, І. Ф. Кривонос та ін. [За ред. І. А. Зязюна]. Київ: Вища школа, 2004. 422 с.
6. Семиченко В. А. Проблемы мотивации поведения и деятельности человека. Модульный курс психологии. Модуль “направленность” (Лекции, практические занятия для самостоятельной работы) / В. Семиченко. – К.: Милениум. – 2004. – 52 с.
7. Сыч В. Психологические проблемы развития мотивации профессионального совершенствования специалистов (инспекторов) отделов образования. Материалы Международной научно-практической конференции, 19–20 апреля 2002 г. : в 2 ч. Минск. Ч. 1. С. 161–162.
8. Сластьонін В. Рефлексивна культура та професіоналізм викладача (на засадах Формування у майбутніх учителів у пед.університетах) / Педагогічна освіта та наука. - 2005. - № 3. - С. 37–42.
9. Худенко А. Педагогічна майстерність як прояв індивідуального стилю професійних вчителів [електронний ресурс] http://alma-mater.luguniv.edu.ua/magazines/visnyk/2011/20_ped_4.pdf - С. 33-34.

PHILOLOGICAL SCIENCES

THE IMAGE OF A SUBJECTIVE NARRATOR IN ROMANTIC NOVELS BE OREST SOMOV

Lomova E.

associated professor

Kazakh National University named after Al-Farabi

Kadyrova G.

associated professor

Kazakh National Technical University named after Satbayev

ОБРАЗ СУБЪЕКТНОГО НАРРАТОРА В РОМАНТИЧЕСКИХ ПОВЕСТЯХ ОРЕСТА СОМОВА

Ломова Е.

ассоциированный профессор

Казахский Национальный Университет имени Аль-Фараби

Кадырова Г.

ассоциированный профессор

Казахский национальный технический университет имени К.И. Сатпаева

Abstract

This article observes the image of a narrator in the literary works by O.Somov, belonged to the talented Russian writers created their novels in the I third of the XIXth century. It should be noted that influence of the literary heritage of N.Karamzin and a genre of "travel" developed in the Western European literature considerably objected on originally of an art manner of O.Somov.

O.Somov was not carried away by the Enlightenment trend of the art story in the spirit of A.Radishchev. The writer combined a fiction story with a solid ethnographic material alternated sketches of portraits of characters, landscapes and domestic scenes connected with individual perception of the author.

The heartfelt story of any personal human relations was filled with comparison and love. The warm-heartedness was put in cornerstone of a plot of the art narration of O.Somov. Sincere and sadness helped heroes of the writer to overcome all sorrows and troubles in his complicated and contradictive life.

Аннотация

В данной статье анализируется образ нарратора в художественной прозе Ореста Сомова, который принадлежал к плеяде талантливых русских писателей первой трети XIX столетия.

Следует отметить, что на своеобразии художественной манеры О.Сомова в значительной мере сказалось влияние литературного наследия Н. Карамзина и жанра «путешествия», который уже сложился в западноевропейской литературе.

О.Сомова не увлекала просветительская тенденция авторского рассказа в духе А.Радищева. Писатель вплетал в свой рассказ богатый этнографический материал, который перемежался зарисовками портретов персонажей, пейзажей и бытовых сцен, которые пропускались через индивидуальное восприятие автора.

В основе сюжета художественного повествования О.Сомова всегда лежит задушевная история каких-либо личных человеческих отношений, которые наполнены состраданием, любовью, душевной теплотой и в силу этого побеждают все горести и превратности, выпавшие на долю его героя.

Keywords: image of a narrator, novel, influence, literary heritage, genre of "travel", art manner, Enlightenment trend, spirit, ethnographic material, sketch of portrait, landscape, individual perception, author, narration, plot.

Ключевые слова: образ автора, рассказ, влияние, литературное наследие, жанр «путешествия», художественный рассказ, эпоха Просвещения, дух, этнографический материал, портретный очерк, пейзаж, индивидуальное восприятие, автор, сюжет, повествование.

Анализируя субъектное повествование у Сомова, как и у других авторов - его современников, нас будут интересовать прежде те художественные тексты, в которых художественная форма позволяет говорить о новаторстве и эволюции индивидуальной манеры писателя.

Литература сентиментализма оказала большое влияние на романтическую прозу 20-30 годов XIX

века, и ведущую роль в этом процессе сыграла фигура Н. Карамзина, и прежде всего - его знаменитые «Письма русского путешественника».

К этому времени русская читающая публика уже была близко знакома с традициями европейской повествовательной прозы и с интересом читала в оригинале и переводах произведения Ж. Ж. Руссо, В. Гете, С. Ричардсона и многих других авторов.

Но «Письма» Карамзина были значительным шагом вперед и неожиданно открыли русскому читателю уже знакомый ему окружающий мир, где о русской действительности, о современных людях говорилось понятным и простым языком, который с невероятной точностью и яркостью был способен передавать «невыразимое» состояние души, «глубоко эмоциональный пафос жизни человека» [1, 17].

Литературное наследие Карамзина, которое имело глубокое влияние на последующий литературный процесс в романтической прозе, было очень существенно и значимо для творчества О. Сомова, который в поисках способов передачи субъектной повествовательной формы во многом полагался на литературные открытия и завоевания своего выдающегося предшественника.

Если обратиться к сомовским повестям 1820-1830-х годов «Вывеска» (1829) и «Почтовый дом в Шато-Тье́ри» (1830), то можно обнаружить, что в них ткань поэтического повествования получает форму «записок» некого путешественника, который таким образом доказывает автобиографичность и реальность предлагаемой читателю «истории».

Таким образом, в субъектной повествовательной форме О. Сомов обращается к жанру «путешествия», столь популярного в тот период для русской и зарубежной читающей публики.

На западе этот жанр имел уже богатые и сложившиеся традиции и нашел художественную реализацию в произведениях Д. Дефо, Д. Свифта, Т. Смоллетта, Дюпата, Л. Стерна и других авторов.

В России жанр «путешествия» прежде всего был связан с социальной направленностью авторского рассказа и содержал значительный просветительский аспект, который нашел отражение в произведениях Н. Новикова, Д. Фонвизина, А. Радищева, Ф. Глинки и других авторов.

Однако просветительская тенденция авторского рассказа абсолютно не увлекала О. Сомова, и его рассказчик очень близок карамзинскому повествователю, который отталкивался от путешествия «по волнам моей памяти» в духе Л. Стерна, отвечающего традициям сентиментализма.

Кроме этого, О. Сомов вплетал в свой рассказ богатый этнографический материал, который перемежался зарисовками портретов, пейзажей, бытовых сцен, портретов персонажей, которые пропускались через индивидуальное восприятие автора, и в силу этого получалась «большая беллетристическая форма с естественной, как бы само разумеющейся спайкой разнородных частей» [2, 44 – 45], сближаясь в этом смысле с путешествием типа Дюпата.

Вопрос о влиянии карамзинского «путешествия» на стилистику и повествовательную форму сомовских повестей остался вне внимания исследователей, хотя связь между этими разножанровыми произведениями очевидна.

В. Сиповский в своей монографии подчеркивает, что Н. Карамзин как автор «Писем русского путешественника» заявлял своему читателю, что

его рассказчика-путешественника интересует абсолютно все: «достопримечательности городов, мельчайшие различия в образе их обитателей, монументы, следы великих людей, которых уже нет на этом свете» [1, 24].

Сомовский повествователь в этом смысле очень схож с путешественником Н. Карамзина в повести «Вывеска», в которой читатель прогуливается по провинциальному городку Вердену, оглядывает живописные окрестности, становится посетителем почтового трактира, имея в лице автора внимательного наблюдателя и остроумного собеседника, «положившего за правило везде смотреть, разведать и отведать (разрядка автора – О. С.), чем славится какое-либо место» [3, 108], и возбуждающего любопытство слушателей.

Схожесть писем Н. Карамзина и сомовской повести «Вывеска» заключается в том, что весь курс повествования строится на субъективной точке зрения автора-рассказчика, которому для достижения художественной убедительности своего рассказа требуется «особая изобретательность в обрисовке характеров и пластичность образов» [4, 34].

Словесная субъективность автора-рассказчика Сомова и карамзинского путешественника подчеркивается также и субъективностью пространственно-временных координат художественного рассказа, вбирающего в себя различные суждения, точки зрения и оценки.

Рассматривая проблему наследственности прозы Сомова в связи с творчеством Карамзина, следует отметить, что прежде всего писателя привлекает возможность живо и подробно передать читателю чужой уклад и образ жизни и сделать это с обострённым любопытством, не пропуская самой незначительной детали и выбирая жанр «раскованной болтовни», «шутливой исповеди, обращенной к друзьям и собеседникам» [5, 153].

При таком рассказе настоящее и прошлое об разуют два временных пласта, и план рассказывания вплетается в план развития сюжетных коллизий, в которые попаременно погружается читательское восприятие.

На первый план в творчестве писателя выходит и разработка так называемой «дорожной» темы, уходящей корнями в эстетику романтизма и сентиментализма, и прежде всего – к лирическому сентиментальному герою. Этот герой был обречен на не понимание современников, живущих в прозаических, бытовых реалиях, и поэтому был отделен от них сосредоточенными «чувствованиями, размышлениями и философско-символическими ассоциациями» [6, 222].

В прозаическом повествовании в связи с дорожной темой возник образ одинокого путешественника, который пытался соотнести свой душевный и эмоциональный настрой с многообразием красок тех картин окружающей жизни, которые виделись ему за окнами дорожного экипажа.

Неслучайно в работах Петруниной есть анализ перехода «дорожной» темы из лирических пушкинских текстов в прозаические. Эта же особенность не

остается вне внимания и у Г. Фридлендера, который отмечал то важнейшее значение, которое имела тема дороги для генезиса пушкинского «Станционного смотрителя» и «Записок молодого человека» (1829) «Станция» Вяземского (1829) [7, 110].

Фигура путешественника становится довольно распространённой в целом и в русской романтической прозе. Чаще всего это светский человек гражданского звания или офицер, оказавшийся по долгу службы или обстоятельств в далёких краях, но в любом случае в социально-образовательном, этическом и оценочным уровне они были предельно близки к фигуре самого автора.

Ярким примером в этом смысле является повесть Загоскина «Белое привидение», в которой создаётся теплая лирическая атмосфера и фактически устраняется дистанция между автором и рассказчиком.

В этом случае возникают своеобразная художественная игра, основанная на многообразии наблюдений, различных ассоциаций и характере воспоминаний. При этом текстовая структура оказывается очень стилистически выверенной, создавая атмосферу непринуждённой картины «вспоминаемой» реальности, находящейся в сфере эстетической рецепции читателя» [8, 400].

Однако путешественник – alter ego автора не единственный рассказчик в сомовских повестях.

Сомов использует в структуре повествования мемуарную основу, включающую в себя всевозможные жанровые зарисовки, описания пейзажа, личные впечатления и интригующие сюжеты, используя при этом раскованную, непринуждённую манеру изложения, которая была так знакома русскому читателю от предшествующей литературы «путешествий».

Однако эта форма не совсем удовлетворяет О. Сомова, и он смешает фокус повествования рассказчика, который практически совпадал с автором, в сторону другого непрофессионального повествователя, чьи условия жизни и индивидуальный опыт были очень далеки от автора и чья личностная история и составят основной сюжет рассказа, как это происходит в повестях О. Сомова «Вывеска» и «Почтовый дом в Шато-Тьерри»

При этом на первый план выдвигается поток воспоминаний рассказчика, характер их восприятия, а не сюжетные коллизии с последовательностью событий, которые происходят непосредственно перед читателем, и в этом случае именно воспоминания образуют всю канву сюжета художественного рассказа.

Движущим фактором развития повествования является у Сомова не взаимодействие действующих лиц и не характер развития их отношений, а те картины и события, которые возникают в сознании и памяти рассказчика и которые он воссоздает с точки зрения ретроспекции. При этом он может убыстрять или замедлять ход событий, которые воссоздаются перед читателем.

Событийное время, таким образом, вступает в взаимодействие с автобиографическим временем,

находясь в тесной связи с общим временным планом повествования и его поэтической организацией. Отсюда пространственно-временные рамки определяются автором «Вывески» и «Почтового дома в Шато-Тьерри» не только качестве каркаса произведения, но и в качестве одного из самых эффективных средств организации его смыслового содержания.

Таким образом, у О. Сомова происходит сознательное разграничение автора-повествователя на «профессионального» и «непрофессионального», и эта тенденция была общей для романтической прозы 20-30-х годов XIX века [9, 30], которая стремилась приблизить голос своего «вспоминающего» героя к голосу реального человека из иной социально-этнической среды.

Эта тенденция была в русле новых изменений в структуре художественного повествования русской словесности, которая стремилась кнейтрализации прямой активности автора, к замене его «демиургической позиции» [10, 19] позицией наблюдателя, лица, находящегося на периферийном участке художественной реальности произведения, делая тем самым шаг на пути к мотивированному повествованию и пытаясь таким образом решить проблему единства повествовательной структуры художественного текста.

Если говорить о сюжетном ядре «вспоминаемых» историй, то следует признать, что в основе их у О. Сомова всегда лежит какая-либо задушевная история глубоко личных человеческих отношений, которые наполнены состраданием, человеческой теплотой и взаимной любовью и потому имеют силы победить все горести и превратности, выпадающие на долю этих человеческих судеб.

Такое прикосновение к частной человеческой судьбе дает право путешественнику, «засев в угол дорожной коляски», «долго мечтать» о «тихом счастье» своих героев. Тернистый и извилистый жизненный путь здесь обретает счастливый конец, а душа – долгожданный покой в «тесном семейном кругу среди близких и преданных людей».

В этом смысле повести Сомова сопоставимы с прозой другого писателя эпохи русского романтизма Н. Бестужева, который успешно для того времени разрабатывал одновременно две традиции, унаследованные от западно-европейской литературы «путешествий».

Например, «Записки о Голландии 1815 года» (1821) привлекали читающих современников тем, что были заполнены интересными этнографическими сведениями о подробностях и традициях уклада жизни далекого от России народа и в этом смысле приобретали непревзойдённый познавательный характер, что увеличивало их успех и популярность у русского читателя.

А с другой стороны, в повести «Шлиссельбургская станция» Н. Бестужев помещает в центр сюжета подкупавший лиризмом и искренностью рассказ путешественника о незабываемой встрече, которая произошла с ним на одной из станций Шлиссельбургского почтового тракта.

Однако можно заметить и существенные различия в подаче повествования, которые существуют как в «Шлиссельбургской станции» Н. Бестужева, так и «Записках молодого человека» А. С. Пушкина, где читатель имеет возможность быть свидетелем подробностей быта главных героев, их домашних обстоятельств, в силу чего, все, что их окружает, становится значимым. Но при этом очень важными являются и события, которые происходят из вне маленькой станции и как бы разрушают ее маленький устоявшийся мир.

У О. Сомова, как и в «Станционном смотрителе» у Пушкина, интерес рассказчика сохраняется не только к «большому» миру вне маленькой станции, но и к событиям ее «малой» реальности, которая становится интересным и занимательным предметом познания для русского читателя

Однако социальная острота «геройной» истории и ее авторская интерпретация не присущи ми-роощущению О. Сомова, и поэтому рассказы парикмахера из «Вывески» и содержателя «Почтового трактира в Шато-Тьерри» не поражают ощущением трагизма и резким противостоянием непреодолимых жизненных обстоятельств и желаний отдельной человеческой личности.

«Солнце светит для каждого» [11, 131], - говорит французский парикмахер из сомовской повести, а «человек – всегда человек, - как бы повторяет за ним сам автор, - где бы он ни жил – в солнечной Франции или далекой России».

И в силу этого человек имеет право стремиться к счастью, и его жизненная мудрость заключается именно в том, чтобы наслаждаться тем малым, что подарила ему переменчивая судьба, давая возможность найти душевную гармонию и мир с самим собой среди ежедневной сути и мирских забот.

Таким образом, О. Сомов творчески наследует от литературы «путешествий» свободную О. Сомов творчески наследует от литературы «путешествий» свободную и непринужденную манеру изложения художественного материала, построенного на субъективном векторе оценок, контактных формах взаимодействия автора и читателя и особой пространственно-временной ориентации автора-повествователя. Но О. Сомов видоизменяет эту форму, представляя читателю фигуру рассказчика, воплощающего иное, чем у автора социальное положение

и знание о мире. Эти изменения знаменовали принципиальный поворот к объективизации нарративной структуры романтической повести, где автор уступал свое руководящую роль и главенствующую оценочную позицию ради многообразия звучания «голосов» героев, а сам предпочитал находиться в роли так называемого «стороннего наблюдателя» и избегал собственных оценок и суждений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Вступ.ст. Г. П. Макогоненко. – С. 5-30 - М.: 1988. – 544 с.
2. Роболи Т. Литература путешествий // Русская проза/ Сб.ст. под ред. Б. Эйхенбура и Ю. Тынянова. – Л. : Academia 1926. – С.42-73
3. Сомов О. М. Были и небылицы. /Вступ.ст. Н. Н. Петруниной. – С. 3-20. - М. : Сов.Россия, 1984. – 368 с.
4. Черняева Т. А. Типы повествования в фантастической повести 20-40-х годов XX века // Проблемы жанров в русской литературе / Сб. науч.тр. МПИ им. Ленина. – М., 1980. – С. 30-39
5. Ивашина Е. С. Мотив путешествия в русской прозе начала XIX века // Вопросы сюжета и композиции. - Горький. – 1985. – С.51-159
6. Поспелов Н. С. Несобственно-прямая речь и ее выражение в художественной прозе Гончарова 40-х годов // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. – М., 1957. – Т.IV. – С. 221-239
7. Петрунина Н. Н. Проза А. С, Пушкина. – Л.: Наука. – 1987.–574 с.
8. Русская романтическая повесть / Сост., общ.ред., вступ.ст. и comment. В. А. Грихина - М.: МГУ, 1983. – 473 с.
9. Манн Ю. В. Русская философская эстетика (1820-1830-е годы). – М.: Искусство. – 398 с.
10. Пронина В. А. Диалог в русской романтической прозе 30-х годов XIX века. (В. Ф. Одоевский и А. А. Бестужев-Марлинский): Дис... канд. Филол.наук. – Л., 1985. – 200 с.
11. Канунова Ф.З. Некоторые особенности реализма Н. В. Гоголя (О соотношении реалистических и романтических начал в эстетике писателя) – Томск: ТГУ, 1962. – 135 с.

THE CONCEPT OF ART NARRATION IN THE LITERARY WORKS BY O.SOMOV

Lomova E.

associated professor

Kazakh National University named after Al-Farabi

Kadyrova G.

associated professor

Kazakh National Technical University named after Satbayev

КОНЦЕПТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НARRATIVA В ТВОРЧЕСТВЕ О.СОМОВА

Ломова Е.

ассоциированный профессор

Казахский Национальный Университет имени Аль-Фараби

Кадырова Г.

ассоциированный профессор

Казахский национальный технический университет имени К.И. Сатпаева

Abstract

This article observes the concept of an art narrative form in the works of O.Somov belonged to the talented writers of the Russian romantic literature of the I third of the XIXth century.

O.Somov shared the trend of compromise way to solve a problem of interaction of the human being and his social environment. The writer sought to stand on a belief in possibility to protect “domestic” human happiness involved internal piece, high spirit and harmony among the outside world filled with conflicts and contradictions.

O.Somov made efforts to create a new image of the storyteller represented special position in social environment and estimated reality level not being common with attitude of author.

In this case the art narration of the writer distributed to embodiment of vocabulary and melody of the folksy spoken speech but without overloading the art content vernacular and last sense of proportion.

The romanticism as literary direction assumed overweight of the authors idea over the image of reality. O.Somov didn't accept such kind of opinion and reproduced the circumstances of a hero private life in details and reached effects to of solid reproduction of the inner world and self-consciousness of the art characters.

Аннотация

В данной статье анализируется концепт художественного нарратива в прозе Ореста Сомова, который принадлежал к кругу наиболее талантливых писателей русской романтической литературы I трети XIX века.

Для О.Сомова была характерна тенденция компромиссной трактовки проблемы взаимодействия человека и социальной среды. Он стремился сохранить в водовороте «большого» мира, полного конфликтов и противоречий, веру в возможность обретения «маленького» человеческого счастья, которое способно подарить мир и гармонию душе отдельного, обычного человека.

Писатель неуклонно стремился найти новый образ своего рассказчика, чье мировосприятие отражало бы иную социальную среду и иной оценочный уровень действительности.

Все это становилось возможным для О.Сомова в случае обогащения повествования лексикой и мелодикой народной речи. При этом О.Сомов не перегружает художественной текст просторечиями, сохраняя чувство меры и авторского вкуса.

Романтизм предполагал перевес авторской идеи над образом реальной действительности, и у О.Сомова очевиден уход от такой авторской позиции. Он в деталях воспроизводит обстоятельства и подробности частной жизни, достигая эффекта многомерности и многоцветности воспроизведения художественного мира своих персонажей.

Keywords: concept, art narrative, romantic literature, compromise way, social environment, interaction, internal piece, spirit, harmony, conflict, contradiction.

Ключевые слова: концепт, художественное повествование, романтическая литература, способ компромисса, взаимодействие, социальная среда, внутренний мир, дух, гармония, конфликт, противоречие.

Рассказчик в романтических повестях Ореста Сомова отличается тем, что он отнюдь не подчеркивает свою ироничность по отношению к героям своих «историй», но, напротив, выражает к ним искреннее сочувствие и человеческую благосклонность, сближаясь в этом смысле с карамзинским стилем и направленностью авторского рассказа.

Этот ракурс повествования отдаляет Сомова от повествователя Л. Стерна, голос которого полон

скептических ноток, порождённых крушением у него на родине идеалов Просвещения, на что справедливо указывает в своих работах З. Канунова [1, 3].

У Л.Стерна психологизм лишь подчёркивает противоречивость сознания главного героя, который уже не испытывает благоговения перед высо-

кими обязанностями человеческой личности в обществе, а, напротив, бравирует своим правом сомневаться абсолютно во всем.

Сомовский путешественник созвучен в этом смысле и достаточно вписывается в концепцию добродетельного и положительного героя, которая отстаивалась философской концепцией Ж.-Ж. Руссо и нашла отражение на русском материале в прозе Н. Карамзина.

Для О. Сомова характерна тенденция компромиссной трактовки проблемы взаимодействия человека и социальной среды.

Противоречия и темные стороны окружающей действительности не привлекают Сомова как объект художественного рассказа.

Напротив, он стремится сохранить в водовороте «большого» мира, полного бед, страданий и противоречий, веру в возможность обретения «маленького» человеческого счастья, которое способно подарить мир и гармонию душе отдельного, обычного человека.

В романтическом повестях писателя речевой портрет персонажа детально не разработан. Возрастная и культурно-социальная дистанция между автором повествователем и его героями хоть и подчеркивается внешним антуражем, описанием бытовых условий, но никак не выделяется стилистически, то есть авторское и повествование героев строятся на похожей лексико-сintаксической основе.

Однако такой стилистический рисунок не является для О. Сомова единственным и постоянным. В повести «Кикимора» четко прослеживается различие двух понятий об окружающей реальности, которые доносит до читателя рассказчик и слушающий его «историю» повествователь.

В этом случае весь художественный рассказ строится на пересечении ракурсов восприятия и мировоззрений образованного барина, по сути – alter ego автора, и неграмотного крестьянина, воплощающего народное языческое сознание, включающее суеверную веру в существование домовых, чертей, русалок, которые признаются им как реальные объекты сосуществования каждого человека.

Голос автора стремится при этом подчеркнуть отличие своей позиции, культурного уровня от точки зрения простодушного рассказчика из народной социальной среды. Автор-повествователь стремится не без иронии осветить перед читателем истинное положение вещей, и это взаимодействие «геройных» голосов и оценочных позиций придает сложность и многокрасочность смысловому полю художественного текста.

Повесть «Кикимора» Сомова вышла до появления в печати «Повестей господина Белкина» А. С. Пушкина и гоголевских «Вечеров», и это подчеркивает ее оригинальность и новаторство.

Писатель неуклонно стремился найти новый образ своего рассказчика, чье мировосприятие отражало бы иную социальную среду, иное отношение к миру, иной оценочный уровень действительности. Все это становилось возможным для Сомова только в том случае, если голос повествователя приобретал яркую и стилистическую окрашенность

и обогащался лексикой и мелодикой народной речи.

Передавая музыкальность и лексический состав народной речи, Сомов при этом не перегружает свой художественный текст просторечиями, сохранив при этом чувство меры и авторского вкуса. Народный колорит служит психологической характеристике и отточенной стилистической окраске речевых голосов его персонажей.

Однако внимание к речевому портрету персонажа вовсе еще не было свойственно подавляющему числу авторов той эпохи, и О. Сомов в этом смысле был в числе новаторов в разработке этого художественного стилистического приема.

В доказательство к этому можно привести повесть Н. Полевого «Мешок с золотом» (1829), в которой герои – русские крестьяне говорят языком, мало свойственным для них стилистически в реальной жизни.

Это же утверждение доказывает и повесть Бестужева «Трактирная лестница» (1828), в которой в центре сюжета находится трогательный и искренний рассказ старого солдата о своей горькой воинской судьбе. Но при этом его речь никак не вырисовывается автором стилистически, не подчеркивает его социальную принадлежность и чисто человеческую индивидуальность, а ее лексико-сintаксические особенности оказываются в строгих рамках нормированной литературной речи, что было вовсе не свойственно такому герою в действительности.

В этом смысле повествователь из народа О. Сомова предопределяет и предвосхищает рассказчиков из «Вечеров» Гоголя, доказывая творческие попытки писателя стремиться к развитию своей индивидуальной манеры.

Как и впоследствии Гоголь, О. Сомов всячески старается сохранять уровень самосознания персонажей, о которых он рассказывает, и потому в полной мере стремится отражать их представления, круг занятие и тот «житейский трезвый взгляд на вещи» [2, 525], который является определенным типом народного сознания.

Это народное сознание и восприятие имеет свою предысторию, свои исконные традиции, свое порой наивное, но весьма определенное и приобретающее статус истины объяснение законов окружающего мира.

Так, автор-повествователь, реагируя в «Кикиморе» на «историю» демократического рассказчика, замечает: «Глупцы же были ваши крестьяне, друг Фаддей!». На что последний отвечает: «Было всякого, милосердный господин: ум на ум не приходит; были между ними и глупые люди, были и себе на уме. Все же они держались старой поговорки: отцы-де наши не глупее нас были, когда этому верили и нам передали свою старую веру» [3, 222].

Может быть, господа, вы удивитесь (...) и перешептываетесь: «Кто-де с вами говорит? И какой-де след знакомому человека затрагивать незнакомых: жителю уездного городка говорить со столичными и простой речью дразнить наш слух, привыкший к

отборным выражениям и затейливым приветствиям? (...). Извольте, господа! Донесу вам о себе, что следует (...). Прошу прислушать» [3, 242].

Следует отметить интересное взаимодействие между образом Порфирия Байского, который был ведущим рассказчиком у О. Сомова в его ранних повестях о так называемой «народной жизни», и Рудого Панька в повестях Гоголя.

Первоначально сомовский рассказчик предопределил появление рассказчика гоголевского, но впоследствии испытал сильное влияние гоголевской индивидуальной повествовательной манеры

Художественный микромир сомовской повести строится на пересечении и взаимодействии пространственных и психологических ракурсов каждого из героев рассказчиков, и его целостность возникает из соположения множественности этих позиций.

При этом субъективный, жизненный, практический и эмоциональный опыт каждого из героев является важным, потому что их совокупность дает эффект многопланности отображения действительности, создавая при этом иллюзию присутствия так называемого объективного описания внешних реалий.

При этом в русской повести возникала новая тема отображения героя на основе воспроизведения его сознания и подсознания, и такие творческие поиски были характерны для русской романтической прозы 20-30-х годов XIX века в целом.

Еще больше дистанция между героем и рассказчиком оказывается в повести Сомова «Сватовство», где он отводит себе более чем скромную роль издателя записок героев.

Голос Демида Калистратовича Сластены полон эмоциональных восклицаний, обращений к читателю, напряженных интонаций, содержит многочисленные попытки личного контакта со своим слушателем, и этот прием помогает воссоздать не только форму устного рассказывания, но и ввести читателя в круг описываемых художественных событий.

Речи повествователя О. Сомова свойственна особая грамматико-сintаксическая организация, для которой характерны обилие восклицаний и обращений, нагромождение эмоционально-напряженных интонаций, помогающих писателю емко и образно не просто передать описание художественных событий, а воспроизвести повествование в форме устного рассказывания, создать атмосферу близкого «личного» контакта читателя с рассказчиком.

Свое отношение к фольклорным традициям и их использованию в литературе Сомов теоретически обосновал в своей статье «О романтической поэзии» 1821 года. В ней писатель говорит о том, что «словесность народа – говорящая книга его нравов, обычаев и образа жизни» [4, 60] и представляет собой неисчерпаемый клад исконно народной мудрости и потому требует к себе внимательного и бережного отношения.

Как и Гоголь, Сомов глубоко интересуется обычаями и традициями Малороссии, воссоздавая

бытовые реалии украинского народа с большой достоверностью, тщательностью и убедительностью.

В предшествующей карамзинской традиции предметный мир вещей и деталей оставался лишь безликим фоном, на котором развивалось художественное действие. В этом случае читателю было не важно, в какой точке города или деревни переживали свои душевые коллизии герои, потому что лишь их эмоциональная сфера находилась под пристальным вниманием автора, в то время как все, что попадало за эту черту, а именно интерьер и бытовые детали, воспроизводились автором с определенным «художественно-тематическим клише» [5, 30].

Совершенно иной процесс происходит в повествовании у Сомова. Объектом внимания рассказчика становится все, что попадает в поле его внимательного взгляда, и в силу этого читатель становится полноправным гостем на деревенской свадьбе или помолвке и знакомится с подробностями национальной кухни, одежды или обычаев.

Таким образом, художественно подчеркивается реальность и осозаемость предметного мира вещей, которая окружает сомовских героев, придавая жизненные краски их образам и одновременно поэтизируя многоцветный мир их повседневного бытия.

Но в сомовском рассказчике нет разнообразия оценочных позиций, и это по-прежнему добродетельный, кроткий и глубоко положительный герой, не способный противостоять превратностям судьбы, сохранив в душе лишь сострадание и прощение. В «Сватовстве» рассказчик делится со слушателем воспоминаниями о своей любви к Настусе, которая, отвергнув его любовь и преданное сердце, оказалась несчастной женой и матерью с «трепямя жалкими детьми на руках» и мужем-пьяницей, «лежащем в параличе» [3, 266].

В этом случае частная человеческая судьба, сфера страданий, надежд и радостей отдельного человека в мировоззренческом плане зеркально отражает авторское представление о мире и нравственные критерии, по которым он живет.

При этом именно нравственная составляющая является центральной в интерпретации рассказа персонажи и, с точки зрения О. Сомова, определяет тот ключевой момент, без которого невозможно целостное восприятие облика его демократического повествователя. При этом поведение героя-повествователя, его оценки самого себя и окружающих его людей образуют те штрихи и особенности, которые и воссоздают его ценностно-моральный облик в структуре художественного рассказа.

При этом истины и моральные установки, которых придерживается сомовский рассказчик из демократической среды, должны быть, с точки зрения писателя, универсальными для людей любого образовательного уровня и социального круга, так как без таких качеств как доброта, понимание, искренность и сострадание невозможно, с точки зрения О. Сомова, общее социальное здоровье человеческого сообщества.

Следовательно, во главу угла О. Сомов ставит поучительную роль своей словесности, сближаясь в этом плане с карамзинской повествовательной традицией, которая уже очень в малой степени была характерна для гоголевской и пушкинской писательской манеры.

Строя свою «геройную» композицию, автор исходит из определенной морально-этической идеи, которую стремится воплотить в лице живого и остроумного собеседника и создать лирическую атмосферу, подкупающую читателя своей особой теплой тональностью.

В этом случае справедливо утверждение В. Кривоносова, который подчеркивает, что традиция «достоверности» повествования от лица автора или героя с установкой на истинность изображаемого и рассказываемого была связана в литературе романтизма не только с «Письмами» Н. Карамзина и с жанром «путешествий» в целом, но и с западно-европейской прозой и, прежде всего, - с именами Д. Свифта, Д. Дефо и В. Скотта, предлагающих читателю занять позицию как бы реального наблюдателя или свидетеля происходящих событий» [6, 58]. Проблема влияния романов В. Скотта и Ж.-Ж. Руссо на русский романтизм рассматривается также в более ранних статьях Ю. Левина [7, 5].

При этом О. Сомова нельзя упрекнуть в статичности его героев, так как его художественные характеры не остаются неизменными, а претерпевают определенные изменения своих нравственно-этических и моральных координат.

Демократический герой О. Сомова, так любовно относящийся к разноцветному и красочному миру своего бытия, вдруг обнаруживает, что для него самого в этом уютном гармоничном мирке не находится места и потому нет возможности обрести душевный покой, найти простое, «маленькое», человеческое счастье и «примирение» с жизненными обстоятельствами.

Социальные различия для сомовского героя, имеющего статус бедного сельского священника, не позволяют ему жениться на более обеспеченной своей избраннице, что позволяет перенести художественный конфликт из сферы чувств, эмоций и моральных этических категорий в плоскость серьезного разговора о социальных различиях, общественном неравенстве, которые неизбежно встанут непреодолимой преградой на пути не защищенного в материальном плане героя.

При этом автор—повествователь как бы стоит над своим героем и не дает никаких субъективных оценок, но общая тональность художественного рассказа и поворот сюжетных коллизий говорит о глубоком сочувствии и сопереживании автора своим персонажам.

Сам демократический рассказчик не отличается критикой своего социального положения, но

его уязвимая позиция лишний раз доказывает читателю противоречие той социальной среды, в которой живет герой и в которой существует сам читатель.

«Дедушка невесты, - подчеркивает повествователь, - был канцеляристом (...), батюшка- служил в генеральском суде регистратором». «Я же, - говорит о себе мать Настуси из повести «Сватовство», - тоже непростого рода: покойные родители мои, с тех пор как свет стоит, слыши панами... А дочь мою стали бы величать попадькой!» [3, 257]

В предыдущих повестях Сомова ощутимо чувствовались требования романтической поэтики, где дискретность отдельной точки зрения героя и его угол видения окружающего мира определялись как значимые и подтверждающие так называемый «документализм».

В «Сватовстве» очевидно изменены рамки единичного, индивидуально-частного, художественного повествования, избавив его от неполноты и частичности, который давала избранная субъектная форма. В «Сватовстве» герой существует в реальном мире, он погружен в непростые, жизненные обстоятельства, и потому картина воссоздаваемой действительности получается у писателя гораздо более полной и объемной.

Романтизм предполагал перевес авторской идеи над образом реальной действительности, и у О. Сомова был очевиден уход от такой авторской позиции. В «Сватовстве» он, наоборот, в деталях воспроизводит обстоятельства, подробности частной жизни своих героев и их непреодолимую зависимость от тех или иных жизненных условий, и отсюда картина мира становится яркой и многоцветной и получает каждый раз новый угол зрения в зависимости от того, кто эти обстоятельства наблюдает и с каких позиций воспроизводит перед читателем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Канунова Ф. З. Об эволюции стернианства Н. Н. Карамзина // Проблемы метода и жанра. – Томск: ТГУ, 1977. – Вып.4.- С.3-13.
2. Степанов Н. Л. Прозаики двадцатых-тридцатых годов // История русской литературы. – М. – Л.: АН ССР, 1953. – Т. IV. – С. 524-528.
3. Сомов О. М. Были и небылицы. /Вступ.ст. Н. Н. Петруниной. – С. 3-20. - М. : Сов.Россия, 1984. – 368 с.
4. Сомов О. М. О романтической поэзии. – СПб., 1821- 71 с.
5. Петрунина Н. Н. Проза А. С, Пушкина. – Л.: Наука. – 1987. – 574 с.
6. Кривонос В. Ш. Проблема читателя в творчестве Н. В. Гоголя. – Воронеж, 1971. – 150 с.
7. Левин Ю. Д. Прижизненная слава В. Скотта в России // Эпоха романтизма. – Л.: Наука, 1975. – С. 5-68.

Lomova E.

associated professor

Kazakh National University named after Al-Farabi

Kadyrova G.

associated professor

Kazakh National Technical University named after Satbayev

ЭПИСТОЛЯРНАЯ ФОРМА У ОРЕСТА СОМОВА И М.ПОГОДИНА

Ломова Е.

ассоциированный профессор

Казахский Национальный Университет имени Аль-Фараби

Кадырова Г.

ассоциированный профессор

Казахский национальный технический университет имени К.И. Сатпаева

Abstract

This article observes the features of an epistolary narrative form in the works by O.Somov and M.Pogodin belonged on the romantic trend in the Russian literary process in I third of XIX century. The called narrative form was closely connected with the previous Western European and the Russian literary narrative tradition and gained further creative development. On the one hand, epistolary art form became an effective way of psychological motivation of inner world of a hero. On other hand the author represented a storyteller with individual reception and social environment being not in common with an image of author.

In this case a writer is interested in process of disclosure of a private life story involved the bibliographic facts in multiply subjective interpretation. This approach created effect of achievement of an overall and solid art embodiment of a hero character and represented high lighten his inner world and self-consciousness from plural parties.

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности использования эпистолярная в романтической прозе О.Сомова и М.Погодина. Эта форма был тесно связана у названных писателей как с предшествующей западноевропейской, так и с русской повествовательной традициями, но получила дальнейшие творческое развитие. С одной стороны, эпистолярий становился эффективным способом психологической мотивации душевного мира героев, а с другой стороны обозначал в повествовании рассказчика с индивидуально-личностным видением и восприятием окружающей жизни, которые автор пытался представить читателю, всячески подчеркивая нетождественность последних своей собственной позиции.

Авторов интересует процесс раскрытия одной жизненной истории, события или биографического факта во многих субъективных интерпретациях, что создавало эффект достижения многозначности и гибкости художественного воплощения и реализовало авторское желание рассмотреть жизненную ситуацию со всех возможных сторон.

Keywords: features, epistolary narrative form, romantic trend, narrative tradition, creative development, psychological motivation, inner world, storyteller, individual reception, social environment, process of disclosure, bibliographic facts, subjective interpretation, approach, embodiment, hero character, self-consciousness

Ключевые слова: особенности, эпистолярная повествовательная форма, романтическое направление, повествовательная традиция, креативное развитие, психологическая мотивация, внутренний мир, рассказчик, индивидуальное восприятие, социальная среда, процесс раскрытия, биографические факты, субъективная интерпретация, воплощение, самосознание.

Орест Сомов и Михаил Погодин принадлежат к числу наиболее талантливых писателей – романтиков в русской литературе I трети XIX века. Они активно и творчески разрабатывали новые повествовательные формы, определившие ключевые тенденции развития русской классической художественной литературы последующих десятилетий.

Индивидуальная художественная манера О.Сомова отличается тем, что культурно-психологическая ориентация и социально-исторические обстоятельства объективно влияют у него на субъективно окрашенное восприятие героя, делая его

связь с внешним миром более реальной, осознанной и многообразной.

«Роман в двух письмах» (1832) О. Сомова, где выбрана эпистолярная форма, продолжает тему взаимодействия героя и социальной среды, человека и жизненных обстоятельств с точки зрения мировоззренческих позиций той эпохи.

Западно-европейский сентиментализм и последующий романтизм сделали письма очень популярным литературным жанром, который обретал форму глубокой и искренней исповедальности и

носил признаки чистосердечного повествования героя о своих поступках, интимных переживаниях и сердечных ранах.

Романы С. Ричардсона и Ж.-Ж. Руссо разрабатывали усложненную эпистолярную форму в общей романной структуре, которая существовала как система переплетающихся взаимоотношений между автором, «издателем писем», рассказчиком и персонажами их письменных опусов.

Источником эпистолярия служил также и жанр так называемого «дружеского» письма, который был очень востребован в русской романтической прозе 20-30-х годов XIX века и приобрел в эти годы черты «своебразной литературности» [1, 221].

Дружеские письма романиков отличала острумная шутливость, легкость и одновременная колкость. Автор создавал свой литературный портрет и в соответствии с характером адресата задавал ему тот или иной ракурс. Реальные факты и предметы, попадая в эту игровую атмосферу, окрашиваясь ею, утрачивали независимость и приобретали «домашнюю семантику» [2, 18].

Так, Л. Гроссман отмечал, что А. С. Пушкин «в высокой степени ощущает жанр письма и никогда не подменяет его другими литературными видами. Затрагивая все возможные темы, он не переходит на другие стили. Описание, речь, литературный портрет, публицистика, памфlet, пародия – все это нигде не выступает в письмах как литературный жанр только и сообщает летучие штрихи для наиболее полного выявления основного эпистолярного стиля» [3, 244-245].

«Письма» героев, вводимые в ткань прозаического рассказа, придавали ему диалогичность, живое, непосредственное ощущение адресата и в этом смысле обнаруживали связь с лирическими жанрами, в частности, с дружеским посланием, культивировавшимся в русской поэзии 1800-1810 годов, о чем справедливо указывали своих работах Л. Гинзбург [4, 198-201] и Ю. Лотман [5, 57].

В романтической прозе 20-30-х годов эпистолярная повествовательная форма, тесно связанная с предшествующими как западно-европейскими, так и русскими традициями, получила дальнейшее развитие, становясь, с одной стороны, эффективным способом психологической мотивации душевного мира героев, а с другой, - обозначая в произведении образ рассказчика с индивидуально-личностным видением и восприятием окружающей жизни, которые автор пытался представить читателю, всячески подчеркивая не тождественность последних своей собственной позиции.

Так, в «Романе в двух письмах» О. Сомова - повествователь, выступающий в роли безымянного издателя, стремится заверить читателя, что «ему нечаянно попались в руки сии письма и он не уверен, что чтение сей переписки было бы приятно или полезно. Он решает «издать их в свет», потому что они «заключают в себе, если не занимательное, то, по крайней мере, полное происшествие» [6, 309], тем самым заранее предопределяет себе роль наблюдателя, не принимающего непосредственного участия в действии.

Основное содержание писем составляет история знакомства Льва Константиновича, светского щеголя из Петербурга, с дворянской девушкой Надеждой Бердинцовой. В этом смысле О. Сомов, который не знал начатого и незавершенного Пушкиным «Романа в письмах», (где поэт стремился перенести в прозу завоевания своего романа в стихах), во многом сознательно шел за автором «Евгения Онегина».

Сам сюжет повести Сомова – встреча в деревенской глухи столичного молодого человека и «уездной барышни» - навеян пушкинским романом стихах.

Если сопоставить «Роман в письмах» А.С.Пушкина с повестью О.Сомова становится очевидным, что Пушкин, тонко чувствующий специфику прозы, сосредоточился на анализе психологии и душевного мира своих героев, «с каждым письмом расширяя картину действительности» [7, 19] и сочетая анализ «человеческих чувств и поступков с воссозданием исторической хроники светского быта» [8, 76]. О. Сомов пошел по иному пути – по пути изображения типов дворянской поместной жизни, «уплотнения» бытового фона фабульных событий, обогащения сюжета занимательными поворотами и ситуациями, оттесняющими на задний план нравственно-психологическую линию повествования.

С ироническим подтекстом Лев Константинович пишет об образе жизни провинциального дворянства; дает описание уездного бала, «немного по-отставшего от именинного пира в доме Лариных, описанного Пушкиным» [6, 298]; пародирует провинциальную манеру речи, принадлежащую другим действующим лицам.

Критичность и социальная острота не характерна прозе О. Сомова. Он не стремится к социальной направленности своих повестей, а пытается прежде всего развлечь своего читателя такой узнаваемой картиной русских провинциальных нравов, увиденных с точки зрения светского столичного жителя.

Эпистолярная форма описания определяет в повести и своеобразие пространственно-временного положения рассказчика. Точка зрения повествователя располагается не после завершения действия, а находится внутри этого действия, движется вместе с ним, «раздробляясь на змеиный ряд» более частных, относительных точек зрения [8, 194]. В кругозоре рассказчика в каждый момент находится лишь ограниченный участок действия, равный временному пространству письма, и общая картина составляется как «постфактум» из их сложения.

Таким образом, О.Сомов предпочитает усложненное развитие фабульного действия, за которым заинтересованно следит расположенный к нему читатель, что говорит о том, что развлекательная роль словесности имела достаточный удельный вес в художественном творчестве писателя.

«Сокольничий сад» М.Погодина также написан в форме эпистолярия, но основу художественной ткани повести составляет не дневниковая исповедь, а письма героев, которые основаны на «акте

коммуникации, которая осуществляется в условиях личного косвенного контакта" [9, 58], хотя письменная и устная речь выступают как "манифестиации идеальной системы языка" [10, 83] и поэтому имеют общие структурные свойства.

Сомов в своих повестях сосредотачивался на занимательности и неожиданности сюжетных коллизий, которые преобладали в его прозе над психологической глубиной и анализом душевных особенностей «геройной» личности.

М. Погодин с этой точки зрения идет по другому пути, сосредоточиваясь на психологическом характере героя и сближаясь с решением данной литературной темы в «Романе в письмах» Пушкина (1829).

Как и в пушкинском "Романе в письмах", основу в "Сокольницком саду" составляет переписка четырех персонажей, в ходе которой не только совершаются фабульное действие, но и раскрываются точки зрения главных участников интриги, их внутренний мир, позволяя автору в форме эпистолярного рассказа свободно переходить от внешних условий существования к жизни сердца, а от нее - к умственной жизни своих героев" [2, 68].

При использовании этого приема особенности личности героев в процессе читательского узнавания, в процессе постижения особенностей ее психологии и морально-эмоциональной сферы не остаются статичными и завершенными, как это было в произведениях западно-европейских авторов и у представителей русского сентиментализма. Характер героя получает у М. Погодина динамическую составляющую, раскрывая процесс мышления и сопреживания.

Однако, конечно, следует признать, что эпистолярный стиль М. Погодина еще не столь обработан в деталях, не отличается высокой гибкостью и психологической тонкостью наблюдения, которые уже имеют место в пушкинском «Романе в письмах».

Эти произведения также отличаются и пространственно-временной организацией своей структуры.

Пушкинское пространство разомкнуто в своих границах, включает в себя разнообразные картины дворянской уездной жизни и предметы бытования так называемого высшего света, наполняясь светом и воздухом.

Погодинская повесть напротив, ограничена границами «немецкого домика на окраине Москвы», который притягателен своим уютом и комфортом и в котором герои сознательно отгораживают себя от огромного, реального мира, остающегося за порогом маленького и привычного им «мирка».

Письма Б., раскрывающие его историю знакомства с Луизой Винтер, очень похожи на письма Дмитрия в повести М. Погодина «Адель», так как рисуют образ автора с возвышенной душой, который способен открывать в своей подруге все лучшие качества и добродетели. Этот образ решен в

духе романтической традиции и позволяет читателю следить за траекторией его комментариев и личностных оценок.

Но в этой повести М. Погодин очень внимателен к предметному миру, окружающему его героев. Неслучайно, Б. в деталях и почти с хозяйственным педантизмом воссоздает внешний вид сада, за которым с любовью ухаживает героиня писем, и подробности ее домашнего интерьера. Подобное внимание к окружающим предметам и реалиям каждого дня бытия присуще и посланиям Луизы.

Проблема бытового фона и деталей его воссоздания не была столь актуальна в предшествующей М. Погодину литературной традиции и подчинялась уже выработанным, устоявшимся и нормативным решениям. В карамзинских повестях предметно-бытовая сфера отступала на задний план, оставаясь лишь фоном для писателя, который был совершенно точен прежде всего в воспроизведении самых интимных и душевых переживаний своих героев.

В повестях В. Нарежного быт трактовался "как не нормальное протекание жизни", а как нечто аномальное, представляющее "отклонение, уродливости и наросты жизни" [5, 140], и поэтому определялся как низкий и трактуемый в категории «комического».

"У В. Нарежного, - пишет Ю. Лотман, - связанные с бытом герои принадлежат к отрицательному миру. Все их существование - цепь потасовок и нелепых происшествий. Другой ряд составляют положительные герои, которые изъяты из грубого бытового контекста" [5, 147].

В романтической поэтике духовный и бытовой уровень человеческой жизни диаметрально расходились, имели совершенно различные ценности и дефиниции и даже были открыто враждебны одна другой, что очевидно на примере творчества Н. Карамзина.

Понятие «культура» по своему внутреннему смыслу и содержанию не могло соотноситься с бытовыми категориями, порождая непримиримую антitezу реального и идеального. Когда же делались попытки проникновения одной сферы в другую, то бытовая сфера оказывалась "вовлеченной в область духовную" [11, 9], подчиняясь "высшим" законам философии и эстетики".

В этом смысле бытовая сторона человеческой жизни интересовала О. Сомова прежде всего с этнографической стороны.

В творчестве М. Погодина особенности взаимодействия культурной жизни человека и бытового начала принимают абсолютно специфический характер. Если читать письма героев «Сокольницкого сада», то можно явственно почувствовать их любовное отношение к быту как воплощению чего-то надежного и устойчивого. Нетрудно догадаться, что эту позицию разделял и сам писатель.

В повести М. Погодина, в отличие от его современников – романтиков В. Одоевского и Н. Полевого, не быт включен в культурную сферу, а культура рассматривается "как одно из слагаемых быта" [11, 9].

Культурный быт при этом занимает особое место в человеческой жизни, но при этом он не перестает быть именно бытом, и культурная атмосфера для погодинских героев возникает на тех же житейских и будничных основаниях, как и вся другая

М. Погодин использует и так называемое «вторичное», зеркальное отражение в структуре повествования, когда герои, как в случае «писем» Всеялода и Катеньки, сами не являются ни участниками, ни свидетелями воссоздаваемой ситуации, а предлагают их интерпретацию и собственную мотивировку, исходя из своего миросозерцания и нравственного опыта.

Всеялод упрекает друга в том, что он попал в любовные сети и не следует его примеру человека, посвятившего себя лишь ученым занятиям. Он «скорбит» о «любовной болезни» своего друга, но это не мешает ему вскоре сообщить, что он тоже познакомился с милой соседкой, и это новое общение приносит ему немалые радости. Далее следует вторичное превращение, уже в лице Всеялода, учёного скептика в пылкого любовника, который в финале повести сам окажется женатым.

М. Погодин утверждает мысль о том, что человек не может обходиться только разумом, а еще нуждается и в «жизни сердца», и только гармония между ними может открыть путь к личностному счастью. И, таким образом, для писателя нет дилеммы между чувственной сферой и миром интеллектуальных духовных запросов

Что касается так называемых «женских писем» в лице Катеньки и Луизы Винтер, то они наполнены женской проницательностью, полным отсутствием скептицизма, незлобивой и неедкой иронией и представляют собой попытку сделать верное умозаключение описываемых событий [11,59].

М. Виролайнен, анализируя "Сокольницкий сад" М. Погодина, пишет о том, что у М. Погодина "в одеждах психологии выступает сугубый рационализм", который "не дает нового объема", а "создает лишь видимость для углубления" [11, 11].

Однако нам кажется, что писатель все же стремился к достаточному анализу индивидуальной, психологической природы своих героев и прилагал много усилий в поисках выразительности стилистического рисунка избранной им эпистолярной формы.

За каждым из «писем» героев у М. Погодина вычертывался не только узнаваемый выпуклый характер героя, но и стоящие за ним условия жизни, общественная среда, особенности воспитания, образования и развития, придавая его художественным рассказам определенный духовный, культурный и социальный контекст

Письма героев не содержат неожиданных для читателя сюжетных поворотов, не оставляют весомых сомнений в характере и поведении героев, и в этом плане композицию погодинских повестей можно сравнить с "рассчитанной", заранее выверенной "шахматной ситуацией" [11, 11] но, очевидно, не это прежде всего интересует писателя.

М. Погодина интересует процесс раскрытия одной жизненной истории, художественного события или биографического факта во многих субъективных интерпретациях, что создавало в повествовании эффект достижения многозначности и гибкости художественного воплощения и реализовывало авторское желание рассмотреть жизненную ситуацию со всех возможных сторон.

Таким образом, эпистолярная форма занимала важное место в нарративе О. Сомова и М. Погодина, каждый раз отвечая четко поставленной авторской задаче и отражая авторскую позицию в воссоздании художественной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Поспелов Н. С. Несобственно-прямая речь и ее выражение в художественной прозе Гончарова 40-х годов // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. – М., 1957. – Т. IV. – С. 221-239.
2. Петрунина Н. Н. Проза А. С. Пушкина. – Л.: Наука. – 1987. – 574 с.
3. Гроссман Л. П. Цех пера / Статьи о литературе. – М.: Федерация, 1930. – 301 с.
4. Гинзбург Л. Я. О лирике. – Л.: Сов. писатель, 1974. – 407с.
5. Лотман Ю. М. Пути развития русской прозы 1800-1810 годов // Учен. зап. ТГУ / Труды по русской и славянской филологии. – 1961. – Вып. 104. – С. 3-58.
6. Сомов О. М. Были и небылицы. / Вступ. ст. Н. Н. Петруниной. – С. 3-20. - М. : Сов. Россия, 1984. – 368 с.
7. Роболи Т. Литература путешествий // Русская проза/ Сб. ст. под ред. Б. Эйхенбура и Ю. Тынянова. – Л. : Academia 1926. – С. 42-73.
8. Дмитриева Е. Е. Эпистолярный жанр в творчестве А. С. Пушкина: Дис... канд. филол. наук. – М., 1980. – 207 с.
9. Седова О. Н. Эпистолярный стиль в системе функциональных стилей русского языка // Филологические науки. – 1985. - № 6. – С. 57-63.
10. Канунова Ф. З. Некоторые особенности реализма Н. В. Гоголя (О соотношении реализических и романтических начал в эстетике писателя) – Томск: ТГУ, 1962. – 135 с.
11. Виролайнен М. Н Погодин М. Повести. / Вступ. ст.– С. 3-18- М.: Сов. Россия, 1984. – 430 с.

**SUBJECTIVE NARRATOR IN THE ROMANTIC LITERARY WORKS BY M.POGODIN AND
N.PAVLOV**

Lomova E.

associated professor

Kazakh National University named after Al-Farabi

Kadyrova G.

associated professor

Kazakh National Technical University named after Satbayev

СУБЪЕКТНЫЙ НARRATOR В РОМАНТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ М.ПОГОДИНА И Н.ПАВЛОВА

Ломова Е.

ассоциированный профессор

Казахский Национальный Университет имени Аль-Фараби

Кадырова Г.

ассоциированный профессор

Казахский национальный технический университет имени К.И. Сатпаева

Abstract

This article observes the problem of a subject narrator in the romantic novels by M.Pogodin and N.Pavlov.

The image of subjective narrator represented the inner world of a hero and his special life story and highlighted its circumstances, social environment and domestic features.

The author transferred to the hero the dominant position in the plot, and hero's perception and interpretation of reality put in cornerstone of the art narration. The storyteller described himself details of an art story and took a main part in art content being capable to destroy and create various collusions and relation between characters.

Аннотация

В предлагаемой статье анализируется образ субъектного нарратора в романтической прозе М.Погодина и Н.Павлова.

Фигура субъектного нарратора предопределяла исповедальный характер отдельной «геройной» истории, и писатели придавали своим рассказчикам свое исключительное авторское право на философское умозаключение о мире, на субъективное суждение, которое делало образ повествователя и его «голос» организующим центром художественного рассказа, способным разрушать и создавать различные сюжетные коллизии и ситуации.

Keywords: subject narrator, romantic novel, image of narrator, inner world, social environment, dominant position, plot, hero's perception, interpretation of reality, art narration, storyteller, collusion, character.

Ключевые слова: субъективный повествователь, романтический рассказ, образ субъективного повествователя, внутренний мир, социальная среда, доминантная позиция, сюжет, восприятие героя, интерпретация реальности, художественное повествование, рассказчик, заключение, характер.

В творчестве М. Погодина произведения с субъектной повествовательной формой не составляют большинства, хотя эта форма художественного описания и обладает у писателя определенной смысловой "наполненностью" и разнообразием приемов построения художественного рассказа, встречаясь как в сказовой, так и в эпистолярной разновидностях.

В повести М. Погодина «Нищий» делается заявка на социально определенный образ рассказчика со своим знанием о мире и своей психологией, в роли которого выступает крепостной крестьянин Егор.

Однако Погодин еще прочно стоит на карамзинских традициях, утвердившихся в русской литературе, согласно которым раскрытие характеров персонажей предусматривалось вне социальных конфликтов современности.

В погодинской повести утверждается фигура автора-повествователя, сентиментального и «доб-

рого барина», который сам упивается своими способностями к состраданию и участию в судьбе ближнего.

Частный конфликт одной отдельной судьбы героев рассматривается вне глубокого анализа ключевых и центральных противоречий своей эпохи, уходя в сферу глубоко интимных исповедующегося рассказчика.

Егор вспоминает о своей несчастной любви, о бегстве из крепостной неволи в "солдатчину", и его исповедь строится так, что совпадает в оценочном плане с позицией автора, различаясь лишь в плане фразеологии.

«Образ Егора, - подчеркивает Ф. З. Канунова, - лишен социальной убедительности прежде всего потому, что не показан в типических обстоятельствах (...). В повести не показана тяжелая участь закрепощенного народа. Напротив, герой (...) с восторгом рассказывает о своей зажиточной крестьянской жизни: «Хлеба у нас стояли всегда скирды непочатые, закрома полны, покосов, одежды вдо-

воль» (...). Человек у М. Погодина не отражает закономерностей жизни (...), он лишен емкости, силы социального обобщения» [1, 32].

Как и его современник Орест Сомов, М. Погодин пытается вычертить стилистический рисунок «голоса» героя из демократической среды, что дает ему возможность воссоздать психологический облик своего персонажа.

Писатель пытается достаточно очевидно определить социальную среду воспитания и взросления своего героя, обретая возможность утверждать наличие в нем "индивидуального языкового сознания" [2, 510], либо, как писал Б. Корман, "чем сильнее личность рассказчика обнаруживается в тексте, тем в большей степени он является не только субъектом речи, но и объектом ее" [2, 511].

Неслучайно, что на эту же особенность художнического дара писателя обращал внимание еще В.Г. Белинский, отмечая в статье "О русской повести и повестях Н. Гоголя", что "Ницкий" М. Погодина, "так естественно, верно и простодушно рассказывающий о своей любви и своих страданиях, может служить типом благородно чувствующего простолюдина" [3, 116].

Повесть М. Погодина "Ницкий" осталась единственным произведением писателя, где он обращается к сказовой повествовательной форме и к образу рассказчика из народной среды.

Остальные повести М. Погодина с субъектным способом описания, как правило, выдержаны в эпистолярном стиле, и рассказчик в них одного культурного и социального уровня с автором-повествователем.

Основное содержание повести "Адель" (1830) составляет дневник молодого человека Дмитрия, "друга" автора-повествователя, с "которым он вырос, воспитывался" и "рука об руку вышел на по-прище жизни". В своем дневнике Дмитрий описывает возвышенную любовь к прекрасной Адели, развитие их отношений, взаимное чувство, болезнь и смерть любимой.

Образы героев повести М. Погодина носят автобиографический характер. Так, прообразом Адели считается Александра Трубецкая, ученица писателя в семействе И.Д. Трубецкого, а прототипом Дмитрия - друг М. Погодина Дмитрий Веневитинов.

Дмитрий в "Адели" воплощает в себе жизненный идеал любомуздров, чьи взгляды в этот период исповедовал и сам писатель. Философия, история, поэзия - вот та среда, в которую он целиком погружен, и никакой обыденности нет места в его душе.

В характере Дмитрия, как подчеркивает М. Виролайнен, «воплощена та посмертная репутация Д. Веневитинова, которую создали ему друзья» [4, 13]. И в тоже время герой – alter ego автора, М. Погодина, ибо основу сюжета составляет жизненная ситуация самого писателя, история его отношений с некогда любимой женщиной - Сашенькой Трубецкой, о чем справедливо указывает своей работе Ю.Манн [5, 244].

Основой «Записок» главного героя являются глубоко интимные переживания, отражающие глубокое авторское погружение во внутренний мир героя.

М. Погодин - романтик подчеркивает неповторимую ценность внутреннего мира личности, подлинную жизнь человеческого духа, неисчерпаемость и творческий потенциал которого воссоздается для читателя художественно выпукло и документально.

Процесс самосознания и самооценки персонажа, запечатлённый в письменной форме, позволяют построить процесс автокоммуникации героя таким образом, что пережитые им жизненные впечатления становятся фактом их дальнейшего осмыслиения и критического анализа.

Самоанализ при этом играет глубоко важную роль, позволяя проникнуть в такие глубины человеческой природы персонажа, которые недоступны взгляду стороннего наблюдателя.

Внешний ракурс видения автора-повествователя является фоном для интроспективного плана дневниковой исповеди главного героя, и этот прием еще более углубляет сложившийся образ романтического героя, чьи оценки дополняются романтическим голосом другого повествователя, который в тех же тонах воссоздает "бледный, неподвижный взор" друга после смерти любимой.

Романтический герой, устремленный в «высшую» область духовных исканий и интеллектуальной устремлений, – фигура хорошо известная русскому читателю 20-30-х годов XIX века. Этот герой, оторванный от бытовой и «неизменной» суеты внешнего мира и ее проблем, воссоздавался в прозе и поэзии В. Жуковского и возник на поэтических страницах таких поэтов, как Е. Баратынский, Д. Веневитинов и в творчестве других их современников.

М. Погодин не изменяет сложившееся традиции, и в «Адели» есть все атрибуты романтической поэтики, где присутствует возвышенный и отстраненный от реальных проблем романтический герой, имеется противопоставление его личности и толпы и есть два любящих сердца, которые не могут соединиться с друг другом для блага их общего счастья.

Но при этом в повести отсутствуют все реалии предметно-вещественного мира. Бытовая основа совершенно не интересует автора, и будничные повседневные краски человеческой жизни противостоят в ней высшему миру интеллектуальных ценностей отдельной личности, для которой мирские заботы не представляют интереса и не является необходимыми.

Повествовательная манера М.Погодина позволяет заметить, что писатель М. Погодин старательно следует сложившейся традиции, воссоздавая художественный мир произведения, строго отвечающий принципам и требованиям романтической поэтики. В его повести "Адель" есть возвышенный романтический герой, есть противо-

поставление личности и толпы, есть две родственные души, которые не могут соединиться, но нет мира предметно-вещественного.

Повесть начисто лишена бытовых оснований, и обыденное, будничное в человеческой жизни противопоставлено в ней миру "высших" духовных ценностей личности.

В «Адели» чувствуется желание писателя отдать дань уже сложившейся повествовательной традиции, попробовать себя в том жанре, который реализовали и другие его современники, тем более, что тему для авторского поэтического рассказа дали реальные воспоминания его молодости и события, которым он был свидетелем. Это путешествие «по волнам своей памяти» определило психологическую точность и автобиографизм его повести «Адель».

Психологическая мотивация чувств персонажей, глубокая передача их переживаний и индивидуального жизненного опыта - эта черта, очень присущая М. Погодину-рассказчику, что особенно очевидно при сопоставлении «Адели» с более ранней повестью писателя «Сокольницкий сад» (1828).

Таким образом, в прозе М. Погодина образ рассказчика, его точка зрения неизменно мировоззренчески совпадает с идеологической установкой автора-повествователя и всячески "поддерживается" им в структуре смыслового контекста.

У современника М. Погодина, Н. Павлова эта форма субъектного нарратива встречается, в частности, в повести "Именины" (1832), которая строится на множественности образов рассказчиков, находящихся в различном соотношении с образом самого автора.

В этой повести Н. Павлова рассказчик точно воплощает собственное писательское восприятие и недвусмысленно обоснует перед читателем смысл и содержание предлагаемой человеческое истории, которую он выносит на суд читателя. Он сам твердо придерживается мнения, что "каждый человек достоин внимания", потому что кто бы он ни был, как бы ни провел свой век, мы встретим в его жизни или чувство, или слово, или происшествие, от которого поникнет голова, привыкшая к размышлению" [6, 337].

Н. Павлов очень хочет приобщить читателя к своим «открытиям» жизни, заразить их поэтической тайной и художественным пафосом своей воображаемой действительности. Но при этом читатель должен был научиться «переживать» все предлагаемые сюжеты и коллизии, должен был быть готовым глубоко сочувствовать персонажам автора и уметь соотнести их «историю» с собственным жизненным опытом.

Только этот процесс гарантировал заинтересованное читательское отношение к художественному тексту и побуждал его узнавать, чувствовать и расшифровывать сравнения и ассоциации, которые возникали смысловом художественном контексте.

В свою очередь, читатель учился "входить в художественный мир, распахнутый перед ним автором,

ром, чутко улавливать законы и принципы авторского высказывания" [7, 5]. В литературном речевом акте повествователь-романтик стремился не просто "навязывать читателю свой тезаурус" [8, 38], но и хотел передать ему свое миропонимание нравственных ценностей и мыслей о назначении человека, которые он считал принципиально важными для себя и очень хотел поделиться ими со своими современниками и читателями.

Этот повествователь представляет в "Именинах" второго рассказчика, своего приятеля, с которым его сближает лишь социальное положение (принадлежность к светской, аристократической среде) и длительное знакомство, ибо он представляет в повести уже иное "знание" о мире, имеет свой собственный опыт и свои отношения с окружающей действительностью.

В круг авторского внимания прежде всего входит точная передача смены душевных и психологических состояний героев в самые драматичные моменты их жизни, причем их изображение построено на контрастном принципе, который составляет композиционную завязку повести, приковывает внимание читателя к дальнейшему развитию сюжета и сохраняет их заинтересованность до финала.

В свою очередь, рассказчик предлагает повествователю рукопись, которая становится своеобразным "ответом" и неким объяснением "загадки" его образа.

Предложенная рукопись основана на устном спонтанном рассказе, который рассчитывает на участие в нем внимательного и сочувственно настроенного читателя. В этом случае автор использует прием включения в повествовательный контекст личных имен и географических названий, значение которых якобы заранее должен знать заинтересованный читатель, что делало последнего как бы прямым участником происходящих событий и «включало» его в сюжетные коллизии.

Эти "индивидуально-предметные знаки" [9, 203], значение которых, как и создание попутных им ассоциаций, в повести не раскрывается, делают повествование обращенным к восприятию "своего человека", способствуя сокращению расстояния между повествователем и читателем и уничтожая "барьеры" на пути их сближения. «Кто проезжал Казань, тот, верно, знает Степана Никитича и, верно, останавливался у него и слыхал, как он хватает свое мадерою» [6, 340].

Бывший музыкант рассказывает о муках крепостной неволи, о невозможности "счастья и равенства", пусть самого талантливого, но крепостного художника среди людей "свободных", благодаря чему психологический фон повествования сразу же приобретает острую социальную направленность.

Для Н. Павлова личность связана прежде всего с общественным контекстом, и ее характер определяется спецификой исторической эпохи и порядком исторического времени, без которых невозможно верно дать портрет своего героя.

Динамизм внутренних состояний героев, «поток» их сознания эстетически значим для писателя и позволяет вести рассказ о прошлом с позиции

настоящего времени. При этом читатель анализирует предлагаемую «историю», находясь в настоящем времени, которое имеет открытую и разомкнутую структуру, в то время как прошлое воспринимается как нечто законченное и замкнутое в себе.

Прошлое анализируется с позиции сегодняшнего дня, и реконструкция его картин особым образом грамматически оформляется в повести с помощью вариаций форм глаголов совершенного и несовершенного вида прошедшего времени. Если формы глаголов несовершенного вида останавливают время, то формы совершенного времени выделяют события и ситуации, особенно значимые для рассказчика, выполняя не только "воспроизведяющую", но и "изобразительно-живописующую", "описательную" функцию [9, 442].

Благодаря этому повествование становится философским, психологически и социально обусловленным, потому что в нем пересекаются плоскости нескольких мировоззрений героев и позиций. Создается художественный эффект пересечения множественных человеческих «историй» и судеб, обусловленных различными социальными условиями и потому предлагающих свое собственное восприятие и отношение к окружающей действительности и определяющих свой собственный гражданский, ценностный и идеологический статус.

Таким образом, субъектная повествовательная форма в романтической прозе Н.Павлова и М.Погодина являлась для них значимым способом активного диалога со своим воображаемым читателем, создавая многоцветную и объемную картину художественной действительности. В этой повествовательной форме в центре стоял исповедальный характер отдельной истории героев, и автор передавал рассказчику свое исключительное авторское

право на философское умозаключение о мире, на субъективное моральное суждение, которое делало его образ и его «голос» организующим центром художественного повествования, способным разрушать и создавать различные сюжетные коллизии и ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Канунова Ф.З. Некоторые особенности реализма Н. В. Гоголя (О соотношении реалистических и романтических начал в эстетике писателя) – Томск: ТГУ, 1962. – 135 с.
2. Корман Б. О. Автор литературного произведения и читатель // Целостность художественного произведения и проблемы его анализа в школе и вузе при изучении литературы / Тезисы докладов республиканской научной конференции. – Донецк:Изд-во Донецкого ун-та, 1977. – С. 9-11.
3. Манн Ю. В. Диалектика художественного образа. – М.: Сов.писатель, 1987. – 317 с.
4. Виролайнен М. Н Погодин М. Повести. / Вступ.ст.– С.3-18- М.: Сов.Россия, 1984. – 430 с.
5. Манн Ю. В. Поэтика Н. В. Гоголя – М.: Художлит., 1978. – 398 с.
6. Русская романтическая повесть / Сост., общ.ред., вступ.ст. и comment. В. А. Грихина - М.: МГУ, 1983. – 473 с.
7. Кривонос В. Ш. Проблема читателя в творчестве Н. В. Гоголя. – Воронеж, 1971. – 150 с.
8. Петрунина Н. Н. Проза А. С. Пушкина. – Л.: Наука. – 1987. – 574 с.
9. Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. – М.: Наука, 1976. – 511 с.

PSYCHOLOGICAL STRUCTURE OF THE ART LITERARY WORKS OF N.PAVLOV POINT OF VIEW READER'S PERCEPTION

Lomova E.

associated professor

Kazakh National University named after Al-Farabi

Kadyrova G.

associated professor

Kazakh National Technical University named after Satbayev

СТРУКТУРНАЯ ОСНОВА ПСИХОЛОГИЗМА ПРОЗЫ Н.ПАВЛОВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

Ломова Е.

ассоциированный профессор

Казахский Национальный Университет имени Аль-Фараби

Кадырова Г.

ассоциированный профессор

Казахский национальный технический университет имени К.И. Сатпаева

Abstract

This article observes the problem of psychologies of romantic novels and it's structural basic. The romantic works of N.Pavlov represented the aspiration to deeply explore the inner world of human being. Owing to this approach the writer didn't distribute to reflection of any external collisions and traits of plot. The projection on author's and readers life experience of moral attitude of the character became the main stylistic and narrative means of reconstruction of artistic images.

The called trend defined peculiarities of the internal structure of an art context involved complicate synthesis of an author's position and the mutually crossed points of view of heroes.

The research of a tradition "voices" of characters connected with framing authors context in N.Pavlov's creativity high lightens the main proponent regularities of transformation of the general narrative structure of a genre of the romantic story endured a turned point of the development during this period.

Аннотация

В данной статье анализируется проблема психологизма романтической прозы Н.Павлова и ее структурная основа.

Романтическая проза Н.Павлова обнаруживает стремление глубоко исследовать душевной мир человеческой личности. В силу этого основным стилистическим средством воссоздания художественных образов в прозе писателя стало не отражение каких-либо внешних сюжетных коллизий, а проецирование на авторский и читательский жизненный опыт нравственного мироощущения персонажа.

Эта тенденция определяла внутреннюю структуру художественного контекста, который являл собой пример сложного композиционного синтеза модификаций авторской позиции и взаимопересекающихся точек зрения героев.

Исследование соотношения «голосов» персонажей с обрамляющим авторским контекстом в творчестве Н.Павлова открывает основные доминантные закономерности трансформации общей повествовательной структуры жанра романтической повести, который переживал в этот период переломный момент своего развития.

Keywords: problem of psychology, structural basic, aspiration, inner world, reflection, collisions, traits of plot, experience, moral attitude, stylistic means, artistic image, internal structure, art context, author's position, genre of the romantic story.

Ключевые слова: проблема психологии, структурная основа, мотивация, внутренний мир, отражение, коллизии, повороты сюжета, нравственное отношение, стилистические средства, художественный образ, художественный контекст, жанр романтического рассказа.

Анализируя художественную манеру Н. Павлова, который принадлежал к наиболее талантливым представителям так называемый «массовый» романтический прозы I трети XIX столетия, следует отметить, что, даже если автор избирает способ так называемого «внешнего» описания и выступает на положении рассказчика, издали наблюдающего за своими героями, он насыщает свой текст авторскими субъективными замечаниями и размышлениями.

Пытаясь отдалится от своих персонажей, он употребляет слова типа «казалось», «наверное», «по ее лицу было видно», лишний раз напоминая читателю о том, что его пространственно-временной ракурс видения весьма ограничен и приравнивается к положению героев его рассказов. Но причем это не обедняет его рассказ, который полон переходами от изображения конкретных обстоятельств жизни героев к обобщенным раздумьям автора отвлеченного характера, придававшим его «слову» философско-элегическую тональность.

« - Что вы, графиня? (...) успокойтесь! – говорил остолбенелый доктор (...), а между тем правая рука его (...), послушная давней привычке, старалась освободиться, чтобы, по всему вероятию, освидетельствовать пульс расстроенной женщины (...). Всякий торопится объяснить по-своему, от чего люди плачут и смеются: у всякого есть своя особенная, любимая и единственная причина, которой приписывает он все разнообразные явления на человеческом лице: один – деньгам, другой – душе, третий – пульсу» [1, 113].

Н. Павлов в значительной степени, чем его современники – романтики О.Сомов, В.Одоевский и М.Погодин обнаружил стремление глубоко исследо-

давать душевный мир человеческой личности и погрузиться в самые сокровенные сферы ее чувств и эмоций. В силу этого основным стилистическим средством воссоздания художественного образа в прозе писателя стало не отражение каких-либо внешних коллизий и поворотов «геройной» судьбы, а напротив, - исследование глубин ее сознания и проецирование на авторский, а следовательно - и на читательский опыт нравственного мироощущения персонажа.

Стилистически и структурно это оформлялось в повествовании в формах «внутренней» «геройной» речи, которая позволяла услышать чистый и правдивый «голос» геройного «я» и помогала действующим лицам в значительной степени познать самих себя.

Однако соотношение авторского и «геройного» контекстов в павловских повестях далеко не однозначно.

Повесть Павлова «Аукцион» (1833) является собой пример сложного композиционного синтеза модификаций авторской позиции и взаимопересекающихся точек зрения героев, границы между которыми остаются все время подвижными, зыбкими и какой-то момент даже сходятся в одной точке. В этом случае повествование все время переходит от субъектного нарратива авторского рассказа в план так называемого «внутреннего» повествования, в котором анализ психологии героев достигает определенной глубины.

«Резвое дитя, - рассуждал Т., смотря в камин, - она выбрала меня игрушкой, поиграла и бросила; теперь мне хочется поиграть, я не умру с отчаяния! (...) Разве я приставал к ней: любите меня! (...) Разве я вздыхал, разве я тешил ее приторной сладостью похвал и удивления? О, как я любил ее!» Т.

Опять начинал беспокойно ходить по комнате, изобретая средства, как удовлетворить оскорбленную любовь, чем успокоить бунтующее самолюбие... но трудно мстить женщине. Она защищена или слабостью, или ветреностью: то не почтует, это внушит участие» [2, 358-359].

Но Павлову не удается отделить внутренний, психологический ракурс видения романтического повествователя от внешнего и оценочного. Он превращает автора из объективного рассказчика в некого лирического героя, который стремится не только доверительно и искренно делиться с читателями своими наблюдениями над человеческой природой, но непосредственно занимает свое место среди своих персонажей.

В этом случае пространственно-временные координаты художественного мира повести оказываются у писателя четко определенными, обуславливая постоянные взаимопереходы рассказчика с позиции внешнего наблюдателя на позицию полноправного участника действия.

Так, глазами рассказчика мы видим прекрасный облик княжны; ее наряд, «прекрасные глаза», «темные волосы», «готические браслеты». «Княжна была хороша, очень хороша! (...) я отвернулся от нее: я повержен бессонницам», - заключает повествователь [1, 57].

Дальнейшее развитие подобная повествовательная структура получает и в повести Павлова «Ятаган» (1833). Следует отметить, что структура грамматических форм и стилистические приемы воссоздания «внутренней», «геройной» речи в павловских повестях, а также особенности соотношения «голосов» персонажей с обрамляющим авторским контекстом представляют собой довольно интересный предмет отдельного литературоведческого исследования.

Анализ этих форм и характер их взаимодействия в ткани художественного рассказа открывает основные и доминантные закономерности трансформации общей повествовательной структуры жанра романтической повести как такового, который переживал в этот период очень важный переломный и критический момент своего развития.

При исследовании ткани художественной повести «Ятаган» обнаруживается, что «внутренняя», «геройная» речь имеет явную тенденцию тесно стыковываться с речью произнесенной, как бы расшифровывать ее и выявлять те психологические доминанты и мотивы, которые двигали героем в момент ее произнесения. При этом романтический рассказчик не только «раздвигает» смысловые рамки речи персонажа, но и только дополняет ее новыми оттенками смыслов, вкладывает во внутреннее, невысказанное геройное слово те психологические доминанты, которые двигали персонажем в момент ее высказывания и дополняют ее истинный смысл.

« - Ни шагу никуда отсюда! – кричал он (полковник – Е. Л.) – Ужо его на ученье, завтра ко мне в вестовые».

Но в этих звуках было что-то дикое, таинственное, как будто они относились к какому-то призраку, как будто полковник искал подле офицеров кого-то другого (...) и другой говорил ему: «Я стану между тобою и ею (...), сквозь меня ты не увишишь ни нежной руки, ни ясного неба, ни яркой улыбки (...)» [3, 393]

Чтобы воссоздать всю палитру «внутреннего», «геройного» слова, Н. Павлов гораздо шире и многообразнее чем В. Одоевский, О. Сомов и М. Погодин прибегает формам несобственно-прямой речи, функции которой довольно усложняются, потому что она включает в себя одновременно функции описания и повествования, что определяет в смысловом контексте повести подвижность и скольжение авторской позиции, имеющей в своей основе сложный синтез двух контекстов с разными адресатами.

Один адресат - это сам говорящий (автор или персонаж), а второй адресат - это тот, о котором он говорит, причем объект речи персонажа предстает перед читателем во всем многообразии своих индивидуальных личностных качеств, и образ мышления в данном случае проявляет «характер» в самом субъективном его проявлении – в форме диалога или монолога самим собой.

«Только теперь она (княжна – Е.Л.) вспомнила, что они расстались, как расстаются в свете (...). Кого увидит она? Думал ли он (корнет Бронин – Е.Л.) беспрестанно о ней (...) Теперь дайте ей всю важность (...), всю глубину любви, заплатите за слезы, за память, за полковника, за эту беспредельность женской фантазии, которая рисует несчастье в чудных формах (...) и переносит солдата в несбыточный мир равенства; заплатите за эту способность привязываться к несчастью, которая (...) оторвет женщину от великолепной жизни (...), от родных и поведет за вами в Сибирь, на край света, (...) способность, которая лучше женских стихов, женской прозы, лучше пера герцогини Абрантес, Дельфины Ге и причудливой мисс Тролопп!» [2, 384]

Авторский план проявляет свою активность в «Ятагане» при использовании форм несобственно-прямой речи и на другом уровне, когда в авторском «голосе» становится значимой не столько оценочно-идеологическая сторона «геройного» слова, сколько степень допустимости «всезнания» рассказчика о своем персонаже.

Этому герою в силу определенных причин не хватает интуиции и проницательности, чтобы проанализировать и передать предлагаемый читателю сюжетный поворот или коллизию, а рассказчику тем не менее важно, чтобы читатель увидел изображаемую сцену другими, более зоркими и внимательными глазами и смог понять, почувствовать и разглядеть то, что данный герой был бы не способен передать.

«Но солдат стоял спокойно. (...) Может быть, ощущение его, когда он переступил порог, не должно сравнивать ни с чем, оставить особо, на той высоте, куда оно занесено враждебный гордостью человека: это не отчаяние, не ревность; это что-то

неприятнее нищеты и язвительнее ревности; это какая-то пронзительная нота, которая не гармонирует ни с одним страданием. Полковник не смущился, не заметил опасного, заманчивого соединения этого взгляда с этим мундирем... он увидел нервный шаг, вытяжку и пугающее воспоминание исчезло! Судьба закинула корнета далеко под княжны, солдат не может быть соперником, - и рассудок взял верх над мелочным чувством» [2, 382].

У Н. Павлова романтический повествователь утверждает свои доминирующий права в поэтическом мире произведения, оставляя за собой способность убыстрять, замедлять или даже останавливать на себе его пространственно-предметные координаты.

Авторский контекст, используя формы несобственно-прямой речи, приобретает две ярко выраженные функции. Они заключаются в том, что обнаруживается тенденциозность личностно-авторского ракурса на определенный предмет, явление или действительность и в том, что автор выбирает также свой собственный ракурс в освещении внутренних, эмоциональных состояний персонажа и описываемых событий.

Подходя к анализу диалогической формы в повести Н. Павлова «Ятаган», следует сказать, что этот стилистический прием организации повествования встречается у писателя значительно реже, чем у В. Одоевского, М. Погодина и О. Сомова.

В связи с этим В. Вильчинский, исследуя особенности павловских повестей, отмечает, что писатель к «диалогу почти не прибегает, характеры его персонажей раскрываются или в рассказе автора, или какого-либо третьего действующего лица» [4, 34]. Но на этом основании вряд ли стоит делать вывод о том, что Н. Павлов слабо владел диалогической формой.

Пристальное внимание к внутреннему миру человека, тенденция к психологизму авторского рассказа уводили Павлова от частого использования диалогического повествования в сторону выбора субъектного нарратива, который структурно реализовался в грамматических формах прямой и несобственно-прямой речи.

Тем не менее, общая для романтической литературы тенденция к диалогизации авторского рассказа не могла обойти Н. Павлова стороной, и потому движение к драматизации художественного сюжета ощущимо и в повестях Н. Павлова, который стремился к естественности «звучания» голосов своих героев.

В качестве примера можно привести диалогическую сцену объяснения княжны с ее отцом в повести Н. Павлова «Ятаган». Это сцена строится на семантическом равновесии голосов персонажей и ремарок рассказчика, которые многостороннее поясняют для читателя речевое поведение и положение персонажей. Автор передает растерянность и желание княжны одновременно рассказать отцу меньше, чем она знает и не соглашаться ему, и это сквозит во всех ее репликах.

Речь княжны прерывиста, в ней присутствуют слова «не помню» и «кажется», она насыщена паузами умолчания, и одновременно очевидно ее

стремление казаться равнодушной к случившемуся неприятному происшествию. Отсюда объясняется и отстраненное «сын Натальи Николаевны», и томный тон ее ответов в адрес молодого корнета, к которому она испытывает самые нежные чувства.

«- Да что такое у вас сделалось? – спросил князь с видом неудовольствия (...)

- Я и сама не знаю, - томно отвечала княжна, лошадь у адъютанта испугалась, он упал ...

- Ну, да, упал, это уж я слышал! – прервал князь, складывая руки на спине и начиная сердито ходить по комнате.

- И упал, довольно смешно, папенька; сын Натальи Николаевны улыбнулся, не помню, что-то сказал мне. Я смотрела на адъютанта... кажется, вскакивая на лошадь, он видел, как тот засмеялся [1, 31].

Следует отметить, что художественный диалог у Н. Павлова тесно связан с сиюминутной, спонтанной разговорной речью, но эта связь у него всегда эстетически обусловлена и имеет функции художественного приема.

Так называемая «геройная» речь имеет у писателя свои особые характерные приметы, включающие в себя отбранный лексический состав и многообразие экспрессивно-оценочной аффиксации. Реплики персонажей имеют напряженный интонационный рисунок и характеризуются незавершенностью, и это понимается как следствие молчания или разрыва речевого потока, который насыщен эмоциональными частицами и междометиями.

Все эти особенности диалогической динамики «геройной» речи способствуют воссозданию живой и многоцветной картины изображаемой сцены и убеждают читателя в достоверности и жизненности изображаемых коллизий.

Таким образом, Н. Павлов обнаруживал в своей художественной прозе горячее стремление глубоко исследовать душевный мир человеческой личности и тем самым приглашал читателя погрузиться в самые сокровенные сферы ее чувств и эмоций.

В силу этого основным стилистическим средством для писателя стала не погоня за усложнением сюжетных поворотов, а внимательное исследование глубин сознания своих персонажей и проецирование их нравственного мироощущения на предполагаемый читательский опыт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Павлов Н. Ф. Избранное / Сост., вступ.ст. И коммент. Н. Трифонова / М.: Худож.лит., 1988. – 367 с.
2. Поспелов Н. С. Несобственно-прямая речь и ее выражение в художественной прозе Гончарова 40-х годов // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. – М., 1957. – Т.1У. – С. 221-239
3. Русская романтическая повесть / Сост., общ.ред., вступ.ст. и коммент. В. А. Грихина / - М.: МГУ, 1983. – 473 с.
4. Вильчинский В. П. Николай Филиппович Павлов (Жизнь и творчество) – Л., 1970. – 182 с.

INTERPRETATION OF THE ARTIST'S IMAGE IN THE WORLD LITERATURE OF THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY

Savchenko Z.

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Sumy State Pedagogical University named after A.S. Makarenko,
Ukraine*

РЕЦЕПЦІЯ ОБРАЗУ МИТЦЯ У СВІТОВІЙ ЛІТЕРАТУРІ ПЕРШОЇ ПОЛОВИНИ ХХ СТОЛІТТЯ

Савченко З.

*Кандидат філологічних наук, доцент
Сумського державного педагогічного університету імені А.С. Макаренка, Україна*

Abstract

Individual invariants of the artistic interpretation of the image of the artist in the world literature of the first half of the 20th century are discussed in the article. Ideological and thematic analysis of works «Jean-Christophe» by R. Rolland, «Death in Venice» by T. Mann, «Intermezzo» and «Apple blossom» by Kotsiubinsky, «The City» by Valerian Pidmohylny allows the researcher to clearly identify the general author's position on the role of art in the formation of the spiritual priorities of the epoch.

Анотація

У статті розглянуто окремі інваріанти художньої інтерпретації образу митця у світовій літературі першої половини ХХ століття. Ідейно-тематичний аналіз творів Р. Роллана «Жан-Крістоф», Т. Манна «Смерть у Венеції», М. Коцюбинського «Intermezzo» та «Цвіт яблуні», В. Підмогильного «Місто» дозволяє дослідниці чітко виокремити спільну авторську позицію щодо ролі мистецтва у формуванні духовних пріоритетів доби.

Keywords: artist, oeuvre, value priorities, spirituality.

Ключові слова: митець, творчість, ціннісні пріоритети, духовність.

У межах сучасного літературознавства перша половина ХХ століття декларується як доба суттєвої трансформації культурно-історичних понять, морально-етичних і соціологічних категорій. Переважна більшість з них помітно змінили свою смислову наповненість, продемонстрували відносність у світі з нестійкими цінностями. Така ситуація у свою чергу вплинула на якісний показник проблемно-тематичного діапазону репрезентативних художніх творів: кар'єра, сім'я, міжособистісні стосунки, життєві пріоритети, взаємодія людини та соціуму тощо ніби й залишилися провідними темами більшості з них, однак погляд на сутність цих категорій ускладнився, став максимально відвертим і психологочно досконалішим.

Характеризуючи основні тенденції розвитку літературного процесу означеного періоду, численні науковці відзначають зосередженість переважної більшості митців на найбільш гострих проблемах часу. У багатьох творах на перший план виходять антивоєнна тематика, застереження від руйнівних наслідків тоталітарної політики, проблема нестабільності існуючих соціальних підвальнин та, що головне, втрати людською спільнотою пріоритетних зasad духовності. У контексті останньої проблеми своє художнє вираження знайшли й роздуми щодо ролі мистецтва у формуванні культурних показників часу. Цей фактор у підсумку зумовив основний напрямок нашого дослідження, метою якого став ґрунтовний аналіз окремих інваріантів літературної рецепції образу митця у світовій прозі першої половини ХХ століття.

До інтерпретації теми мистецтва звертались представники різних країн, зокрема Ромен Роллан (Франція), Томас Манн (Німеччина), Ернест Хемінгейв (США), Михайло Коцюбинський та Валер'ян Підмогильний (Україна). Висловлюючи своє бачення образу митця, кожен із прозаїків спирається на власний життєвий досвід, однак при цьому їхні твори підпорядковувалися конкретним завданням, що й обумовлювало кінцевий результат. У підсумку ми можемо простежити дві тенденції у вирішенні окресленого питання, а саме соціальну (взаємнини митця із суспільством) та психологічну (специфіка світосприйняття творчої особистості).

Так, в епопеї Р. Роллана «Жан-Крістоф» досконало відтворюється процес становлення людини, наділеної талантом. Автор наголошує на винятковості героя, демонструючи оригінальність його світобачення та невпинне прагнення до самовдосконалення. Жан-Крістоф не уявляє себе поза музикою, його потяг до прекрасного не можуть убити ні складні життєві обставини, ні тяжка щоденна праця, ні відсутність порозуміння з оточуючими. Народжений у світі звуків, герой інтуїтивно продовжує шукати гармонію через взаємодію з природою, у спілкуванні зі щирими людьми, а іноді й просто занурюючись у власні мрії та фантазії. Змальовуючи життєвий шлях обдарованої особистості, Р. Роллан відкриває перед читачем чимало таємниць творчого визрівання. Зокрема, Жан-Крістоф поступово усвідомлює, що музика повинна жити в людині так само, як і в природі, що мистецтво має бути рівним самому життю, що справжній талант народжується

зі страждань, і чим боліснішим виявляється процес творення, тим приємніше відчувати легкість після появи нового шедевру. Однак обдарований музикант змушений існувати в реальному світі з його численними протиріччями, а отже має постійно чинити опір тим, для кого мистецтво – лише розвага, та шукати спільніків серед людей, здатних належно оцінити красу його музики. Минуть довгі роки наполегливої праці, болісних розчарувань, але водночас накопичення сил і набуття досвіду, перш ніж Жан-Крістоф напише свій найгеніальніший твір. Та головний критерій справжнього мистецтва герой епопеї визначить ще в юності – ним стане правдивість. Показово, що шедевр Жана-Крістофа з'явиться на схилі його літ. Лише проживши життя, герой зміг поєднати в собі експресивні терзання юності, наполегливі пошуки зрілості, глибоку мудрість старості, аби в останньому пориві віддати себе до останку мистецтву.

На противагу Р. Ролланові, який розглядав процес формування творчої особистості в поєданні з соціальними аспектами епопеї, М. Коцюбинський звернувся до відтворення виключно психології митця. Використовуючи імпресіоністичну техніку письма, прозаїк майстерно фіксує враження талановитої людини, акцентуючи своєрідність її світобачення. Перед героями його новел світ постає в гармонійній єдності звуків, кольорів, просторово-часових координат, він сприймається, як живий організм, здатний впливати на емоційну сферу. Лише природа може повернути митцеві внутрішню рівновагу – таким є ідейний стрижень новели «Intermezzo». Лише мистецтво здатне відродити людину до життя – ця думка стає домінантою новели «Цвіт яблуні».

В останньому оповіданні авторська увага концентрується навколо внутрішньої боротьби художника, змушеного спостерігати смерть власної дитини. Не применшуючи страждань убитого горем батька, М. Коцюбинський усе ж зазначає, що творче начало, дароване Богом, не полишає людину навіть у хвилини найтяжчих випробувань – саме тому герой-митець позасвідомо фіксує найменші деталі трагедії, які в майбутньому можуть стати матеріалом для геніального твору. З огляду на цей факт вважаємо доречним твердження, що письменник, з одного боку, усвідомлює невблаганну жорстокість творчості, яка проявляється через непідвладність мистецької пристрасті проявам волі й розуму, а з іншого – розуміє її життєдайну силу. У підсумку саме творче начало допомагає герою новели «Цвіт яблуні» перемогти розpac та дійти висновку, що кінець – це завжди початок чогось нового. Вважаємо, що в такий спосіб М. Коцюбинський висловив переконання, що мистецький хист як особливий дар здатний подолати не лише сіру буденність, а й віковічне зло.

Якщо Р. Роллан та М. Коцюбинський інтерпретували тему мистецтва, апелюючи до образів майстрів, відданих своїй справі, то Т. Манн та Е. Хемінгуй пішли від зворотного – звернувшись до осмислення причин нівелляції таланту. Антиподом Жана-Крістофа можемо назвати головного героя новели

Т. Манна «Смерть у Венеції». Густав Ашенбах до кладав неабияких зусиль, щоб досягти й закріпити за собою офіційну славу майстра художнього слова. Задля цього він знехтував особистим щастям, почуттями, повсякчас гамував свої пристрасті. Керуючись холодним професіоналізмом, митець прагнув абстрактної довершеності, позбавленої житвої пульсації життя. Творча праця для Ашенбаха давно перетворилася на марудну механічну діяльність, що не приносить задоволення. Такий підхід до тайнства творення, за переконанням автора новели, з самого початку приречений на поразку, адже мистецтво без натхнення – мертвє. Навіть пошук альтернативних способів самореалізації не допоміг Ашенбахові, бо його естетичні критерії, уособлені в образі хлопчика Тадзьо, виявились хибними, адже за прекрасною формою крився споторваний зміст. Не зрозумівши цього, герой здійснив фатальну помилку – капітулював перед ілюзією краси, відмовившись від мистецтва, що відображає неповторність реального світу. Ашенбах обрав шлях захопленого споглядання, а отже помер як творець. Він піддався спокусливим чарам носія чуттєвої краси, плекаючи свій egoїзм, – і в підсумку деградував як особистість. Тому фізична смерть митця у творі Т. Манна сприймається як логічне завершення вмирання професійного. На нашу думку, в такий оригінальний спосіб стурбований окремими тенденціями розвитку європейського мистецтва Т. Манн намагався застерегти людство від надмірного захоплення фальшивими ідеалами, що витісняли собою істинну духовність.

Проблема занепаду творчої особистості домінує і в оповіданні Е. Хемінгуея «Сніги Кіліманджаро». У ньому теж показане повільне фізичне вмирання письменника, але акценти зміщаються в бік глибокого самоаналізу персонажа. Крок за кроком згадуючи свій життєвий шлях, Гаррі приходить до усвідомлення власної творчої неспроможності. У минулому залишилися мрії, надії, нестримне бажання писати про те, що гостро відчував і чим широ захоплювався. Герой проміняв високі ідеали юності на розкіш, неробство й богемність, перетворившись на заручника своєї слабодухості. Гаррі не вистачило сил відмовитись від пустого світського життя в ім'я справжньої творчості, тому на свою сяючу «вершину Кіліманджаро» він зміг піднятися лише в передсмертних мареннях.

Стосовно рецепції образу митця в романі В. Підмогильного «Місто», вона, на наш погляд, поєднала окремі елементи естетичної концепції кожного з попередніх письменників. У творі присутні і проблема становлення творчої особистості, і мотив її часткової деградації, деякі аспекти життя героя пояснюються посередництвом соціальної проблематики, до того ж В. Підмогильний виступає тонким психологом, здатним оцінити неординарність світобачення митця, хоча, звичайно, про існування якихось безпосередніх впливів ми говорити не можемо.

На тематичному рівні роман українського прозаїка підіймає сuto національну проблему змички

села і міста, але автор вирішує її з допомогою доволі неординарного героя. На початковому етапі освоєння нового середовища селянин Степан Радченко обирає шлях звичайного студента, однак маючи певний досвід, змінює попередні наміри, присвятивши себе літературній діяльності. Відтворюючи процес творчої еволюції не позбавленого таланту юнака, В. Підмогильний тісно пов'язує її з особистим життям героя: залишаючись до Надійки, він захоплюється літературою і пише своє перше оповідання; стосунки з Мусінькою забезпечують хлопцеві можливість створити з півдесятка оповідань на повстанські теми; знайомство із Зоською супроводжується переосмисленням попередньої творчості, зародженням нових художніх задумів; флірт із Ритою повертає Радченка до життя й надихає на роботу над омріяною «повістю про людей». Так поступово творчий порив повністю опановує Степана, стаючи головною метою його існування. При цьому письменник підкреслює, що герой перебуває у так званій межовій ситуації: він хоче плідно працювати, але не здатний віднайти баланс між внутрішнім світом і зовнішніми спокусами реальній дійсності. Радченко шукає себе, прагне самоідентифікуватись як митець, хоча й поновлює своє естетичне існування шляхом сублімації, поєднуючи конфліктні іпостасі людини – дух і тіло. Що-правда, за авторською концепцією, ті ситуації, в яких опиняється юнак, допомогли йому відкрити справжнє існування, а отже і глибинну суть літературної творчості. Через гіркий особистий досвід герой роману дійшов висновку: писати потрібно про тих, хто страждає і прагне, нидіє й бує, плаває й підноситься до вершин, тобто про людей, чие життя є водночас звичайним і неповторним.

MORPHOSYNTAXIC REPRESENTATION OF MODULAR-DICTUM (HYPOTAXIC) RELATIONSHIPS BETWEEN PERSONAL PARADIGMS

Tarieva L.
*doctor of Philological science
 Ingush State University
 senior lecturer of the Russian language Cheering Magas*

МОРФОСИНТАКСИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МОДУСНО-ДИКТУМНЫХ (ГИПОТАКСИЧЕСКИХ) ВЗАЙМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЛИЦАМИ ПАРАДИГМЫ

Тариева Л.У.
*Д. филолог. н.,
 Ингушский госуниверситет (ИнгГУ),
 г. Магас, Российская Федерация*

Abstract

Heterogeneous faces of the ergative language paradigm at the grammatical level are ambiguously represented in the composition of the utterance. Usually, the interaction of affective individuals with speech paradigms is reflected in the hypothaxis. The modus part is prepositive. The subject of the modus is expressed by the affective case of the name, the propositive part by the speech component of the paradigm. Parts of the hypothaxis can transpose into objectified convolutions, undergoing varying degrees of idiomatization.

Аннотация

Гетерогенные лица парадигмы эргативных языков на грамматическом уровне неоднозначно представлены в составе высказывания. Обычно взаимодействие аффективных лиц парадигмы с речевыми отражается в гипотаксисе. Модусная часть препозитивна. Субъект модуса выражается аффективным падежом

Свого часу відомий український філософ Г. Сковорода наголошував на необхідності пізнавати самого себе, прозрівати заховану в тілі своєму вічність. Вважаємо, що для кожного письменника таким засобом самопізнання якраз і стає творчість. А отже будь-який художній твір можемо розглядати як утілення душі автора, його власних моральних цінностей, особливостей його світосприйняття. Підтвердження цій тезі знаходимо в проаналізованих творах представників різних національних літератур першої половини ХХ століття. Кожен у свій спосіб, Р. Роллан, Т. Манн, Е. Хемінгей, М. Коцюбинський та В. Підмогильний висловили глибоке переконання в тому, що лише високодуховна особистість, наділена творчою енергією та керована щирим бажанням з допомогою дарованого Богом таланту змінити світ на краще, має право називатися справжнім митцем та здатна залишити помітний слід у культурному поступі людства.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Котик, І. Іrrаціональне/раціональне в характерах героїв В. Підмогильного. *Слово і час.* 2003. № 5 (2003). С. 64-70.
2. Кузнецов, Ю. Імпресіонізм в українській прозі кінця XIX – початку ХХ ст. Київ : Дніпро, 1995. 274 с.
3. Поліщук, Я. «Пейзаж людини» від Михайла Коцюбинського. *Дивослово.* 2004. №10. С. 44-46.
4. Стамат, Т. Чи може «героїзм кволих» народити здорове мистецтво? (За новелою Т. Манна «Смерть у Венеції»). *Зарубіжна література.* 2002. №36. С. 5.

имени, пропозитивная часть речевым компонентом парадигмы. Части гипотаксиса могут быть представлены и опредмеченными свертками, подвергаясь различной степени идиоматизации.

Keywords: affective, speech, subject of the mode, faces of the paradigm, deep, superficial, dictum.

Ключевые слова: аффективный, речевой, субъект модуса, лица парадигмы, глубинный, поверхностный, диктумный.

Эргативным языкам свойственна парадигма лица, эгоцентрические компоненты которой (речевые и аффективные) вступают во взаимоотношения между собой [12, с. 315]. Аффективные лица (Созерцающее и Слышащее) как интравертные эгоцентрики, функция которых интенционально исходит из перцептивной области мышления, способны доставлять объективную (экстравертную) информацию (в нашем случае – информацию о лице Говорящем и Произносящем) в континуум перцептивного мышления.

Аффективные лица парадигмы нахского языка противопоставлены речевым лицам, достаточно хорошо истолкованным в работе «Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя» (2017). Два лица парадигмы – лицо Созерцающее и лицо Слышащее как аффективные эгоцентрики морфологически представлены одинаковой аффективной формой имени в силу того, что на глубинном (модальном) уровне они выступают в качестве модусных актантов, экспонируя перцептивную часть континуума мышления, удостоверяющую субъектом с эпистемическим ходом ‘знаю’ статусом высказывания.

Модальная функция лица Слышащего с онтогенетическим свойством слышанием, запуск интенции которого результирует прямой сенсорной аудитивной эвиденциальностью как завершающей фазой авторизации данного перцептивного лица, противопоставлена модальной функции лица Созерцающего. Термин «сенсорная аудитивная эвиденциальность» употреблен нами в контексте концепции и терминологии Т. Уиллет и Н.А. Козинцевой [4; 16].

Лицо Слышащее (и / или лицо Созерцающее) в эргативном нахском языке как аргумент модального глагола ход ‘слышу’ (и / или вижу), на языковом уровне образует рамочную часть высказывания:

1)Сона (AFF) ход, аз (ERG) оал ‘Я слышу, что я произношу’ (т.е. обладаю способностью произносить) (чеч. Суна (AFF) хез, ас (ERG) олу; бацб. Сон (AFF) хацI, ас (ERG) оалъ).

2)Сона (AFF) гу, со (NOM) лув ‘Я вижу, что я говорю’ (т.е. обладаю способностью говорит) (чеч. Суна (AFF) го, со (NOM) лов; бацб. Сон (AFF) даго, со (NOM) лев).

Диктумная вторая часть приведенных высказываний, представляющая лицо (Произносящее и Говорящее) как аргумент речевого глагола экспонирует информацию, доставленную в перцептивную область мышления в результате авторизации лица Слышащего (или лица Созерцающего) – модуса рамочной части (инг. *сона* ‘я’; чеч. *суна* ‘я’; бацб. *сон* ‘я’).

Авторизация понимается нами как составляющая процесса категоризации одного из компонентов парадигмы лица, в нашем случае – лица Слышащего, стоящего за удачно доставленной им информацией о лице Произносящем извне вовне. В континууме мышления аудиокартинка «лицо произносит» эвиденциально закрепляется в исходной точке интенции лица Слышащего, категорируемого в прототипической функции доставки пропозитивной информации.

Лицо Слышащее, таким образом, является источником сенсорной аудитивной информации, доставляемой извне в перцептивную область мышления, и квалифицируется нами как носитель персузивной информации. Персузивность как квалификативная модусная категория, призвана интерпретировать сообщение с точки зрения автора [14]. Автором доставки сенсорной аудитивной информации трансцендентно извне в субъективную действительность в нахском языке является «лицо Слышащее» [11 с. 26] В континууме перцептивного мышления, куда доставляется извлекаемая извне интериоризуемая (овнутряемая) информация разными модусами (в нашем случае – лицом Слышащим или лицом Созерцающим с персузивным значением), подконтрольна *хаалуча сага* ‘*homo sentiens*’ или субъекту восприятия с эпистемическим статусом высказывания, удостоверяющим пропозитивную информацию. *Хаалу саг* ‘*homo sentiens*’, или субъект восприятия, введенный в обиход лингвистического исследования эргативного языка [8; 10] как интравертная категория, контролирует функцию субъекта визуального и аудитивного восприятия (примеры 1-2).

Информация об одном из аффективных лиц, интенция которых исходит из перцептивной области мышления (персузивность, авторизация), на морфосинтаксическом уровне распределяется между рамочной и диктумной частями соответственно (примеры 3-8). Эксплицитно-имплицитные отношения между модусной и диктумной частями высказывания (термины модус и диктум употреблены согласно концепции Ш. Балли [2]) зависят от взаимоотношений между лицами парадигмы в речевом потоке:

3)Аз (ERG) оал, сона (AFF) се (NOMrf) ход ‘Я произношу, и я себя слышу’ (то, что сам произношу) (чеч. *Ac* (ERG) олу, *суна* (AFF) *су* (NOMrf) *хез*; *Ac* (ERG) *оал*, *сон* (AFF) *се* (NOMrf) *хацI*;

4)Аз (ERG) *оала а оал*, *сона* (AFF) *хоз а ход* ‘Я и произносишь произношу, я и слышать слышу’ (т.е. я точно не немой и не глухой);

5)Сона (AFF) *се* (NOMrf.) *ход* ‘Я себя слышу’ (чеч. *Суна* (AFF) *сю* (NOMrf.) *хез*; бацб. *Сон* (AFF) *се* (NOMrf.) *хацI* ;

6) Сона (AFF) хоз айса (ERGrf.) оалар ‘Я слышу свое произношение’ (что сам произношу) (чеч. Суна (AFF) хез айса (ERGrf) олур; бацб. Сон (AFF) хең айс (ERGrf) алъар);

7) Сона (AFF) хов айса (ERGrf) оалиле ‘Я знаю о своем произношении’ (о своей способности к произношению) (чеч. Суна (AFF) хaa, айс (ERGrf) алург; бацб. Сон (AFF) хаъ, айс (ERGrf) алъар);

8) Сона (AFF) довз сай (POSrf) алар ‘Я узнаю свое произношение’ (чеч. Суна (AFF) девза сай (POS) алур; бацб. Сон (AFF) дабыло сей (POSrf) алъар).

В ситуации, обозначенной в третьем примере, рамочная часть, представляющая исходящую из перцептивной области мышления интенциональную информацию, которая обычно должна находиться в препозиции, стоит на втором месте. Аффективный глагол аргументирован субъектом модуса, выраженным на языковом уровне аффективной формой имени (*сона ‘я’*). Диктумная часть данного высказывания, представляющая объективную информацию, экспериенциально входящую в континуум перцептивного мышления, выдвинута вперед, хотя должна, как правило, располагаться в постпозиции в составе высказывания. Речевой глагол диктумной части аргументирован субъектом речи, на языковом уровне представленным местоимением в эргативной форме имени.

В четвертой иллюстрации, рамочная часть которой находится в постпозиции, в акте коммуникации задействованы два субъекта: один модальный, морфологически представленный местоимением в аффективной форме имени (*сона ‘я’*), на глубинном уровне коррелирующий с лицом Слышащим, выступающим в качестве аргумента модусного глагола слышания, второй субъект представляет речевое лицо Произносящее, как аргумент речевого глагола. В четвертом примере субъект произнесения, представленный местоимением первого лица в эргативной форме имени (*аз ‘я’*), в диктумной части, располагающейся в препозиции по отношению к модальной части, экспонирует имманентную (речевую) возможность индивида (произнесение), указывая на распознавание произнесения модальным лицом Слышащим (*сона (AFF) хоз а хоз*) в рефлексивном режиме интерпретации.

Позиция гетерогенных лиц в составе высказывания не меняет их интенциональной сущности, однако рамочная (модусная) часть обычно препозитивна в составе нахского высказывания. Кроме того, в четвертом примере редупликация речевого глагола диктумной части: *оала а оал* ‘и произносить произношу’, и модальной части: *хоза а хоз* ‘и слышать слышу’, аргументированных различными лицами (первая часть лицом Произносящим, вторая – лицом Слышащим), выполняет функцию утверждения (закрепления) наличия причинно-следственных (каузативных) отношений между модальной и диктумной частями: когда утверждается, что человек и не глухой и не немой, т.е. обладает двумя возможными мирами, обусловленными каузацией неоднородных лиц. Гетерогенность лиц (лица Слышащего и лица Произносящего) заключается в том,

что они представляют различных антропоцентристов (чувственного и рационального). Удачный запуск механизма двух гетерогенных лиц (Слышащего и Произносящего) обуславливает возможность считывания информации, закрепленной в виде сенсорной аудитивной эвиденциальности в континууме перцептивного мышления. Союзное средство (*а...а*) при этом выполняет функцию когезии двух неоднородных свойств: слышания и произношения, указывая на валентностные отношения между ними и наличие модальной интенционально-экспериенциальной (или интравертно-экстравертной) функции лица Слышащего, результирующей аудитивной эвиденциальностью, т.е. лицом произносящим (диктумная часть).

Лицо Слышащее, в силу своей интенциональности, или интравертной функции, направленной на акустически охарактеризованный объект реальной действительности, способно открыть аудитивный «возможный мир» (термин употреблен в соответствии с концепцией Я. Хинтика [13] и А.П. Бабушкина [1]), если его валентность на лицо Произносящее удачно реализовалась. Лицо Произносящее как субъект диктумной части экспонирует причину существования возможного мира, в котором индивид способен распознавать акустически организованную сторону реальной действительности, индифферентной визуальной, т.е. может получать аудитивно охарактеризованную информацию и акустически передавать ее. Соответственно вышеизложенному, валентность лица Слышащего на лицо Произносящее обуславливает локализацию речедеятеля в аудитивно-акустическом возможном мире, например, в «Стране слепых» Герберта Уэльса [3].

В пятом высказывании граница между модальной и диктумной частями нейтрализована рефлексивной формой имени (*се NOMrf*), представляющей лицо говорящее в качестве основного наблюдаемого, а значит конкретного референта. Модусная рамочная часть экспонирована как обычно: модальный аффективный глагол-предикат аргументирован модальным аффективным субъектом – лицом Слышащим (*Сона хоз ‘Я слышу’*). Диктумная часть пятого примера свернута: субъект диктумной части редуцирован рефлексивной формой (*се ‘себя’*), а предикат при нем эллипсирован, так как *се хоз ‘себя слышу’* означает: слышать собственное произношение. Рефлексивная форма *се (NOMrf)* ‘себя’ в nominativной форме имени замещает, вбирает в себя полностью диктумную часть (*аз оал ‘я произношу’*; чеч. *ас олу*; бацб. *ас алья*) и означает, что субъект слышания распознает собственное произнесение (инг. *Сона хоз, аз оал ‘я слышу, что я произношу*; чеч. *Суна хеза, ас олу, бацб. Сун хаңI, ас оал // олья*).

В таких ситуациях с рефлексивными отношениями расстановка лиц в составе предложения меняется (сочетание лиц: *сона (AFF) се (NOMrf)* ‘я себя’), в силу сворачиваемости диктумной части, когда эгоцентрик с функцией произношения, реализуемый обычно в пропозитивной части, интегрируется с модальным лицом. Возвратная форма (*се ‘себя’*) в абсолютивной форме имени указывает на

рефлексивные отношения, на референтное единство модального и пропозитивного эгоцентриков в дистинкции собственного *со* 'эго' (примеры 1-2). Два лица, два гетерогенных эго: чувственное и рациональное способны взаимодействовать, представляя диалектическое единство различных «я».

В шестом примере (*сона хоз айса оалар*) лицо Слышащее как субъект рамочной части выполняет онтологически обусловленную интенциональную функцию «слышание», а функция лица Произносящего (*аз оал* 'я произношу'), рефлексивно поданная (*айса (ERG_{rf}) оалар* 'произносимое мною'), свернута, опредмечена. Пропозитивный сверток (*айса оалар* 'произносимое мною') возможен в силу валентности лица Слышащего лицу Произносящему, ситуация выступает как подтверждение единства двух гетерогенных эгоцентриков в акте коммуникации, представляющих две взаимодействующие функции одного лица. Лицо Слышащее в рефлексивном режиме интерпретации речевой ситуации в одно слово-предложение: *со* 'я' распознает собственное произношение, указывая на наличие аудитивной эвиденциальной информации в глубинном когнитивном пространстве. На поверхностном уровне, т.е. гипотаксически эвиденция представлена в качестве диктумной части, трансформируемой в пропозитивный сверток (ср.: *аз (ERG) оал* 'я произношу' и *айса (ERG_{rf}) оалар* 'свое произношение' букв: «самим произносимое»). Следует иметь в виду, что опредмечивается в приведенных высказываниях пропозитивная часть гипотаксиса.

В седьмом примере модусная часть экспонирована глаголом *хов* 'знания', аргументированным субъектом с эпистемическим (*хов* 'знаю') статусом высказывания, т.е. отличается от предыдущих иллюстраций качеством субъекта модального смысла, а диктумная – представлена пропозитивным свертком (*айса оалилг* 'свою способность к произношению'). Субъект с эпистемическим статусом высказывания (рамочная часть) удостоверяет экстравертную эвиденциальную информацию, доставленную с областью перцептивного мышления субъектом с персуазивным значением лицом Слышащим (свернутая диктумная часть, т.е. *айса оалилг*, восходящая к диатезе: *аз оал* 'я произношу'). Трансформация диатезы (*аз оал* 'я произношу') в пропозитивный сверток (*айса оалилг* 'свою способность произносить') указывает на «степень идиоматизации», понимаемой нами в терминах В. А. Плунгян [5 с. 46-47], интерпретируемой на материале единиц синтаксического уровня. Проблема взаимоотношения эгоцентриков эргативного языка, представляющих категориальное свойство личных местоимений первого лица единственного числа, на самом деле связана с тем фактом, что они семантически равны высказыванию (предложению).

Морфосинтаксическая представленность степени идиоматизации пропозитивной информации о лице произносящем связана с разницей интенционально-экстенсиональных отношений между компонентами парадигмы лица эргативного языка.

В восьмой иллюстрации модусная часть представлена модальным субъектом с эпистемическим статусом высказывания. Глагол-предикат аргументирован субъектом с эпистемическим (*довз*

'узнаю') статусом высказывания, который контролирует только экспериенциальную информацию, доставленную субъектом персуазивной семантики в континуум мышления. Диктумная часть (*аз оал* 'я произношу') свернута в посессивный сверток (*сай алар* 'свое произнесение') посредством привлечения посессивной рефлексивной формы, что дает возможность на grammaticalическом уровне квалифицировать его в целом в качестве прямого дополнения (*каарадар*), на который переходит действие глагола-предиката рамочной части. В ингушской языковедческой традиции до сих пор не разрешен вопрос о входении и / или извлечении *каарадар* из состава предикативного центра предложения. Решение данного вопроса связано с исследованием процессов номинативизации данного нахского языка, прототипически обусловленного различного рода каузативными процессами, связанными с функцией лица. Эргативный сверток диктумной части (*айса оалилг*) седьмого примера, представляющий интериоризованную информацию, удостоверяемую субъектом с эпистемическим *хов* 'знаю' статусом высказывания, отличается от посессивного свертка диктума (*сай алар*) восьмой иллюстрации имплицитностью, т.е. закрытостью от стороннего наблюдения. Позиция внутреннего наблюдателя имплицитной информации (интенциональной и экспериенциальной) принадлежит субъекту *хар* 'знания' (чеч. *хаар*; бацб. *хаъар*), представляющему рамочную часть седьмого высказывания. Имплицитность указывает на эвиденциально закрепленную информацию, контроллером доставки которой является *хоалу саг* 'homo sentiens', т.е. субъект чувственного восприятия с эпистемическим статусом высказывания (примеры 1-2).

Эксплицитность диктумной информации (*сай алар*) восьмого примера заключается в том, что субъект модуса как аргумент глагола *довз* 'узнаю' (чеч. *давз*; бацб. *дабылг*) удостоверяет информацию, эвиденциально уже закрепленную в соответствующей ячейке перцептивного мышления субъектом с персуазивным значением, и приобретшую экстенсивный характер, в силу непервичного экспонирования. Субъект с эпистемическим *довз* 'узнаю' статусом контролирует информацию, интериоризованную субъектом персуазивной семантики и проконтролированную субъектом с эпистемическим *хов* 'знаю' статусом высказывания, исключающим повтор. Другая субъективная (авторская) информация, кроме закрытой (интериоризованной эвиденциальной) от стороннего наблюдения, ему недоступна.

Таким образом: парадигма лица эргативного языка представляет лицо Слышащее как компонента перцептивного мышления, валентного лицу Произносящему. Лицо Слышащее на языковом уровне представляет аффективную часть высказывания, т.е. функционирует в диатезе (*сона (AFF) хоз*) как актант модального аффективного глагола-предиката со значением слышания, имеющего отношение к акустически охарактеризованным высказываниям.

Субъект с эпистемическим *хов* 'знаю' статусом высказывания, на grammaticalическом гипотаксическом уровне представляющий модусную часть,

удостоверяет авторизацию лица Слышащего, результирующего сенсорной аудитивной эвиденциальностью. Лицо Слышащее, как автор интериоризации лица Произносящего, приобретает статус модального субъекта с персузтивным значением тем, что имеет непосредственное онтогенетическое отношение к произносительной функции лица.

Контролером информации, исходящей и поступающей в континуум перцептивного мышления, в эргативном ингушском языке является антропоцентрик *хөв саг* ‘*homo sciens*’, т.е. человек знающий с интравертной функцией, недоступной для стороннего наблюдения, обладающий эпистемическим *хөв* ‘*знаю*’ статусом высказывания, на морфосинтаксическом уровне представленный в эргативных языках аффективной формой имени.

Антропоцентричность нахских языков, в отличие от антропоцентричности номинативных языков, экспонируется, прежде всего, в первичных эгоцентриках, кумулирующих аффективные компоненты парадигмы лица в эргативных языках. Первичные аффективные эгоцентрики (два из четырех это: лицо Созерцающее, лицо Слышащее) выступают в эргативном ингушском языке (и в других нахских также), как категориальное свойство личного местоимения первого лица единственного числа в аффективной форме имени, т.е. в качестве его лексического значения. Одной из самых сильных характеристик аффективного местоимения эргативных нахских языков, наряду с их равенством полнозначному предложению, является маркированность дейктиком, значимая в рефлексивных языковых отношениях.

Номинативные и эргативные языки, обладающие универсальной категорией – личным местоимением первого лица, общекатегориальным значением которого является эгоцентричность, по-разному «видят» денотат реальной действительности «лицо», однозначно и / или шифтерно отражаемое в эгоцентрических экспонентах грамматически различных языков. Термин шифтер употреблен нами в соответствии с концепцией Р.О. Якобсона и Дж. Николас [15; 17]

В эргативном ингушском языке, включая и другие нахские языки, лицо как денотат реальной действительности когнитивно отражается парадигмой лица. Парадигма лица, введенная в теорию языковой личности эргативных языков [9; 12] кумулирует аффективные компоненты (Созерцающее и Слышащее), стоящие за кадром речевых лиц [6. с. 83; 7. с. 98].

Аффективные лица парадигмы, рассматриваемые комплексно, конвенциальны, они экспонируются с онтогенетической и дискурсивной точек зрения. При интерпретации аффективных лиц используется также диахронический аспект представления антропоцентристов. Эгоцентрические лица парадигмы коррелируют с системоцентрическими знаками, неоднозначно представленными на разных уровнях структуры генетически неродственных языков в направлении от смысла к тексту и от текста к смыслу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. – Воронеж: Воронежский государственный университет. 2001. – 86 с.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Иностранная литература, 1955-2001. – 416 с.
- Герберт Дж. У. «Страна слепых». Издательский дом: «Правда». Серия: Библиотека «Огонек». – М. 1964. 418 с.
- Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. № 3. 1994. С. 92-104.
- Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 384 с.
- Тариева Л.У. Размещение лица Говорящего в классической лингвопрагматической ситуации // Успехи современной науки. Том 3, № 3, 2017. – С. 81-85.
- Тариева Л.У. Размещение лица Произносящего во второй эргативной лингвопрагматической ситуации // Успехи современной науки. Том 3, № 3, 2017. – С. 96-100.
- Тариева Л.У. Междометия в системе частей речи ингушского языка. – Назрань: Пилигрим. 2012. – 72 с.
- Тариева Л.У. Парадигма лица в ингушском языке // Материалы III Международной научной конференции «Язык, культура, этикет в современном полиэтническом пространстве». – Нальчик: КБГУ, 2013. – С. 356-365.
- Тариева Л.У. Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя. – Назрань: ООО «КЕП». 2017. – 376 с.
- Тариева Л.У. Фрейм интенциональности лица Слышащего // Журнал фундаментальных и прикладных исследований. Гуманитарные исследования. № 4 (52). – Астрахань, 2014. – С. 24-27.
- Тариева Л.У. Языковая экспликация взаимоотношений между лицами парадигмы (на материале ингушского языка) // European Social Sciense Journal (Европейский журнал социальных наук). № 7. Том 3. – М.: изд. АНО «РИЭПСИ», 2014. – С. 311-316.
- Хинтика Я. Логико-эпистемологические исследования: Избранные статьи: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1980. – 447 с.
- Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: текст лекций. – Красноярск, 1988. – 54 с.
- Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол (перев. с англ. А.К. Жолковского) // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 95-113.
- Willett, Th. A Cross -Linguistic Survey of the Grammaticization of evidentiality // Studies in Language. – Amsterdam, 1988. – Vol.12. – N 1. – P. 51-97.
- Nichols J. Switch-reference causatives // CLS 21, Part II: Papers from the Parasession on Causatives and Agentivity. 1987.

POLITICAL SCIENCES

THE IDEA OF THE SOCIAL STATE IN THE UKRAINIAN PARTY DISCOURSE (RESULTS OF PARLIAMENT SITES PARLIAMENT PARTIES)

Denysova A.

postgraduate student of the Department of Political theories of the National University Odessa Law Academy (Odessa, Ukraine)

ІДЕЯ СОЦІАЛЬНОЇ ДЕРЖАВИ В УКРАЇНСЬКОМУ ПАРТІЙНОМУ ДИСКУРСІ (ЗА РЕЗУЛЬТАТАМИ ДОСЛІДЖЕННЯ САЙТІВ ПАРЛАМЕНТСЬКИХ ПАРТІЙ)

Денисова А.

асpirантка кафедри політичних теорій Національного університету «Одеська юридична академія» (Одеса, Україна)

Abstract

The article is devoted to the study of the level of coverage of the idea of the welfare state in the Ukrainian party discourse on the basis of the analysis of the websites of the parliamentary parties of the Verkhovna Rada of the 9th convocation, elected at the snap election on July 21, 2019.

It is proved that in the discourse of the Ukrainian parliamentary parties the elements of all models of the social state are presented, according to their ideological positioning, namely: liberal ("Servant of the people", "Voice"), social-democratic ("Opposition platform - for life", "Motherland"), Conservative (" European Solidarity ").

It is substantiated that the liberal discourse is characterized by attention to equal conditions of market competition of individuals, minimal role of the state in social policy, care only for those who are unable to provide for themselves; in conservative discourse, emphasis is placed on improving the efficiency of public administration in the social sphere, lobbying for big capital interests (as the largest taxpayers), attention to community self-government and traditional values; social-democratic discourse is formed around the ideas of equality, justice and solidarity.

The ideological blur and eclecticism of the Ukrainian party discourse on the construction of the welfare state was noted.

Анотація

Статтю присвячено дослідження рівня висвітлення ідеї соціальної держави в українському партійному дискурсі на основі аналізу сайтів парламентських партій Верховної Ради України IX скликання, обраної на позачергових виборах 21 липня 2019 року.

Доведено, що у дискурсі українських парламентських партій представлено елементи усіх моделей соціальної держави, відповідно до їх ідеологічного позиціонування, а саме: ліберальна («Слуга народу», «Голос»), соціал-демократична («Опозиційна платформа – за життя», «Батьківщина»), консервативна («Європейська солідарність»).

Обґрунтовано, що для ліберального дискурсу характерною є увага до рівних умов ринкової конкуренції індивідів, мінімальна роль держави у соціальній політиці, турбота лише про тих, хто самостійно не здатний себе забезпечити; у консервативному дискурсі наголос робиться на підвищенні ефективності державного управління соціальною сферою, любіювання інтересів великого капіталу (як найбільших платників податків), увага до самоврядування громад та традиційних цінностей; соціал-демократичний дискурс формується навколо ідей рівності, справедливості та солідарності.

Відзначено ідеологічну розмитість та еклектичність українського партійного дискурсу відносно побудови соціальної держави.

Keywords: social state, social policy, political parties, party discourse, election programs, parliamentary elections.

Ключові слова: соціальна держава, соціальна політика, політичні партії, партійний дискурс, передвиборні програми, парламентські вибори.

Постановка проблеми. Партийний дискурс є невід'ємною та вкрай важливою складовою сучасної демократії. Для демократизації політичного процесу у пострадянських країнах одним із визначальних чинників стає плюралізм партійних програм, публічне змагання політичних партій за владу під час виборчих кампаній, використання інформаційних ресурсів впливу на громадську думку. У

комплексі це все поступово перетворює дискурс українських політичних партій з маргінального явища (яким він був на початку 90-х років ХХ століття) на впливовий фактор суспільного життя, який динамічно розвивається. На відміну від часів радянського авторитаризму, коли партійні комунікації формувались в умовах однопартійної системи і до початку «перебудови» лише був віддзеркаленням позиції

ЦК КПРС, дискурс українських партій дійсно характеризується різноманіттям позицій, змагальністю та конфліктністю. Водночас, у дискурсі політичних партій повною мірою проявляються усі вади пострадянського «партійного будівництва», олігархізація партій та мас медіа (ЗМІ), медіатизація політики, ін.

Варто погодитись із тим, що «...у порівнянні із радянською системою пропаганди нова українська система... відрізняється різноманітністю точок зору, в основі якої – конфлікт інтересів власників чи співзасновників... проте «публічної сфери», сфери громадянського діалогу, у якій суспільство могло би визначити своє майбутнє через відкрите і раціональне обговорення різних проблем, як не було так і немає» [20, с. 167-175]. Цілком це відноситься до партійного дискурсу, у якому переважають вертикальний рух інформації (від лідерів партії до рядових членів), пропаганда, а не діалог (навіть у соціальних мережах, де партії останнім часом проявляють усе більшу активність), яскраві образи «вождів» у фото та відеоматеріалах, а не ґрунтовні міркування щодо майбутнього країни.

Сучасний партійний дискурс формується двома шляхами. По-перше, стихійно – як процес міжособистісної комунікації на горизонтальному рівні, у якому беруть участь усі члени партії. По-друге, він цілеспрямовано створюється партійною елітою, конструкуються фахівцями із політичних та масових комунікацій. Політична інформація у такому випадку розповсюджується вертикально («зверху – вниз») за допомогою спеціальних засобів комунікації (партійна преса, виборчі листівки, партійні сайти, сторінки у соціальних мережах тощо). На думку В. Стоцького, «...дискурс представляє собою текстуальне вираження пануючих у суспільстві та еліті ідеологічних схем, а мовна комунікація в політиці поступово переходить у розряд найсуничнішого, найбільш ефективного засобу боротьби за державну і політичну владу» [19].

На даному етапі суспільного розвитку значно зростає роль мережі Інтернет у формуванні партійного дискурсу. Це обумовлено як постійним збільшенням кількості користувачів, так і покращенням якості послуг щодо доступу до швидкісного зв'язку, зокрема – переходом від системи 3G до 4G у мобільному інтернет. Зокрема, за даними на квітень 2019 року кількість користувачів (абонентів) мережі Інтернет в Україні становила 26,38 млн. осіб. При цьому, зберігається позитивна динаміка, адже «...це на 313 тис. більше, ніж на початку року» [6].

Політичні партії в Україні усе більше уваги приділяють офіційним сайтам, їх наповненню цікавим контентом та яскравими образами з метою донесення основних положень партійної програми, інформації про діяльність лідерів до громадян. Особливого значення набуває дослідження офіційних сайтів парламентських партій. Вони мають поступово відходити від передвиборчої риторики та формувати партійний дискурс навколо важливих питань соціального та економічного розвитку українського суспільства.

Дослідження ідеї соціальної держави в українському партійному дискурсі є важливим науковим завданням. Адже, воно спрямоване на визначення рівня висвітлення в українському партійному дискурсі (що виражається, зокрема в інформаційному наповненні відповідним контентом офіційних партійних сайтів) тих складних питань, які турбують більшість громадян, впливають на стан громадської думки та електоральну підтримку. Саме до проблем такого роду, безумовно, відноситься увесь комплекс завдань, пов’язаних зі становленням соціальної держави в Україні.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Комплексність визначененої дослідницької проблеми потребує урахування здобутків зарубіжних та вітчизняних науковців за трьома напрямками. По-перше, дослідження політичних партій в Україні, зокрема – специфіки партійної діяльності в умовах пост тоталітарних трансформацій представлена у працях Л. Гонюкової, С. Телешуна, І. Кресіної, А. Кройтора, Є. Перегуди, Л. Шкляра, Г. Саєнко, Ю. Шведи, Ю. Романюка, Ю. Шайгородського, ін. Зокрема, Є. Перегуда, досліджуючи політичні доктрини лівих партій у сучасній Україні, зазначає: «Важливого значення набуває аналіз осмислення лівими партіями в нових суспільних умовах базових принципів лівого руху – свободи, солідарності, справедливості. Це дає змогу не лише з’ясувати ступінь адекватності відображення ними соціальних реалій, а й рівень рефлексії політичної та суспільної науки в значенні даних принципів у процесі становлення нового суспільства» [10, с. 3].

Відзначимо, що у сучасному партійному дискурсі вимога посилення уваги до феноменів соціальної держави, соціальної справедливості та солідарності поширюються не лише на соціалістичні та соціал-демократичні партії, а і на партії ліберального та консервативного спрямування.

По-друге, аналіз сутності та функцій партійного дискурсу як складової політичного дискурсу в умовах демократичного політичного режиму. Серед представників даного напрямку слід відзначити В. Денисенка, С.-В. Кривенко, К. Серажим, В. Стоцького, Н. Нагорну, С. Наумкіну, Н. Петлюченко, Д. Яковleva, ін. Цим науковцям належать ґрунтовні праці міждисциплінарного характеру, адже дослідження дискурсу відносяться до сфери наукових пошуків сучасних соціальних філософів, соціологів, філологів, політологів тощо.

Як зазначає С.-В. Кривенко щодо сутності та ознак політичного дискурсу: «У межах політичного дискурсу циркулюють політичні тексти, в процесі чого виникають сенси значимих символів, які регулюють та організовують політичне життя соціуму. Наголошено, що політичному дискурсу притаманна низка специфічних ознак, які формують його як символічну реальність: комунікативність і цілісність, символічність, обмежений доступ до їхнього продукування (або політичність), раціональність і аргументованість, культурна детермінованість, еволютивність (або оцініність), темпоральність і просторовість (що пояснює межі функціонування

політичного дискурсу), структурованість і абстрактність» [8].

По-третє, безпосередньо дослідження соціальної держави, її генези та моделей представлено у працях Е. Гансової, В. Горбатенка, І. Кресіної, Л. Кормич, С. Наумкіної, А. Сіленко, В. Співака, Н. Хоми, Г. Щедрової, Л. Ярової, ін.

У праці І. Кресіної та Н. Хоми «Моделі соціальної держави: модернізуючий вплив глобалізації» наголос робиться на зв'язку між розвитком державності в Україні як складової європейського співовариства та формуванням концепції соціальної держави і перспектив її утвердження, враховуючи конституційну норму про Україну як соціальну державу.

Дослідниці відзначають: «Соціальна держава є динамічним і багатогранним явищем, яке відповідає на виклики того суспільства, в якому формується» [7].

Водночас слід відзначити, що недостатньо уваги приділяється дослідженню ідеї соціальної держави в українському партійному дискурсі, враховуючи значну роль фракцій парламентських партій у формуванні коаліції та уряду, визначені основних напрямків публічної політики з питань формування соціальної держави в Україні.

Формулювання мети статті. Метою статті є дослідження рівня висвітлення ідеї соціальної держави в українському партійному дискурсі на основі аналізу сайтів парламентських партій Верховної Ради України IX скликання, обраної на позачергових виборах 21 липня 2019 року.

Основний матеріал дослідження. Позачергові вибори народних депутатів України відбулись 21 липня 2019 року, активність виборців склала 49,8 %, а участь у виборах взяли 22 політичні партії [5]. Це найнижча явка за усю історію парламентських виборів; фактично парламент обрали лише 14 млн. 717 тис. громадян з 29 млн. 527 тис. зареєстрованих виборців, а до парламенту пройшло 5 політичних партій: політична партія «Слуга народу» (43,16 %), політична партія «Опозиційна платформа – за життя» (13,05 %), політична партія Всеукраїнське об’єднання «Батьківщина» (8,18 %), політична партія «Європейська Солідарність» (8,10 %), політична партія «Голос» (5,82 %) [5].

Позачергові вибори народних депутатів стали продовженням президентської виборчої кампанії, як щодо основних суб’єктів виборчого процесу (лідери політичних партій балотувались в якості кандидатів на президентських перегонах 31 березня 2019 року), так і у сенсі обговорюваних тем порядку денного електоральної кампанії.

При цьому, слід зауважити, що «У передвиборчих програмах кандидатів під час президентської кампанії 2019 року взагалі була відсутнія навіть згадка про соціальну державу... Як наслідок, відбувається переоцінка ролі держави як «агента» розвитку, реформ, благополуччя громадян. А це може привести до негативних наслідків не тільки у соціальній політиці, а й в усьому комплексі відносин між державою та суспільством» [1, с. 785 – 788].

Адже, соціальна держава, незважаючи на різноманіття визначень та підходів до її формування є однією із ключових ознак справедливого суспільства в умовах демократичного політичного режиму, невід'ємним елементом у відносинах держави та суспільства, метою політичного розвитку України. У соціальній державі втілюються принципи гуманізму, солідарності, справедливості, толерантності без яких неможливо уявити сучасну державу взагалі.

На сучасному етапі розвитку суспільств консолідованої демократії, на основі політичних ідеологій та реального досвіду партійної діяльності сформовано декілька моделей соціальної держави: ліберальна модель соціальної держави, консервативна модель соціальної держави, соціал-демократична модель.

Відповідь на запитання щодо позиціонування дискурсу українських парламентських партій у просторі моделей соціальної держави представлено на їх офіційних сайтах.

На сайті політичної партії «Слуга народу» зазначено, що ця сила шукає «...якісно нових людей, які готові змінювати, які не були частиною старої політики, які мають здобутки у своїй справі! Перше завдання – очищення країни від корупції, мародерства, хабарників та лицемірів... «Слуга Народу» - політична партія, створена для тих, хто готовий змінювати країну! Ми... ведемо до парламенту чесних і порядних людей, що готові служити народу, а не олігархічним кланам. Далі – третя хвиля: формування професійного уряду народної довіри, перезавантаження системи» [18].

Як бачимо, активно використовуються слова «народ», «народна довіра», «служити народу». Можна припустити, що це не лише варіації на тему назви партії, а і певний маркер щодо її ідеологічного спрямування та подальших кроків щодо побудови соціальної держави. Для ліберальних партій більш характерною є апеляція до індивідів, аніж до спільнот, наголос на захисті індивідуальних свобод. На відміну, у дискурсі партій лівого спрямування активно використовуються апеляції до певних груп та спільнот, найбільшою з яких є «народ». Серед основних цілей партії «Слуга народу» проголошено: «Зробити українців рівними перед законом, народних обранців — відповідальними, покарати корупціонерів. Дати економіці розвиватись, навести лад в системі, побудувати гуманітарну політику, яка єднає Україну» [18].

Відзначимо, що згадки про соціальну державу на стартовій сторінці офіційного сайту політичної партії «Слуга народу» немає.

У розділі «Блоги» наведено перелік комітетів ВР України, серед них відразу декілька комітетів безпосередньо відносяться до вирішення завдань щодо створення соціальної держави: комітет з питань соціальної політики, комітет з питань здоров'я нації, медичної допомоги та медичного страхування, комітет з питань гуманітарної та інформаційної політики, Комітет з питань освіти, науки та інновацій. Також відзначено, що ВР України серед пріоритетних законопроектів визначила наступні:

«Зокрема, якомога швидше до сесійної зали мають потрапити проекти законів про імпічмент, спрощення умов роботи для підприємців, будівництво доріг та протидію «законодавчому спаму». Та головне – Верховна Рада зробила крок до скасування депутатської недоторканності!» [18].

Таким чином, серед пріоритетів «монобільшості» фракції політичної партії «Слуга народу» у ВР України немає жодного законопроекту, напряму пов’язаного із соціальною політикою та формуванням соціальної держави. Хоча, опосередковано проблеми рівності та соціальної справедливості, безумовно, стосуються ініціатив щодо зняття недоторканості та визначення процедури імпічменту. Наголос на спрощенні роботи для підприємців можна віднести до ліберального ідеологічного дискурсу.

На сайті політичної партії «Опозиційна платформа – за життя» [17] акцентується увага на вирішенні конфлікту на Сході України (цьому присвячено окремий розділ сайту «Мирний план», інтерв’ю лідерів партії В. Медведчука, В. Рабіновича, Ю. Бойка тощо), та корпоративних проблем (регулювання ринку газу, електроенергії, протидія рейдерському захопленню окремих підприємств тощо).

Натомість, у розділі «Законопроекти» досить багато уваги приділяється питанням, напряму пов’язаним із становленням соціальної держави, хоча деякі з ініціатив межують із популізмом. В якості прикладів можна навести наступні статті: «Вадим Рабінович пропонує звільнити молодь від сплати податків», «Вадим Рабінович пропонує ввести «тринадцяту» пенсію для українських пенсіонерів», «Лідери «Опозиційної платформи – За життя» пропонують Раді скасувати військовий збір» [2].

Безпосередньо «соціальна держава» як мета політичного розвитку України згадується в інтерв’ю В. Медведчука телеканалу «112 Україна» [3] та в інтерв’ю О. Лукашева «Ми йдемо до парламенту, аби відродити в Україні зруйновану соціальну державу» [9].

Дискурс щодо соціальної держави на сайті політичної партії ВО «Батьківщина» також представлено переважно інтерв’ю лідерів. Йдеться про необхідність нової соціальної доктрини, нової якості соціальної політики, створення в Україні соціальної ринкової економіки. Це дозволяє позиціонувати дискурс партії щодо соціальної держави як соціал-демократичний.

Зокрема, таке бачення представлене у статтях: «Запропонована Тимошенко страхова медицина стане основою реальних змін», «Новий курс – це європейські зарплати освітням, високі стипендії та безоплатна освіта», «Розвиток середнього класу та державна підтримка найменш захищених, – Юлія Тимошенко про соціальну ринкову економіку», ін. [14].

На сайті політичної партії «Європейська солідарність» у розділі «Маніфест» йдеться про стратегію партії, спрямовану на європейську та євроатлантичну інтеграцію. Щоправда, не уточнено конкретні напрямки та механізми реалізації інтеграції до

ЄС та НАТО, вибору моделі соціальної держави. Зазначено: «Цивілізаційний вибір українського народу зроблено ще у 2014 році. Ми – європейська країна, і миємо стати частиною НАТО і Європейського Союзу» [16].

У програмі партії «ЄС», розміщеної на сайті, наявна риторика з акцентом на індивіді, його правах та активності як основі солідарності: «Ми також говоримо про європейську солідарність як консолідацію демократичного суспільства вільних та відповідальних громадян, здатних об’єднуватись заради захисту власних цінностей та добробуту своєї країни» [12]. Йдеться про солідарне суспільство та справедливість, як одну із п’яти цінностей партії.

Нарешті, назви та зміст декількох розділів, наявних у програмі, дозволяють говорити про елементи консервативної ідеології у питанні розбудови соціальної держави. Зокрема, йдеться про «традиційні цінності» (зв’язок із попередніми поколіннями, історична пам’ять, національна ідентичність тощо), «сильні громади» (творення сильних самоврядних громад).

Щодо соціальних питань, які безпосередньо стосуються соціальної держави, то на сайті висвітлюється позиція фракції «ЄС» щодо необхідності збереження окремого міністерства у справах ветеранів [4].

Пошук на сайті політичної партії «Голос» інформації за словосполученням «соціальна держава» не дав жодного результату. Згадка про соціальну державу на сайті відсутня. Щодо програми, то принаймні чотири її розділи напряму стосуються проблем, пов’язаних із соціальними функціями держави: «Якісна та доступна медицина», «Соціальна політика», «Справедливість варта того, щоби битися», «Освіта має шукати таланти». У дискурсі політичної партії «Голос» наявні ознаки ліберальної доктрини щодо моделі соціальної держави. Успішна соціальна політика є наслідком індивідуальної підприємницької активності громадян, що сплачують податки та працюють у правовому полі. Саме тому серед пріоритетів партії – боротьба із корупцією, високотехнологічна економіка, деолігархізація, захист інвесторів та молодих інноваторів [11]. Натомість, партія обіцяє відстоювати права та інтереси ветеранів [15].

Висновки. Таким чином, у дискурсі українських парламентських партій представлено елементи усіх моделей соціальної держави, відповідно до їх ідеологічного позиціонування: переважно ліберальна («Слуга народу», «Голос»), переважно соціал-демократична («Опозиційна платформа – за життя», «Батьківщина»), переважно консервативна («Європейська солідарність»). Для ліберального дискурсу характерною є увага до рівних умов ринкової конкуренції індивідів, мінімальна роль держави у соціальній політиці, турбота лише про тих, хто самостійно не здатний себе забезпечити. У консервативному дискурсі наголос робиться на підвищенні ефективності державного управління соціальною сферою, лобіювання інтересів великого капіталу (як найбільших платників податків), увага до

самоврядування громад та традиційних цінностей. Соціал-демократичний дискурс формується на-коло ідей рівності, справедливості та солідарності. Тут соціальні функції держави є головними, вони охоплюють усіх громадян та усі соціальні відно-сини.

При цьому, слід відзначити певну ідеологічну розмітість та навіть еклектичність українського партійного дискурсу відносно побудови соціальної держави. Це видається цілком природнім на сучасному етапі, враховуючи унікальність українського демократичного транзиту, відсутність сталого ідео-логічного позиціонування партій та пост - автори-тарний досвід формування партійного дискурсу.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Денисова А. Передвиборчі маніфести щодо соціальної держави в Україні. *Суспільство ХХІ століття: крізь призму історії до сьогодення: матеріали всеукраїнської наукової конференції*, м. Одеса, 18 травня 2019 року. Одеса, 2019. С. 785 – 788.
2. Законопроекти «ОПЗЖ». Сайт «ОПЗЖ». URL: <http://zagittyta.com.ua/ua/news/zakonoproekty>
3. Інтерв'ю В. Медведчука телеканалу «112 Україна». Сайт «112 Україна» URL: http://zagittyta.com.ua/ua/news/intervju/intervju_viktora_medvedchuka_telekanalu_112_ukraina_programma_bolshoe_intervju_s_bolshim_politikom.html
4. Ірина Фріз: закликаю Президента України залишити Міністерство у справах ветеранів самостійним, не об'єднуючи його з міністерством тимчасово окупованих територій Веб-сайт «Європейська солідарність» URL: <https://eurosolidarity.org/news/>
5. Кількісні характеристики виборчої кампанії. Позачергові вибори народних депутатів України 2019. Офіційний веб-сайт Центральної виборчої комісії. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2019/wp300pt001f01=919.html>
6. Кількість інтернет-користувачів в Україні продовжує зростати. РБК-Україна. 2019. 21 травня. URL: <https://www.rbc.ua/ukr/news/kolichestvo-internet-polzovateley-ukraine-1558443228.html>
7. Кресіна І., Хома Н. Моделі соціальної держави: модернізуючий вплив глобалізації. *Публічне право*. 2015. № 1 (17). С. 185 – 196. URL: file:///C:/Users/admin/Downloads/pp_2015_1_28.pdf
8. Кривенко С.-В. О. Семантична парадокса-льність політичного дискурсу (теоретико-методологічний аналіз) дис. ... канд.політ наук: 23.00.01 / Львівський національний університет імені Івана Франка. Львів, 2016. 216 с. URL: http://www.lnu.edu.ua/wp-content/uploads/2016/02/dis_kryvenko.pdf
9. Олександ Лукашев: Ми йдемо в парламент, щоб відродити в Україні зруйновану державу. Сайт «ОПЗЖ» URL: http://zagittyta.com.ua/ua/news/novosti/aleksandr_lukashev_my_idem_v_parlament_chtoby_vozrodit_v_ukraine_razrushennoe_socialnoe_gosudarstvo.html
10. Перегуда Є. В. Політичні доктрини лівих партій України в сучасний період: автореф. дис. ... канд. політ. наук: 23.00.02. Одеса, 2002.16 с.
11. Програма політичної партії «Голос змін» Веб-сайт «Голос змін». URL: <https://goloszmin.org/storage/app/media/program/program.pdf>
12. Програма політичної партії «Європейська солідарність» Веб-сайт «Європейська солідарність» URL: https://eurosolidarity.org/wp-content/uploads/2019/06/es_program.pdf
13. Результати по багатомандатному виборчому округу. Позачергові вибори народних депутатів України 2019. Офіційний веб-сайт Центральної виборчої комісії. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2019/wp300pt001f01=919.html>
14. Сайт «ВО Батьківщина» URL: <https://ba.org.ua/>
15. Сайт «Голос змін» URL: <https://goloszmin.org/>
16. Сайт «Європейська солідарність» URL: <https://eurosolidarity.org/>
17. Сайт «ОПЗЖ» URL: <http://zagittyta.com.ua/>
18. Сайт «Слуга народу» URL: <https://sluga-narodu.com>
19. Стоцький В.В. Комунікативні технології у політичному дискурсі ЗМІ в Україні: дис. ... канд.політ наук: 23.00.02 / Південноукраїнський національний педагогічний університет ім. К.Д. Ушинського. Одеса, 2010. 203 с. URL: <http://dspace.pdpu.edu.ua/jspui/bitstream/123456789/594/3/85024e03-81ba-43eb-aa2a-9259fd50b6e4.pdf>
20. Яковлев Д. В. Комунікативні чинники формування демократичної політики / Д. В. Яковлев // Сучасна українська політика. Політики і політологи про неї. – К., 2007. – Вип. 9. – С. 167-175.

**RELIGIOUS FUNDAMENTALISM AS THE SOURCE OF THE LEGITIMIZATION OF
QUASIMONARCHIC AUTHORITARY STATE FORMS OF GOVERNMENT**

Petriaiev O.

PhD student at the National Institute for Strategic Studies

**РЕЛІГІЙНИЙ ФУНДАМЕНТАЛІЗМ ЯК ДЖЕРЕЛО ЛЕГІТИМАЦІЇ
КВАЗІМОНАРХІЧЕСКІХ АВТОРИТАРНИХ ДЕРЖАВНИХ ФОРМ ПРАВЛІННЯ**

Петряєв О.С.

асpirant Національного Інституту Стратегічних Досліджень

Abstract

The article deals with contemporary religious fundamentalism in the Russian Federation, especially the role of the Russian Orthodox Church in the political life of Russia. The Russian Orthodox Church, has become one of the key elements in the legitimization of the modern Russian state system, as well as the formation of the ideology of the Russian World. From a post-modern point of view, religion plays a role in strengthening the centralized power of the Russian Federation.

Анотація

У статті, розглядається, питання сучасного релігійного фундаменталізму в Російській Федерації, особливо роль Російської Православної Церкви в політичному житті Росії. Російська Православна Церква, стала одним з ключових елементів в легітимізації сучасного державного ладу в Росії, а так само формування ідеології “Русского Мира”. З точки зору пост-модерну, релігія відіграє в Росії, роль зміцнюючого елемента централізованої влади Російської Федерації.

Keywords: Russia, religious fundamentalism, Russian Orthodox Church, religion, postmodern, quasi-monarchism.

Ключові слова: Росія, релігійний фундаменталізм, Російська Православна Церква, релігія, постмодерн, квазімонархізм.

Постановка проблеми в загальному вигляді.

Ідеологія держави це невід'ємна частина

існування державної системи, яка задає напрям руху і розвитку країни. Під час епохи Російської Імперії, основними компонентами російської ідеології, було самодержавство, Російська Православна Церква і панславінізм. Після перемоги Жовтневої Революції новою ідеологією було обрано побудова комунізму і часткова відмова від релігії. Тобто нове політичне і економічне вчення Карла Маркса, Фрідріха Енгельса, і Володимира Леніна. Сьогодні, після падіння комуністичного режиму в Росії, і приходу до влади Президента Путіна, Росія занурилася в епоху постмодерну. Нова ідеологія Росії, це гібрид, створений з елементів сильної президентської влади, проникнення впливу Російської Православної Церкви в багато сфер життя і потреба російського суспільства в консервативних цінностях.

Мета статті це аналіз і визначення розвитку сучасної російської ідеології і головного його елемента Російської Православної Церкви в контексті епохи пост-модерну.

Викладення основного матеріалу. Сьогодні світ живе в епоху постмодерну. Постмодернізм став логічним продовженням епохи модернізму. Саме індустріальне суспільство створило епоху модернізму, а постіндустріальне суспільство і інформаційне суспільство стали основоположниками епохи постмодерну. Перед постмодерністською теорією поставлена задача пояснити явища і процеси сучасного світу, дати чітке визначення май-

бутніх цілей і завдань розвитку людства, так як модернізм застарів і не відповідає тим вимогам сучасного суспільства яке воно проявляє. Модерн який переходить в постмодерн це зміна культурних епох, і всіх соціальних, політичних елементів пов'язаних з цими епохами. Переход в постмодерністську еру, це відмова від догматів епохи модернізму. Одним з головних елементів епохи модерну, була віра в Европоцентризм, в прогрес думки. Відмова від цих принципів, як застарілих, привели людство до усвідомлення розуміння концепції постмодерну, поліцентричної картини світу, яка проявляється в зміні геополітичних взаємин різних держав на світовій арені, і так само, зміна побудови внутрішньої системи державного управління в деяких країнах. Зміни соціально-філософських структур суспільства виявлялися завжди протягом історії людства, але саме зараз постмодерн прийняв глобальних характер, завдяки епохи глобалізації, і західним інформаційним технологіям. У світі постмодерну всі класичні життєві підвалини ламаються, або ставляться під сумнів. Політичне життя перетворюється на фарс. Важливий елемент постмодерну це взаємовідношення між суспільством і державою. В епоху модерну держава виконувала різні соціальні обов'язки, які були необхідні суспільству, таким чином суспільство і держава формували симбіоз взаємозалежності. В епоху постмодерну, держава вже не може виконувати різні функції які необхідні суспільству, і суспільство може обходитися без держави. Суспільству вже не потрібна держава, що бути щасливими, люди стали мобільними завдяки епосі глобалізації та інформаційного

прогресу, і здатні шукати комфорт для себе і своєї сім'ї в різних куточках планети. Сьогодні, держава сама не дає суспільству розвиватися, так як владі і еліті необхідно суспільство для легітимізації свого існування. Але суспільству не потрібна держава, яка не здатна виконувати свої функції. В епоху постмодерну, деякі соціальні та політичні організації стають анахронічними або потребують глибокої модернізації, що б відповідати сучасним соціальним викликам. Інститут державності, зіткнувся з постмодерністськими силами, які адаптовані для розвитку і існування в нинішній історичній, соціальній та політичній епосі. Державний інститут може в даному випадку стати номінальним, або підлаштується під нові виклики і стати активним гравцем і світі постмодерну. Така ситуація яка склалася вказує на те, що постмодерністський світ де-конструює поняття суверенної держави. Державна система не встигає адаптуватися під виклики епохи глобалізації, інформаційних технологій і масової міграції, які підригають поняття національної ідентичності, як основу держави, розщеплюючи суспільство на безліч сегментів, які реалізують свої власні інтереси. Таким чином, спостерігається руйнування класичного поняття держави в епоху постмодерну. Державна система втрачає об'єднуючий елементи, такі як національна ідентичність, що призводить до фрагментації суспільства, і спроби досягти членами товариства індивідуальних інтересів, нехтуючи інтересами державними. Фрагменти суспільства створюють свої власні політичні рухи, економічні об'єднання, військові структури, утворюючи свою власну суспільно-політичну реальність. Пост-модерн стає ареною зіткнення безлічі ідеологій, від фемінізму до націоналізму [1].

У світі пост-модерну, в якому ми зараз живемо, для виживання держави, потрібні різні сполучні елементи які стають необхідним фундаментом. Такими сегментами є релігія, мова, нація і об'єднуюча державу еліта яка формує владу.

Після розпаду Радянського Союзу, Росія розвивалася по ліберально демократичним принципам, які закінчилися після приходу до влади Володимира Путіна. Нова ідеологія Росії, може бути охарактеризована, переробкою під новий час архаїчних ідей, і пожертвуванням власної громадянської свободи заради спільноти державного мети. Росіянам вселяється, що Росія це фортеця, і вона змушена відбиватися від зовнішніх ворогів. Цими ворогами призначенні Сполучені Штати Америки, НАТО, Україна і внутрішні вороги у вигляді п'ятої колони. Росіяни згуртувалися навколо Президента Путіна, вважаючи, що вони всі члени його великої команди. Нова ідеологія проектується через російські федераційні і міжнародні засоби масової інформації. Інформація яка надається росіянам дуже проста в розумінні і сприйнятті. В якості фундаменту нової російської ідеології, служить гордість за колишні радянські перемоги і досягнення.

Перше, що важливо зазначити, це те, що росіянам імпонує сильний лідер. Історично росіяни звикли до сильних керівників, таких як цар Іван

Грозний, цар Петро Перший, генеральний секретар ЦК КПРС Сталін і ось в сьогоднішній час Президент Російської Федерації Володимир Путін. Сьогодні відзначається, що в Росії серед населення, великою популярністю користуються ідеї сталінізму, тобто сильного і авторитарного лідера.

Останнім часом серед росіян зростає значимість особистості Йосипа Сталіна. Росіяни розуміють, що при Сталіні було багато негативних моментів, для історії Росії та СРСР, але так само були і позитивні аспекти. За останні роки, негативні аспекти епохи Сталіна, стали йти на другий план, а на передній план стали виходити образи Сталіна, як лідера країни що перемогла у Великій Вітчизняній Війні, а так само як модернізатора і людини який зміг навести порядок у величезній Радянській імперії.

За даними аналітичного центру Левада-Центр, кількість Росіян готових визнати Сталіна злочинцем дуже сильно змінилося. У 2009 році їх було 38%, і до 2017 року, їх число знизилося до 26%. До 2019 року, кількість Росіян готових визнати позитивну роль Сталіна в історії Росії зросла до 70%. Таким чином, за останні роки, особистість Сталіна при сприянні Російського уряду стала реабілітуватися, з негативною в позитивну.

Позитивна роль Сталіна в історії Росії, штучно нав'язується російському народу урядом. Паралельно з розвитком культу святкування дня перемоги у Великій Вітчизняній Війні, використовується особистість Сталіна, як допоміжний елемент. Практично під забороною опинилася тема помилок Сталіна під час війни, все зводиться до того, що складний час вимагав радикальних рішень. Влада Росії, нав'язує населенню дуже просту логіку, при Сталіна СРСР виграв війну, і скільки б помилок не було, його політика була правильною. Ще один мотив, який виправдовує Сталіна, в очах населення Росії, це те, що при ньому СРСР став світовою державою. В заслуги Сталіну зараховується те, що при ньому СРСР виграв війну, була створена промисловість, створили ядерну зброю і взяли під контроль половину Європи. Досягти цього СРСР зміг саме завдяки керівництву Сталіна. Таким чином, у свідомості Росіян, складається простий і логічний ланцюг подій. Сталін прийшов до влади в СРСР, виграв війну, перетворив СРСР в імперію, після чого Горбачов і Єльцин, зруйнували цю наддержаву, повалили народ у злідні і Росія втратила повагу на світовій геополітичній арені. Далі при керівництві країною президентом Путіним, Росія повернула собі Крим і захищає свої геополітичні інтереси на міжнародному просторі. Таким чином, автоматично у Росіян складається позитивний образ не тільки Сталіна, а й Путіна.

Сталін є персоніфікацією сильної державної влади. Держави, як єдиною організаційної сили для управління країною і її рушійною силою. Для населення стає логічним, що для вирішення будь-якої проблеми, потрібно посилити державну владу і дати їй більше повноважень. Сильна державна влада в свідомості Росіян асоціюється з "твердою Сталінською рукою". У росіян жах викликають

дев'яності роки, коли державна влада була дуже слабка. Росіяни позитивно оцінюють державний контроль над багатьма сферами їх життя з боку державних органів влади [2].

Росіяни, відчувають себе оточеними ворогами. Ворогами вони вважаю Сполучені Штати Америки, Європейський Союз, Україну, Ісламських радикалів, японців які намагаються повернути собі північні території і п'яту колону у вигляді ліберально демократичної неформальної опозиції. Така ситуація починає розвивати в державі політику мілітаризму, тобто нарощування озброєння і культури війни.

Після приєднання Криму до Росії, Росіяни стали вірити в велич своєї країни. Україну жителі Росії сприймають, як країну окуповану Америкою, яка веде війну проти жителів Донбасу. Мілітаризм, популярний серед Росіян почав розвиватися агресивними темпами, після анексії Криму. Сьогодні багато росіян не виключають ядерної війни між Сполученими Штатами і Росією.

Після приходу до влади Володимира Путіна, почалася епоха високих цін на вуглеводні і рівень життя росіян сильно виріс. Але до початку наступного десятиліття, росіянам став важливий імідж їхньої країни, то є їх велич ніж їхні особисті інтереси. Населення відчуло потребу в консервативній політиці, яке, російський уряд її із задоволенням надав. У розумінні росіян, елемент консервативної політики, це віра в сильного лідера. Як не дивно, інститут президентства в Росії, це один з найефективніших і функціональних державних інститутів. Інша частина системи існує, що б підтримувати лідера Росії. У цій системі відмінно вписується Російська Православна Церква, яка "легітимізує" російську політичну систему, служить, одним з елементів російської ідеології.

В епоху постмодерну, російська політична система і російська ідеологія являє собою гібридну форму. На чолі країни стоїть "неоцарь" Володимир Володимирович Путін. У російському парламенті, тобто в державній думі, влада належить партії Єдина Росія. Її оточують партії різних політичних векторів, лояльних до правлячої еліти. Ліві інтереси виборців представляє партія Комуністична Партия Російської Федерації. Правий електорат представляє Ліберально-Демократична Партия Росії. Російський електорат змушений підтримувати одну з партій представлених в російському парламенті, що б вони не підтримували партії не лояльні російському уряду або навіть агресивні партії які закликають до повалення діючого політичного режиму.

Так як основна частина економіки Росії залежить від експорту сировини, від 60 до 70% громадян Росії залежать від бюджету країни. Жителі Росії розуміють, що бюджет наповнюється за рахунок експорту нафти і газу. Соціальний контракт який був створений при правлінні президента Путіна, створює умови, де народ Росії, велика його частина, повністю залежні від економіки, і не мають особливої свободи для заробляння собі на життя. Основна

частина населення Російської Федерації це частина великого механізму путінської Росії [3].

Але одним з найголовніших елементів сучасної російської ідеології залишається православ'я, тобто Російська Православна Церква. Російська Православна Церква відігравала важливу роль за часів Російської Імперії, і її соціальний вплив було знижено за часів Радянського Союзу. В СРСР релігійний елемент ідеології замінили вчення марксизму-ленінізму і віри в світле комуністичне майбутнє. Після розвалу Радянського Союзу, і відмови від комуністичної ідеології, Росії знадобилася нова ідеологічна база. Одним з елементів цієї гібридної російської ідеології стала Російська Православна Церква.

Початок повернення релігії в соціальне життя в Росії, можна відзначити початком політики Перебудови, коли після придушення релігійних почуттів у громадян Росії, після Жовтневої Революції 1917 року, релігія повернулася в суспільну сферу життя. У Радянську епоху, релігія асоціювалася з пережитками старого царського режиму. Сьогодні у Російської Православної Церкви і Російської держави є тісний зв'язок. Не дивлячись на те, що РПЦ це важливий і сильний політичний і соціальний гравець, він дуже сильно залежить від російської влади. Так само, РПЦ грає важливу роль в Російській зовнішній політиці. У 2001 році, 27-28 квітня Патріарх Кирил виступив із доповіддю «Релігія і дипломатія. Взаємодія Відділу зовнішніх церковних зв'язків Московського Патріархату з Міністерством закордонних справ Росії», де він позначив зовнішні релігійні і політичні цілі Російської православної Церкви.

Коротко, можна відзначити кілька важливих думок які прозвучали в доповіді патріарха Кирила. Перше, про що заявив Патріарх Кирил, що Російська Православна Церква повинна повернути своє майно втрачене після Жовтневої Революції 1917 року. Друге, це захист віруючих Російської Православної Церкви за межами Росії. І третє, це спільно з урядом Росії працювати над забезпеченням багато-полярного світового порядку [4].

Важливо розуміти, що Російська Православна Церква встановлює норми поведінки та основи моралі для населення країни. РПЦ пропонує жителям Росії певний набір моральних цінностей, який і формує один з постулатів російської ідеології. Моральні цінності які росіянам пропонує РПЦ це традиціоналізм, консерватизм, анти-західництво і анти-глобалізм.

В ідеологію РПЦ входить твердження, що Москва, це Третій Рим, а Росіяни це обраний народ Богом, обґрунтуючи особливий духовний шлях Росії і її месіанство.

Президент Росії Володимир Путін, вибудував за двадцять років, чітку вертикаль влади, з централізованою системою управління зі столицею Росії, Москвою. Релігійний елемент який грає Російська Православна Церква, в особі Патріарха Кирила, це один з таких елементів. Основна частина промисловості і видобутку ресурсів, належить державі, наприклад Газпром, або Роснефть. Таким чином, не

змінюваність російської еліти, виправдання такої системи Російською Православною Церквою, централізація управління Росією і напівдержавна система економіки, вказує на те, що в Російській Федерації створена квазімонархічна система державної влади.

Система державного управління, яку вибудував президент Путін і його соратники, за багатьма характеристиками, нагадує квазімонархічну систему. Російська влада, взяла, різні елементи з ідеології, Російської Імперії і Радянського Союзу, що б створити гібридну ідеологію, для утримання влади, і політичного шляху розвитку, як внутрішнього, так і зовнішнього. Релігія, особливо Російська Православна Церква, грає найважливішу роль в створенні частини сучасної російської ідеології, легітимізації сучасної державної системи Росії, і напрямку зовнішньої політики.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Постол А.А. Постмодернізм як сучасна суспільно-політична реальність. Гуманітарний вісник ЗДІА. Випуск 42. 2010. стр. 69-79.
2. Волков. Д. Сталин, репресии, твердая рука. 21.05.2019. URL: https://www.ridl.io/ru/stalin-repressii-tverdaja-ruka/?fbclid=IwAR0r2gWcftD17uqz2_kFZuZT3fHIqr2o-lQcuLE0o5GkDKzcjQ-q_RraEco (дата звернення 25.09.2019).
3. Kolesnikov A. RUSSIAN IDEOLOGY AFTER CRIMEA. Carnegie Moscow Center. 2015. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Kolesnikov_Ideology2015_web_Eng.pdf (дата звернення 25.09.2019).
4. «Религия и дипломатия. Взаимодействие Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата с Министерством иностранных дел России». Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на конференции «Религия и дипломатия» (Москва, 27-28 апреля 2001 года). Русская Православная Церковь. Отдел внешних церковных связей. URL: <https://mospat.ru/archive/2001/06/nr106173/> (дата звернення 25.09.2019).

SOCIAL SCIENCES

PHYSICAL CULTURE AND SPORT AS ONE OF THE WAYS OF SOCIAL ADAPTATION OF PEOPLE WITH DISABILITIES

Sorokin R.

Student of Southwest state University, Kursk

Petin A.

Student of Southwest state University, Kursk

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Сорокин Р.Е.

Студент Юго-Западного государственного университета, г. Курск

Петин А.С.

Студент Юго-Западного государственного университета, г. Курск

Abstract

This article analyzes the basic conditions of social adaptation of people with disabilities, as well as the impact on them of physical culture and sports

Annotation

В данной статье проанализированы основные условия социальной адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья, а также влияние на них физической культуры и спорта

Keywords: disability, social adaptation, physical culture, sport

Ключевые слова: инвалидность, социальная адаптация, физическая культура, спорт

Инвалидность представляет собой социальное явление, от которого не защищена ни одна страна. Ежедневно люди получают тяжелейшие травмы в результате аварий, катастроф, часть социума рождается с рядом патологий. К сожалению, избежать такого негативного феномена невозможно вне зависимости от уровня социального развития государства, приоритетов и возможностей населения. Однако можно повлиять на масштабы, зависящие от ряда факторов, таких как: современное состояние системы здравоохранения, уровень социально-экономического сектора государства, состояние экологии, историческая вовлеченность страны в военные конфликты и т.д [1, с.154].

Касаемо Российской Федерации, большинство таких факторов имеют тенденцию к негативному развитию, что в свою очередь предопределяет динамику распространения инвалидности среди разных слоев социума.

Одной из самых распространенных точек зрения является гипотеза о том, что забота о своих согражданах, имеющих какие-либо ограничения, связанные со здоровьем, выступает мерилом культурного и социального развития государства. Так, например, резолюция Организации Объединенных наций от 9 декабря 1975 года содержит положения о правах человека с ограничениями здоровья и специальных условиях, которые должны предоставляться страной для поддержания и адаптации вышеупомянутой группы населения. Согласно данному нормативному правовому акту к таковым относятся: условия адаптивной среды, вопросы труда и труда, мотивационные действия со сто-

ронами общества и государства в целом, специализированные средства передвижения, индивидуальный подход к каждому нуждающемуся [2, с.159].

В связи с этим, модернизация учебно-воспитательной деятельности с категорией инвалидов просто необходима. Поскольку человек, попавший в такую жизненную ситуацию, должен адаптироваться, ему следует научиться справляться с коляской, протезами, ортезами и т.д. Индивид с ограничениями должен полноценно жить, чувствовать себя частью работоспособного общества, в этом ему как раз помогают физические упражнения и отдельные элементы спорта. При этом речь идет не только о восстановлении общего физического состояния организма, но и непосредственно о трудоспособности, приобретении навыков, необходимых в работе [3, с.5].

Положения Всемирной программы действия в отношении описываемой группы населения гласят, что с каждым годом все большее признание получает спорт для инвалидов, в следствие чего каждое государство-член ВОЗ обязуется поощрять любые виды спортивной деятельности, в том числе и путем предоставления необходимых средств и рациональной организации их.

Унификация правового положения людей с ограничениями здоровья и людей без дефектов в здоровье, вовлечение первой категории в занятия по физической культуре и спорту на данный момент выступают высшим достижением развитых мировых держав, поскольку еще несколько десятков лет назад, что для мировой истории не является большим сроком, такие понятия, как «инвалид»,

«активность» «спорт», «спортивные достижения» не интегрировались в единое целое.

На протяжении долгого времени существовало мнение о том, что физическая культура, а тем более спорт не могут рассматриваться, как механизм реабилитации, укрепления здоровья [4, с.12].

В нашей стране переворотным моментом выступил переход к демократии: были ратифицированы многие нормативные правовые акты, которые повлияли на правовое положение инвалида в социуме. Одной из важных сфер государственной политики стало создание инвалидам комфортных условий жизни, в частности в занятиях физической культурой и спортом, формирование вовлеченности в этот процесс путем:

1. Физического просвещения и информационно-пропагандистской работы в сфере массового спорта;
2. Обеспечения доступных и комфортных объектов спорта для людей с ограничением здоровья;
3. Переквалификация специалистов в области социальной и физической реабилитации отдельных групп населения;
4. Разработка ряда нормативных правовых документов. Разграничение предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами.

При этом следует учитывать разделение самих инвалидов на условные типы личности. Это тоже оказывает значительный эффект на ресоциализацию и реабилитацию лиц с двигательными нарушениями.

Как отмечает Котова О.В., существует 4 типа личности у данной категории лиц:

1. Инновационный. Данный тип личности характеризуется своей активностью, не безразличным отношением к собственной судьбе, а так же активным интересом к инновациям и изменениям;

2. Адаптационный тип. Этот тип личности уже чуть менее активен, интерес не столь ярко выраженный, как у инновационного типа, однако, всё ещё присутствует. Воспринимает новое и доступное в данный момент времени;

3. Иждивенческий тип. Данный тип личности характеризуется пассивной жизненной позицией, а так же использованием старого типа социально-обеспечивающего поведения;

4. Нигилистский. Полностью отрицает и негативно относится к любой политике государства в отношении инвалидов. [5, с. 8]

В настоящее время пути эффективного использования физических упражнений для адаптации определенных кругов населения находятся в постоянной динамике. Развиваются методы обеспечения активного отдыха для инвалидов, переключения их

на иную деятельность, совершенствование двигательной активности. Основной упор делается на нетрадиционные системы оздоровления, ориентируясь на методики по сочетанию телесного и духовного начал человека, психосоматическую саморегуляцию человека, психотерапевтическую технику и т.д [6, с.211].

В заключении, необходимо отметить, что в настоящее время уровень социальной и физической адаптации индивида с ограниченными возможностями здоровья очень высок. Многие из них профессионально занимаются спортом и достигают мировых вершин. Часть занимается общим физическим оздоровлением, развивая все группы мышц для дальнейшего восстановления организма. Медицина доказала, что регулярные занятия адаптивной физической культурой могут творить чудеса. Люди, которым был поставлен страшный диагноз, с помощью силы воли и минимальных занятий, связанных с физическими нагрузками, встают с инвалидных кресел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Нарзулаев С. Б., Сафонова И. Н., Петухов Н. А. Аспекты социальной адаптации лиц с ограниченными возможностями здоровья средствами физической культуры и спорта // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2012. 5 (120). С. 154-161.
2. Тавров Е.А. Направления совершенствования социальной адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. №2. С. 158-162.
3. Авилова И.А., Котова О.В. Адаптивная физическая культура как средство реабилитации и ресоциализации лиц с двигательными нарушениями // Двигательная активность в формировании образа жизни и профессионального становления специалиста в области физической культуры и спорта Сборник материалов региональной научно-практической конференции, посвященной 25-летию факультета физической культуры новосибирского государственного педагогического университета. 2014. С. 4-7.
4. Домбровская А.Ю. Совершенствование методов социальной адаптации инвалидов в России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2015. №1. С. 12-16.
5. Котова О.В. Ресоциализация лиц с двигательными нарушениями средствами адаптивной физической культуры и спорта [Текст]: автореф. дис... кан. соц наук / О.В. Котова – Москва, 2010. – 8 с.
6. Котова О.В. Современные модели интеграции инвалидов в социум // Социальная политика и социология. 2010. № 1 (55). С. 209-218

DISABILITY: THE END OR JUST THE BEGINNING OF A LONG JOURNEY?

Sorokin R.
Student of Southwest state University, Kursk
Petin A.
Student of Southwest state University, Kursk

ИНВАЛИДНОСТЬ: КОНЕЦ ИЛИ ТОЛЬКО НАЧАЛО БОЛЬШОГО ПУТИ?

Сорокин Р.Е.
Студент Юго-Западного государственного университета, г. Курск
Петин А.С.
Студент Юго-Западного государственного университета, г. Курск

Abstract

The article analyzes the attitude of different groups of people to disability, as well as the ways of success of the great Paralympians

Аннотация

В статье анализируется отношение разных групп людей к инвалидности, а также пути успеха великих паралимпийцев

Keywords: athlete, disability, person with disabilities, Paralympic games

Ключевые слова: спортсмен, инвалидность, лицо с ограниченными возможностями здоровья, паралимпийские игры

На нашей планете проживает порядка миллиарда людей с ограниченными возможностями здоровья. Часть из них чувствует себя другими по отношению к обществу: людьми, кто никогда не сможет существовать полноценной жизнью. У таких представителей бытует мнение о том, что социум не хочет принимать их такими, какие они есть. К сожалению, в большинстве случаев, данная группа людей проявляет аморфность в отношении себя, что в дальнейшем не оказывает положительной динамики на общее развитие организма [1, с.152].

Однако существует и другая часть, которая чувствует себя полноценными и полноправными членами общества. Эти люди ежедневно совершенствуются физически или духовно. Кто-то с головой уходит в искусство, например, Мариуш Кедзерский всегда мечтал рисовать, но у молодого человека с рождения отсутствовали обе руки, своим упорством и умением он доказал, что перед человеком нет преград, если он пытается осуществить свою цель, все препятствия на своем пути индивид создает самостоятельно. Юный польский художник пишет свои картины используя зубы [2].

Стивен Хокинг несмотря на страшный диагноз «боковой амиотрофический склероз» является выдающимся ученым в физико-математической сфере [3].

Конечно, огромное значение в жизни человека с ограниченными возможностями имеют физические нагрузки. Для того, чтобы мышцы не атрофировались и мышечный скелет был в постоянном тонусе необходимы тренировки [4, с. 5]. Кто-то занимается для себя, кто-то на любительском или профессиональном уровне.

Как отмечает О.В. Котова, на сегодняшний день особая роль принадлежит инвалидному

спорту. В настоящий момент ему уделяется весомое количество внимания, в том числе и Паралимпийские игры, которые, в свою очередь, лишь подтверждают значимость спортсменов с ограниченными возможностями. Более того, значительное внимание, по словам автора, уделяется не только физической, но и психической, а так же социальной подготовке инвалидов. Из этого можно сделать вывод, что на сегодняшний день проблема инвалидов хоть и остаётся нерешённой, но значительные сдвиги в данной области всё же нельзя не заметить. [5, с. 5]

В истории известно огромное число случаев, когда физические упражнения и нагрузки полностью меняли жизнь человека, заставляя его изменить мировоззрение, адаптироваться к современной жизни. Одним из самых актуальных примеров выступает личность Алексея Владиславовича Мошкина – российского горнолыжника, двукратного чемпиона и двукратного призера Паралимпийских игр, явившегося прототипом главного героя драмы «Со дна вершины».

Человек, который получил инвалидность в результате травмы, должен заново научиться жить. Трудно представить, как за одно мгновение весь сложившийся биологический мир индивида может рухнуть. Все обыденное и привычное лицу до получения травмы превращается в нечто недостижимое. В этот момент наступает личностный кризис, поскольку необходимо принять решение, что делать дальше. У лица в большинстве случаев начинает проявляться нервоз и апатия, иногда на фоне получения травмы может возникнуть обсессивно-компульсивное расстройство на фоне синдрома эмоционального выгорания. Зачастую именно при таком состоянии лучшим средством адаптации является спорт.

Физическая культура способна стимулировать позитивные морфофункциональные сдвиги организма, формируя определенные двигательные координации [6, с. 210].

Инвалидность-не приговор и не конец жизни, но, чтобы это понять необходимо перешагнуть через себя с осознанием того, что с этим можно жить.

Говоря о симбиозе спорта и людей с ограниченными возможностями здоровья нельзя не сказать о Паралимпиаде. Благодаря ей люди реализуют свои возможности, доказывая, что они лучшие, несмотря ни на какие преграды. Долгие, упорные тренировки, годы подготовки, не только физической, но и моральной дают свои плоды. На протяжении многих лет паралимпийская сборная Российской Федерации является одной из самых лучших.

Интересная судьба у Романа Петушкива. Двенацать лет назад в результате аварии ему ампутировали обе ноги. Находясь на больничной скамье и смотря Паралимпийские игры в Турине с экрана телевизора, он не предполагал, что через 8 лет сам станет частью спортивной истории. Его имя навсегда зафиксировалось в лыжной и биатлонной стезе. Как вспоминал сам спортсмен: «Человек придумал столько полезного для человека», - сказал так в своем интервью жизнерадостный спортсмен о своих первых протезах. На данный момент Роман является единственным в истории Паралимпиады шестикратным чемпионом игр [7].

Подводя итог всему вышесказанному, хочется отметить тот факт, что в нашей стране принято использовать слово "инвалид", однако не обязательно отлично владеть латынью, чтобы понимать: ни один из паралимпийцев не может быть так назван просто по определению. In – "не", validus – "сильный". "Несильный" – это точно не про них. Они сильны не только телом, как и все спортсмены, но и духом. Каждый в своей жизни имеет право на выбор. Возвращаясь к теме данной статьи: «Инвалидность: конец или только начало пути», можно сказать одно, что только человек сам решает, что ждем

его впереди тупик или новый судьбоносный поворот его жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кантор В.З, Митин Е.А, Филиппова С.О. Студенты-паралимпийцы в педагогическом университете: к проблеме формирования реабилитационно-образовательной среды // Universum: Вестник Герценовского университета. 2013. №2. С.152-155.
2. Художники с ограниченными возможностями, которые поразили мир своими талантами. Доступ к электронному ресурсу: <https://bigpicture.ru/?p=989670>.
3. Великий учёный, инвалид Стивен Хокинг совершил полёт в космос. Доступ к электронному ресурсу: <https://regnum.ru/news/2251565.html>.
4. Авилова И.А., Котова О.В. Адаптивная физическая культура как средство реабилитации и ресоциализации лиц с двигательными нарушениями // Двигательная активность в формировании образа жизни и профессионального становления специалиста в области физической культуры и спорта Сборник материалов региональной научно-практической конференции, посвященной 25-летию факультета физической культуры новосибирского государственного педагогического университета. 2014. С. 4-7.
5. Котова О.В. Ресоциализация лиц с двигательными нарушениями средствами адаптивной физической культуры и спорта [Текст]: автореф. дис... кан. соц наук / О.В. Котова – Москва, 2010. – 5 с.
6. Котова О.В., Современные модели интеграции инвалидов в социум Социальная политика и социология. 2010. № 1 (55). С. 209-218.
7. Петушкив Роман Александрович. Доступ к электронному ресурсу: <https://ruspekh.ru/people/item/petushkov-roman-aleksandrovich>.

Vol.2

Nº28/2019

ISSN 3375-2389

The journal publishes materials on the most significant issues of our time. Articles sent for publication can be written in any language, as independent experts in different scientific and linguistic areas are involved. The international scientific journal “Danish Scientific Journal” is focused on the international audience. Authors living in different countries have an opportunity to exchange knowledge and experience.

The main objective of the journal is the connection between science and society. Scientists in different areas of activity have an opportunity to publish their materials. Publishing a scientific article in the journal is your chance to contribute invaluable to the development of science.

Editor in chief – Lene Larsen, Københavns Universitet
Secretary – Sofie Atting

- Charlotte Casparsen – Syddansk Erhvervsakademi, Denmark
- Rasmus Jørgensen – University of Southern Denmark, Denmark
- Claus Jensen – Københavns Universitet, Denmark
- Benjamin Hove – Uddannelsescenter Holstebro, Denmark
- William Witten – Iowa State University, USA
- Samuel Taylor – Florida State University, USA
- Anie Ludwig – Universität Mannheim, Germany
- Javier Neziraj – Universidade da Coruña, Spain
- Andreas Bøhler – Harstad University College, Norway
- Line Haslum – Sodertorns University College, Sweden
- Daehoy Park – Chung Ang University, South Korea
- Mohit Gupta – University of Calcutta, India
- Vojtech Hanus – Polytechnic College in Jihlava, Czech Republic
- Agnieszka Wyszynska – Szczecin University, Poland

Also in the work of the editorial board are involved independent experts

1000 copies
Danish Scientific Journal (DSJ)
Istedgade 104 1650 København V Denmark
email: publishing@danish-journal.com
site: <http://www.danish-journal.com>